

2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL,
SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC
SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIJA: POLITICHESKIE,
SOTSIOLOGICHESKIE
I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 9 № 1
2024

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические
науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3 в 2023 году..

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет
средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал представлен в открытом доступе на сайте
Российской универсальной научной электронной
библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0
International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.
Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political,
Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific
peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K 2)
of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors
do not have to pay any article processing charge or open access
publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Free access to the Journal is provided at the website
of the Russian Universal Scientific Electronic Library.
The Journal is included into the database of the "Russian
Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0
International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор,
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф.,
СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент,
НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук,
доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент,
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент,
СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук,
проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского
университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент,
Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук,
проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС
(Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф.,
ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф.,
БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф.,
ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф.,
НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент,
АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg
State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk
State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof.,
Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Siberian Institute of Management branch of RANEPА
(Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State
Institute of International Relations (University)
(Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University
(Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State
Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk
State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University
of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial
University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National
Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member
of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

Особенности социологических исследований старения в постпандемийное время
Галкин К. А. 1

Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах
(на примере Пензенской области)
Лутова Ю. А., Щанина Е. В. 11

Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе
Погребная Н. С. 19

Развитие социально-педагогических технологий воспитания государственно-ориентированной личности в высших учебных заведениях
Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В. 31

Экономика и управление: теория и практика

Обоснование необходимости стратегического предпринимательства в индустрии хоккея
Баландин И. И. 40

Оценка трудового потенциала: от количества сил до их возможностей
Беспаликов В. В., Бельчик Т. А. 49

Развитие медиахолдинга в контексте формирования дуального рынка медиауслуг
Горелкина А. В. 60

Финтех как фактор улучшения корпоративных ESG-показателей
Ларионов К. А. 72

Трансформация рынка труда и запрос на новый тип ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики
Надеждина С. Д., Чистякова О. А., Чистяков А. А. 84

Формирование системы оценки эффективности бизнес-процессов на базе SMART-подхода
Новичкова И. А., Платов А. В., Удалов Д. Э. 95

Региональная экономика

Стратегический анализ реализации пациент-ориентированного подхода к развитию здравоохранения Кузбасса
Бадло С. В., Табашикова О. Л. 106

Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии)
Лушникова О. Л. 120

Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии
Московцева Л. В., Головлева И. В., Усанов А. Ю., Корякина Т. В. 129

Проблемы регионального развития Кыргызстана в условиях новых вызовов
Сатывалдиева Б. А. 142

Финансы

Концепция финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в современных экономических условиях
Выжитович А. М., Тахтобина М. А. 153

Society: Cultural and Political Development

Features of Sociological Research on Aging in Post-Pandemic Time
Galkin K. A. 1

Social Adaptation of Foreign Students in Regional Universities (Case Study of the Penza Region)
Lutova Yu. A., Shchanina E. V. 11

Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society
Pogrebnaya N. S. 19

Development of Socio-Pedagogical Technologies for Educating a State-Oriented Personality in Higher Education Institutions
Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. 31

Economics and Management: Theory and Practice

Justification for the Strategic Entrepreneurship Necessity in the Hockey Industry
Balandin I. I. 40

Labor Potential Assessment: From Amount of Forces to Their Capabilities
Bespalikov V. V., Belchik T. A. 49

Development of Media Holding in the Context of the Dual Media Services Market Formation
Gorelkina A. V. 60

Fintech as a Factor of Improving Corporate ESG Indicators
Larionov K. A. 72

Labor Market Transformation and Demand for a New Type of IT Specialists in Digital Economy Trend
Nadezhdina S. D., Chistyakova O. A., Chistyakov A. A. 84

Developing a System for Evaluating the Business Processes' Effectiveness Based on the SMART Approach
Novichkova I. A., Platov A. V., Udalov D. E. 95

Regional Economy

Implementation of Patient-Oriented Approach to the Health Care Development in Kemerovo Region – Kuzbass: Strategic Analysis
Badlo S. V., Tabashnikova O. L. 106

Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the Example of Khakassia)
Lushnikova O. L. 120

Sustainable Development of Russia and its Regions during the Pandemic
Moskovtseva L. V., Golovleva I. V., Usanov A. Yu., Koryakina T. V. 129

The Kyrgyz Republic's Regional Development Problems in the Conditions of New Challenges
Satyvaldieva B. A. 142

Finance

Improving the Financial Control System of Securities Market Professional Participants' Activities
Vyzhitovich A. M., Takhtobina M. A. 153

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ydeitx>

Особенности социологических исследований старения в постпандемийное время

Галкин Константин Александрович

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Россия, Санкт-Петербург

Elibrary Author SPIN: 5000-5986

kgalkin1989@mail.ru

Аннотация: Новая коронавирусная инфекция, всеобщая неопределенность и постоянная изменчивость постпандемийного мира повлияли на трансформации в понимании возраста и старения, а также на возникновение новых перспектив в исследованиях старения и осмыслении данного процесса в обществоведческих науках. Важным вопросом, возникшим перед научным сообществом, выступил вопрос об определении возрастных границ, понимании активностей пожилых людей в постпандемийной реальности и перспектив рассмотрения подобных активностей. Данный вопрос характерен как для отечественных, так и для зарубежных исследований старения и возраста. В рамках настоящего обзора рассмотрены новейшие публикации по социологии старения, социальной политике, здоровью пожилых людей и поддержанию необходимых активностей пожилыми людьми. Всего была проанализирована 1 тыс. публикаций 2022–2023 гг., посвященных особенностям жизни пожилых людей после пандемии. Важным для лучшей интеграции пожилых людей в социальную жизнь и преодоления проблем, вызванных пандемией, выступают такие факторы, как активизация социальной жизни; развитие интегрированности пожилых людей в социальную жизнь; переход к пониманию занятости пожилых людей как многовекторного направления, которое может включать хобби и его монетизацию, непостоянную занятость или занятость для удовольствия и коммуникации.

Ключевые слова: старение населения, пожилые люди, COVID-19, постпандемийный период, постпандемийные особенности, социальная политика

Цитирование: Галкин К. А. Особенности социологических исследований старения в постпандемийное время. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 1–10. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-1-10>

Поступила 08.12.2023. Принята после рецензирования 27.02.2024. Принята в печать 29.02.2024.

full article

Features of Sociological Research on Aging in Post-Pandemic Time

Konstantin A. Galkin

The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg

Elibrary Author SPIN: 5000-5986

kgalkin1989@mail.ru

Abstract: The new coronavirus infection, general uncertainty and constant variability of the post-pandemic world influenced transformations in the understanding of age and aging, as well as the emergence of new perspectives in aging research and understanding of this process in the social sciences. Defining age boundaries, understanding the activities of elderly people in the post-pandemic reality and the prospects for researching such activities are important issues for the domestic and foreign scientific community. The article examines the latest publications on the sociology of aging, social policy, health of elderly people and their necessary activities. In total, the author analyzes 1,000 publications released in 2022 and 2023 and devoted to the peculiarities of elderly people's life after the pandemic. The author uncovers important factors for better integration of elderly people into social life and overcoming the problems caused by the pandemic: activating the social life of elderly people; developing the integration of elderly people into social life; understanding the employment of elderly people as a multi-vector direction, which may include hobbies and their monetization, non-permanent employment or employment for pleasure and communication.

Keywords: population aging, elderly people, COVID-19, post-pandemic period, post-pandemic peculiarities, social policy

Citation: Galkin K. A. Features of Sociological Research on Aging in Post-Pandemic Time. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 1–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-1-10>

Received 8 Dec 2023. Accepted after peer review 27 Feb 2024. Accepted for publication 29 Feb 2024.

Введение

Общественный статус пожилых людей за последнее время существенно изменился. Весомую роль в этом сыграли новые концепции социальной политики, а также новые международные и региональные планы действий по проблемам старения, утвержденные на рубеже XX и XXI вв. Безусловно, принятие этих нормативных актов повсеместно вызвало повышение интереса исследователей и ученых к пожилым людям и к трансформации их статуса¹.

Немаловажным событием, вновь поднявшим вопрос о старении, стала пандемия. Она обнажила многие проблемы в жизни пожилых людей, выявила ряд трудностей применения концепции активного долголетия, а также создала активную дискуссию о том, каким будет понимание старения сегодня, когда пандемия постепенно забывается, а мир, как отмечают некоторые исследователи, переходит на постпандемийный этап [1–3].

Исследователи в рамках различных направлений, таких как геронтология, социология возраста, медицина, философия, психология и социальная политика, задаются этим вопросом, апеллируя к тому, что значимым здесь выступает понимание возраста с т. з. перспектив рассмотрения старения, с позиции определения того, что представляет собой старость. И если в группе естественно-научных дисциплин есть известное хронологическое понимание прожитых лет, а также описание возрастных патологий, то для социально-гуманитарных дисциплин и философии вопрос о старении и о том, что можно включать в это понятие и существует ли старение как некая устойчивая или усредненная категория, по-прежнему остается открытым. Сегодня встречается и новый термин *отложенное старение*, который пришел из медицины. Он описывает ситуацию, когда хронологический возраст не рефлексруется людьми, а старость понимается как продолжение среднего возраста.

В рамках настоящего исследования мы проводим обзор теоретико-методологических подходов по теме старения в период постпандемии, используя

в качестве эмпирического материала публикации отечественных и зарубежных авторов по различным научным дисциплинам. Анализ проведен с целью обнаружения и выделения основных предметных областей, которые находятся в фокусе исследования старения, здоровья пожилых людей и активного долголетия в постпандемийный период.

Всего в рамках исследования проанализирована 1 тыс. источников по различным темам, охватывающим исследование старения. Отбор источников проводился на основе ряда ключевых критериев, которые включали в себя требование наличия описания конкретных методов и техник исследования, особенностей восприятия возраста или государственной политики по отношению к пожилым людям во время пандемии и в период после пандемии, а также представление специфики рассмотрения различных аспектов пожилого возраста. При этом в выборку включались работы, использующие разнообразные исследовательские методы и техники, направленные на изучение жизни пожилых людей. Основным источником для отбора были публикации на русском и английском языках, доступные в Google Scholar. Большинство статей, посвященных изучению старения в постпандемийный период, ограничивались рассмотрением практических аспектов и анализом повседневной жизни пожилых людей. Однако для создания более полной картины также были рассмотрены и работы, посвященные трансформациям старения, охватывающие более широкий временной диапазон, превышающий 5-летний или 3-летний период. Эти публикации, включенные в раздел «Особенности концептуализации и определения отложенного старения», касались эволюции исследований, анализирующих старение и возраст пожилых людей, а также различных методологических подходов. В исследование были включены статьи из различных областей: социологии, социальной политики, геронтологии, здравоохранения и управления в медицине, а также медицинские исследования, рассматривающие старение пожилых людей

¹ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 164-р от 05.02.2016. *СПС КонсультантПлюс*.

в период пандемии. Общее количество отобранных статей составило: 348 статей по социологии; 250 по социальной политике; 200 по геронтологии; 202 по здравоохранению. В качестве метода анализа использовался неколичественный контент-анализ, направленный на изучение особенностей трансформации здоровья, активностей и занятости пожилых людей в постпандемийный период. В процессе анализа осуществлялось фиксирование маркеров, которые описывали и анализировали специфику старения в публикациях. Единицей анализа в статье была выбрана тема текста, после чего проводилось осевое кодирование с выделением ключевых слов. Затем производилось обобщение результатов, в ходе которого выделялись основные темы, представленные в качестве разделов статьи.

Особенности концептуализации и определения старения и отложенного старения

Ранний этап рассмотрения старения, начавшийся в 1960-е гг., был обусловлен изучением структурной зависимости пожилых людей от медицинского обслуживания и утраты социальных ролей и статусов [4]. В его рамках старение рассматривалось в большей степени как время хронических патологий и проблем со здоровьем. В результате антропологического поворота в социологии в зарубежных исследованиях появилось понимание того, что пожилые люди находятся внизу символической иерархии, следовательно, важными становятся исследования различных ресурсов данной группы и связанных с ней неравенств [5–8]. Это ознаменовало переход к рассмотрению стигм и ограничений в жизни пожилых людей, а также создало предпосылки к возникновению отдельной дисциплины – социологии старения, методологический и теоретический аппарат которой продолжает формироваться и сегодня. Важным стимулом к изучению возраста стало развитие с конца 1960-х гг. социологии молодежи, которое также определило интерес исследователей к изучению пожилого возраста [9].

Период с конца 1960-х по середину 1980-х гг. можно назвать периодом зарождения социологии старения. В этом периоде начинает формироваться переход от рассмотрения возраста как биологизированного феномена к изучению социальных значений пожилого возраста и нужд пожилых людей. Также появляются первые практические идеи о хорошем, а затем и об успешном старении. Развивается занятость пожилых людей с целью их активной интеграции в социальную жизнь, коммуникации и трудовые отношения [10; 11, р. 299–320].

Следующий этап, который начался с середины 1980-х гг. и в некоторых формах продолжается сегодня, связан с обособлением социологии старения в отдельную дисциплинарную область. Ключевой задачей этого направления выступает отделение биологии и физиологии от социального статуса пожилых людей, их включенности в ту или иную социальную среду [12; 13].

В настоящее время такие аспекты жизни пожилых людей, как повышение пенсионного возраста, овладение информационными технологиями и активизация занятости рассматриваются с позиции увеличения ресурсов пожилых и, следовательно, позиционируются как активная интеграция пожилых людей в социальные отношения. Эта концепция, развиваемая на данном этапе, называется *отложенным старением*. Мы рассматриваем этот концепт как социально значимый результат развития концепции активного старения, которой в 2022 г. исполнилось 20 лет. О старении населения сегодня написано очень много. Особенно быстро стареет население Европы, но этот процесс происходит и в Японии, США и Китае. Вариантов адаптации современного общества к старению населения, используемых развитыми странами в разных сочетаниях, не так много: повышение рождаемости, снижение размера пенсионных выплат, увеличение трудового стажа или возраста выхода на пенсию, вовлечение как можно большего числа людей предпенсионного или раннего пенсионного возраста в занятость и повышение производительности труда. Повышение рождаемости путем стимулирующих выплат семьям, введенное еще в начале 1960-х гг. во Франции, которая первой из европейских стран столкнулась с убыванием населения, или предоставления пакетов натуральной помощи семьям, появившееся в Финляндии, давало кратковременные результаты и слабо влияло на демографическую ситуацию [14–17].

Снижение размера пенсионных выплат возможно только в случае каких-либо эксцессов в системе пенсионного страхования (как в ситуации военных действий и разрушения экономики) или уменьшения периода страховых выплат, что в ситуации старения во всех странах противоречит тенденциям демографического развития и возможностям обеспечения страховых пенсий. Предоставление обоснованных пенсионных выплат, напротив, требует увеличения трудового / страхового периода.

Что касается возраста выхода на пенсию, то в современных условиях он связан не с необходимостью работать до установленного времени, а с началом периода пенсионных выплат. Человек может самостоятельно регулировать свое рабочее

время и стаж работы, который заметно различается в разных странах. В России по закону минимальный стаж составляет 20 / 25 лет, однако фактически только с 2025 г. будет необходимо иметь 15 лет страхового стажа для начисления страховой пенсии, что является очень низким требованием. В Германии, например, стаж был равен 35 годам, в настоящее время – 37, но возможен досрочный выход на пенсию со снижением размера страховых выплат. Таким образом, понятие *возраст выхода на пенсию* становится довольно гибким и менее принудительным.

Поэтому важной задачей является вовлечение как можно большего числа предпенсионеров в занятость или предоставление возможностей для расширения занятости граждан пенсионного возраста в развитых странах. Эта задача успешно решается в ряде стран, где пожилые люди старше пенсионного возраста работают все дольше.

Таким образом, следует отметить следующие концептуальные трансформации рассмотрения старения:

- уход от медиализированного и биологизированного подходов к пониманию старения как времени утраты и угасания;
- исследование социального исключения пожилых людей, создание специальных условий для его профилактики, ориентированность на современную партиципаторную социальную политику;
- развитие занятости пожилых людей, которое приводит к рассмотрению пожилых людей как ресурса, а не бремени в современном обществе;
- развитие использования пожилыми людьми новых технологий, в т.ч. в рамках программ активного долголетия;
- увеличение продолжительности жизни пожилых людей обуславливает важность исследования их здоровья.

Таким образом, наиболее релевантным сегодня является определение старения как флюидного конструкта, имеющего те или иные особенности и связанного с индивидуальным пониманием возраста у разных поколений и в рамках различных социальных сред.

Исследователи отмечают, что пандемия оказала влияние на процессы и траектории старения пожилых людей [17–19]. Одним из значимых последствий пандемии является возвращение к прежним возрастным границам и более биологизированному восприятию возраста, а также ограничениям в активности,

мобильности и социальной интеграции для пожилых [20]. В постпандемийный период выделяются две основные траектории старения. Первая траектория включает работающих пожилых, которые сохранили свою занятость или нашли новую во время пандемии и продолжают трудиться. Они остаются интегрированными в социальную жизнь, поддерживая прежние контакты и стремясь к их развитию [21; 22]. Вторая траектория включает пожилых людей, которые потеряли работу во время пандемии и остались безработными или оказались не в состоянии найти новую работу из-за возраста или других ограничений. Они чувствуют себя изолированными и забытыми, часто зависят от бесплатной медицинской помощи [22; 23]. Исследователи подчеркивают важность сохранения активности у пожилых людей и расширения их возможностей после выхода на пенсию и завершения трудовой деятельности.

Занятость и активности пожилых людей

Анализ публикаций показывает происходивший в последние годы рост актуальности исследования занятости пожилых людей. Эта тематика все чаще становится предметом междисциплинарных исследований. Работы, посвященные занятости в период пандемии, описывают тенденцию перехода к удобным графикам работы в рамках трудовой деятельности пожилых, а также освещают вопросы цифровизации занятости и постепенной монетизации хобби [24–26]. Важным трендом, обозначенным в этих работах, выступает переход от классических определений занятости как профессионального труда к исследованиям досуга и хобби, совмещенных с трудовой деятельностью пожилых.

В отечественных исследованиях, посвященных изучению занятости пожилых людей на современном этапе, выделяются работы, анализирующие пенсионный возраст и связанные с ним перспективы трудоустройства пожилых россиян. Отмечается провал в СМИ кампании, ориентированной на объяснение необходимости повышения пенсионного возраста [27]. Также, по данным Федеральной службы государственной статистики, в России снижается число официально занятых².

Это наводит на мысль о том, что часть пожилых людей продолжает трудовую деятельность неофициально либо совмещает несколько видов работы. Эта тема нуждается в дополнительном исследовании. Отдельного внимания заслуживают работы отечественных авторов, которые рассматривают необхо-

² Старшее поколение. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 10.11.2023).

димось пересмотра возраста выхода на пенсию в России. Это связано с тем, что пожилые люди после выхода на пенсию все равно продолжают работать и также продолжают вести активную социальную жизнь [28].

Исследования, посвященные активности пожилых людей в период постпандемии, в первую очередь поднимают тему инклюзии. Важным здесь выступает понимание того, насколько сами пожилые люди оценивают свои возможности быть активными и включенными в социальную жизнь. Налицо представление активности в пожилом возрасте как континуума, на одном конце которого остаются страхи и опасения, связанные с проявлением тех или иных видов активности в период пандемии, а на другом конце – желание продолжать активность, по-прежнему быть включенным в социальное взаимодействие [29]. В данном случае следует обозначить несколько трендов: ориентированность на цифровизацию и использование цифровых технологий как замены прежних форм активности; исследование здоровья пожилых людей; появление работ, рассматривающих перспективы трансформации индекса активного долголетия [30–34].

Пожилые люди в возрасте старше 60 лет остаются наиболее деятельными и продолжают вести активный образ жизни, путешествуют, развиваются и поддерживают общение с друзьями и родственниками. Они хорошо воспринимают отмену ограничений, наложенных пандемией, и продолжают наслаждаться жизнью [35]. Однако для пожилых 75 лет и старше ситуация становится более сложной: многие привычные активности становятся недоступными из-за возрастных ограничений и введенных из-за пандемии правил. В результате эти люди концентрируются на выполнении рутинных дел по дому и заботе о собственном здоровье [36]. Авторы исследований рассматривают эту возрастную группу как наименее интегрированную в социальную жизнь и, следовательно, наиболее уязвимую к негативным эффектам изоляции, вызванным пандемией [19; 37].

В исследованиях о репертуарах активностей пожилых людей в постпандемийный период подчеркивается важность учета возрастных особенностей при разработке программ активностей и реализации концепции активного долголетия. Важно подчеркнуть, что универсальные подходы к активностям для пожилых людей в возрасте 65 лет и старше могут быть неэффективными. Вместо этого необходимо вовлекать их в процесс выбора занятий, которые наиболее значимы и интересны именно для них. Этот индивидуализированный подход способствует не только физическому и психологическому

благополучию, но и удовлетворению личных потребностей и желаний [34]. С другой стороны, для пожилых людей в возрасте 75 лет и старше наиболее важным становится поддержание коммуникации, социальной интеграции и развитие терапевтического общения. Взаимодействие с окружающим миром, поддержание связей с друзьями и родственниками играют ключевую роль в сохранении качества жизни и предотвращении социальной изоляции [34]. Поэтому разработка и предложение соответствующих программ и мероприятий, направленных на обеспечение такой коммуникации и социальной активности, является важным аспектом работы с этой возрастной группой.

Здоровье пожилых людей и культура здоровья

В ходе рассмотрения публикаций, посвященных изучению здоровья пожилых людей в период постпандемии, нами было выделено четыре основные темы.

Первая тема включает в себя исследование продолжительности жизни, развитие активного долголетия, а также вопросы, касающиеся здоровья пожилых людей старших возрастных групп. Как в России, так и за рубежом данная тема представлена медицинскими и демографическими работами, а также исследованиями, направленными на изучение социальной политики [27–30]. Они ориентированы на повышение продолжительности жизни и развитие новых моделей активного долголетия.

Вторая тема обозначена преимущественно медицинскими работами о здоровье пожилых людей. Работающие в этом направлении авторы приходят к выводу о снижении форм активности пожилых людей в пандемию и, как следствие, о необходимости создания новых видов активности, которые в т. ч. улучшают работу опорно-двигательного аппарата и предлагают новые возможности для улучшения здоровья этой категории граждан [38–41].

Третья тема рассматривает пологовозрастные различия и представлена главным образом медицинскими и демографическими работами. Основной вывод, полученный в рамках этих исследований: различия в формах активности пожилых людей обуславливают важность рассмотрения региональной специфики пандемии и ее влияния на здоровье этой категории граждан. Также в этой группе работ анализируются аспекты цифровизации в процессе лечения пожилых людей, получившей бурное развитие в период пандемии COVID-19 [42–45].

Четвертое направление обозначено работами по медицинской антропологии и социологии, где рассматриваются качественные аспекты

понимания пожилыми людьми своего здоровья и обозначаются различные дискурсы относительно здоровьесберегающего поведения этой категории граждан в период пандемии. Исследования, проведенные в Центре социальных исследований старения Социологического института РАН также свидетельствуют о различных дискурсах в отношении предпринятых в пандемию ограничений и проводимой в этой связи биополитики. Важным выступает рассмотрение старения сквозь призму концепта культуры здоровья, который все чаще используется учеными в качественных исследованиях.

Сравнительно новая область знаний, представляющая собой взаимовлияние культуры и здоровья, – это исследование культуры здоровья и влияющих на нее факторов. В рамках этой темы было обнаружено, что культура влияет на все стадии лечения заболевания и поддержания здоровья, начиная от выбора языка и моделей поведения и заканчивая пониманием уникальности заболевания и диагнозов с точки зрения представлений индивидов [46; 47]. В настоящей статье мы используем одно из классических определений культуры, понимая ее как совокупность разделяемых форм поведения и смыслов, приобретенных в результате адаптации индивидов к жизни в окружающем мире [48–50].

В работах, посвященных медиализации возраста пожилых людей, было определено, что вопросы, связанные с представлениями о пожилом возрасте как особой культуре, продолжают формировать образ пожилого человека, соотносящийся с доминирующими моделями биополитики в обществе [51–53]. Следовательно, в рамках взаимодействия с врачами и медицинским персоналом по-прежнему господствует медиализованное восприятие возраста пожилых, что, безусловно, влияет на культуру здоровья пожилых людей (здоровье в данном случае рассматривается исключительно с позиции возникающих заболеваний и патологий). Нетрудно заметить, что такое рассмотрение отражается на понимании культуры здоровья пожилых людей как связанной с различными болезнями и сложностями, которые создают заболевания. Также следует отметить, что при этом эксцессы здоровья не так сильно определяют возрастную идентичность, как хронологический возраст. При этом, до конца непонятно, действительно ли здоровье стало сильно ухудшаться (по мнению ряда гериатров, основной профиль старения и здоровья формируется до 60 лет) или люди думают, что пришло время стареть. Психологический фактор в здоровье и старении весьма важен, о чем пишет Н. Л. Русинова и В. В. Сафронов [54; 55].

Таким образом, исследования, посвященные здоровью пожилых в период постпандемии, преимущественно рассматривают медицинские и психологические последствия высшей степени развития эпидемического процесса и обозначают возможное решение связанных с этим вопросов через развитие форм активности пожилых людей. Следует отметить, что недостаточно внимания уделяется изучению качественных аспектов здоровья пожилых людей, специфике медиализации возраста и лечению заболеваний, связанных с периодом пандемии, которая оказала значительное влияние на понимание пожилыми людьми своего возраста, перспективы лечения, развитие форм активности и здоровьесберегающего поведения.

Заключение

В рамках выполненного нами обзора научных публикаций, содержащих ключевые теоретико-методологические подходы к осмыслению старения в период пандемии, отмечено, что наиболее значимыми направлениями исследований, в рамках которых происходит обсуждение старения и пожилого возраста в постпандемийный период, являются: активизация социальной жизни; развитие интегрированности пожилых людей в социальную жизнь; переход к пониманию занятости пожилых людей как многовекторного направления, которое может включать хобби и его монетизацию, непостоянную занятость или занятость для удовольствия и коммуникации. Также нами выявлено, что в рамках российских и зарубежных исследований старения в период после пандемии присутствует разветвленная тематика сюжетов старения, а также междисциплинарность в их описании. Встречаются и сюжеты, связанные с описанием проблем со здоровьем пожилых людей и пониманием ими смыслов своего здоровья в контексте культуры здоровья, присутствующей в том или ином регионе.

Анализируя исследования и данные опросов, следует отметить, что пандемия повлияла в первую очередь на траектории старения пожилых людей и репертуары их форм активности, причем сильнее всего это затронуло пенсионеров и тех, кто лишился работы во время кризиса. Для этих групп особенно важно сохранять активные формы участия в жизни общества, развивать коммуникацию и создавать новые возможности для занятий, направленных на сохранение их социальной интеграции и общего благополучия. Это может включать в себя организацию специальных программ, мероприятий и услуг, адаптированных к измененным обстоятельствам и потребностям.

Следует также отметить, что пандемия привнесла изменения в понимание и концепцию активного долголетия. В связи с этим возникла необходимость дальнейшего изучения этих изменений и адаптации программ и политик, направленных на поддержку стареющего населения, что может включать пересмотр стратегий и подходов к организации активной и здоровой жизни для пожилых людей, а также создание новых возможностей и ресурсов для их участия в общественной жизни.

Важным здесь выступает тот факт, что эти изменения уже не вписываются в рамки концепции активного долголетия, представлений об усредненном, хорошем или успешном старении, которые доминировали в научной литературе на протяжении нескольких десятилетий. Сама концепция активного долголетия становится уже не стратегией или планом конкретных действий, а нормативным подходом, который может учитывать потребности пожилых людей. Для России характерна небольшая представленность обществоведческих публикаций по старению в общем пуле научных работ, главными темами которых выступают переосмысление активного долголетия, переоценка итогов пенсионной реформы и особенностей занятости пожилых людей.

Можно сделать вывод, что в период после пандемии наиболее значимыми исследованиями, посвященными пожилому возрасту и пожилым людям, будут работы, которые носят междисциплинарный характер, совмещают несколько подходов к осмыслению старения. В концептуальном поиске определения старения в период постпандемии чрезвычайно важно рассмотрение того, как старение осмысливается самими пожилыми индивидуально и какие культурные и региональные особенности переживания пандемии оказывают влияние на понимание старения в различных странах, в том числе в России. Большое значение имеет и последовательный переход к концепции отложенного старения, которая рассматривается в различных работах с точки зрения изучения возраста пожилых людей как продолжения среднего возраста.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Kolluoğlu B., Yükker D. Putting the world-historical perspective at the center of the social sciences in the post-pandemic world. *New Perspectives on Turkey*, 2020, 63: 168–175. <https://doi.org/10.1017/npt.2020.14>
2. Gilder E. Towards a post-pandemic postmodern society – is the pandemic a deconstruction of the postmodern society? *Postmodern Openings*, 2020, 11(2): 1–11. <https://doi.org/10.18662/po/11.2/153>
3. Montgomery T., Mazzei M. Two paths of social innovation in the post-pandemic world. *Social Enterprise Journal*, 2021, 17(3): 450–458. <https://doi.org/10.1108/SEJ-03-2021-0018>
4. Cumming E., Henry W. E. *Growing old: the process of disengagement*. N.Y.: Basic Books, 1961, 293.
5. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте. *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62–93. [Rogozin D. M. Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in old age. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2012, (4): 62–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puqrsd>
6. Смолькин А. А. Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1. С. 8–13. [Smol'kin A. A. Sociology of age and the boundaries of social construction. *Sociology of Power*, 2019, 31(1): 8–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-8-13>
7. Jones R. L. "Older people" talking as if they are not older people: positioning theory as an explanation. *Journal of Aging Studies*, 2006, 20(1): 79–91. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2004.12.003>
8. Григорьева И. А. Смена парадигмы в понимании старения. *Социологические исследования*. 2016. № 11. С. 154–155. [Grigoryeva I. A. Paradigm shift in understanding ageing. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, (11): 154–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzjsn>
9. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023. Т. 16. № 1. С. 4–26. [Vidiasova L. A., Grigoryeva I. A. Subject field of active / delayed aging research: results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, 16(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101>
10. Butler R. N. Age-ism: another form of bigotry. *The Gerontologist*, 1969, 9(4-1): 243–246. https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243

11. Popenoe D. *Processes of aging: social and psychological perspectives*. N.Y.: Atherton Press, 1963, 1158. <https://doi.org/10.4324/9781315127460>
12. Baltes P. B., Baltes M. M. Savoir vivre in old age: how to master the shifting balance between gains and losses. *National forum*, 1998, 78(2): 13–18.
13. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России. *Социологические исследования*. 2008. № 8. С. 55–61. [Dobrokhleb V. G. Resource potential of Russia's ageing population. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, (8): 55–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkbpqd>
14. Blanchet D., Pelé L.-P. Social security and retirement in France. *NBER Working Paper No. w6214*, 1997. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=225972 (accessed 16 Nov 2023).
15. Nygård M., Lindberg M., Nyqvist F., Härtull C. The role of cash benefit and in-kind benefit spending for child poverty in times of austerity: an analysis of 22 European countries 2006–2015. *Social Indicators Research*, 2019, 146: 533–552. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02126-8>
16. Nygård M., Kuisma M. Family policy in Europe in the era of austerity and populism. *Handbook on Austerity, Populism and the Welfare State*, ed. Greve B. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021, 294–311. <http://dx.doi.org/10.4337/9781789906745.00028>
17. Галкин К. А. Новые тренды в исследованиях возраста и старения в постпандемийный период (обзор исследований). *Успехи геронтологии*. 2023. Т. 36. № 3. С. 284–291. [Galkin K. A. New trends in age and aging research in the post-pandemic period (research overview). *Advances in Gerontology*, 2023, 36(3): 284–291. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34922/AE.2023.36.3.001>
18. Григорьева И. А. Активное старение перед вызовом пандемии COVID-19. *Социальные процессы современной России*: Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегород, 19–20 ноября 2020 г.) Нижегород: Научно-исследовательский социологический центр, 2020. Т. 2. С. 364–368. [Grigoryeva I. A. Active ageing before the COVID-19 pandemic challenge. *Social processes in modern Russia*: Intern. Sci.-Prac. Conf., Nizhny Novgorod, 19–20 Nov 2020. Nizhny Novgorod, 2020, vol. 2, 364–368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ghmuct>
19. Lind M., Bluck S., McAdams D. P. More vulnerable? The life story approach highlights older people's potential for strength during the pandemic. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2021, 76(2): e45–e48. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa105>
20. Bogdanova E., Grigoryeva I. The crisis of Neoliberal project of aging during the COVID-19 pandemic: from compulsory activity to mandatory isolation. *The Journal of Adult Protection*, 2021, 23(2): 76–85. <https://doi.org/10.1108/JAP-08-2020-0038>
21. Morrow-Howell N., Galucia N., Swinford E. Recovering from the COVID-19 pandemic: a focus on older adults. *Journal of Aging & Social Policy*, 2020, 32(4-5): 526–535. <https://doi.org/10.1080/08959420.2020.1759758>
22. Kooij D. T. A. M. The impact of the COVID-19 pandemic on older workers: the role of self-regulation and organizations. *Work, Aging and Retirement*, 2020, 6(4): 233–237. <https://doi.org/10.1093/workar/waaa018>
23. Imaoka M., Tazaki F., Hida M., Imai R., Nakao H., Inoue T., Orui J., Nakamura M. Impact of employment on the elderly in a super-ageing society during the COVID-19 pandemic in Japan. *Scientific Reports*, 2023, 13. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-45270-5>
24. Григорьева И. А. Включение пожилых в мир цифровых технологий в условиях «новой социальности». *Интернет и современное общество*: XXV Междунар. объединенная науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г.) СПб.: НИУ ИТМО, 2022. С. 40–42. [Grigoryeva I. A. Including the elderly in the world of digital technologies in the conditions of the "new sociality". *The Internet and modern society*: Proc. XXV Intern. United Sci. Conf., St. Petersburg, 23–24 Jun 2022. St. Petersburg: ИТМО, 2022, 40–42. (In Russ.)]
25. Галкин К. А. Особенности медиализирующего поведения в отношении пожилых людей при взаимодействиях с врачами и социальными работниками. *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12. № 2. С. 14–27. [Galkin K. A. Features of medicalizing behavior towards the elderly in interactions with doctors and social workers. *Humanities of the South of Russia*, 2023, 12(2): 14–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.2.1>
26. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26. № 1. С. 258–262. [Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. A. Conference "extended adulthood / delayed ageing in a time of post-COVID and uncertainty". *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2023, 26(1): 258–262. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>
27. Grigoryeva I., Parfenova O., Dmitrieva A. Social policy for older people in the post-soviet space: how do pension systems and social services influence social exclusion? Social exclusion in later life. *International perspectives*

- on aging, eds. Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wank A. Cham: Springer, 2021, vol. 28, 385–395. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51406-8_30
28. Григорьева И. А. Нужен ли в постиндустриальном обществе пенсионный возраст? *Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты*: сб. труд. конф. (Москва, 15 марта 2022 г.) М.: МАКС Пресс, 2022. С. 34–36. [Grigoryeva I. A. Is retirement age necessary in a post-industrial society? *The life of the older generation in modern society: socio-cultural and economic-demographic aspects*: Proc. Conf., Moscow, 15 Mar 2022. М.: МАКС Press, 2022, 34–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obbgax>
29. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р., Зайцев Д. В. Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 1. С. 221–230. [Iarskaia-Smirnova V. N., Iarskaia-Smirnova E. R., Zaitsev D. V. Temporality of social care in the pandemic context of urbanism and culture of inclusion. *RUDN Journal of Sociology*, 2022, 22(1): 221–230. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-221-230>
30. De São José J. M., Timonen V., Amado C. A. F., Santos S. P. A critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*, 2017, 40: 49–56.
31. Khattak A., Kanwar B., Sergi C., Lee C. J., Balentine J., Lee J.-H., Park J., Lee S. J., Choig S.-H. Commentary for the elderly in the pandemic era. *Dementia and Geriatric Cognitive Disorders Extra*, 2021, 11(2): 168–171. <https://doi.org/10.1159/000515926>
32. Garcia K. R., Rodrigues L., Pereira L., Busse G., Irbe M., Almada M., Christensen C., Midão L., Dias I., Heery D., Hardy R., Quarta B., Poulain M. M., Bertram M., Karnikowski M., Costa E. Improving the digital skills of older adults in a COVID-19 pandemic environment. *Educational Gerontology*, 2021, 47(5): 196–206.
33. Парфенова О. А. Индекс активного долголетия в российском контексте: анализ социального участия людей 60+. *Успехи Геронтологии*. 2022. Т. 35. № 4. С. 624. [Parfenova O. A. Active longevity Index in the Russian context: analysis of social participation of people aged 60+. *Advances in Gerontology*, 2022, 35(4): 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eqrhva>
34. Парфенова О. А., Галкин К. А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223. [Parfenova O. A., Galkin K. A. Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2023, 26(1): 200–223. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>
35. Goethals L., Barth N., Guyot J., Hupin D., Celarier T., Bongue B. Impact of home quarantine on physical activity among older adults living at home during the COVID-19 pandemic: qualitative interview study. *JMIR aging*, 2020, 3(1). <https://doi.org/10.2196/19007>
36. Galkin K. "The body becomes closed and squeezed up in a narrow frame": loneliness and fears of isolation in the lives of older people in rural areas in Karelia during COVID-19. *Anthropology & Aging*, 2020, 41(2): 187–198. <http://dx.doi.org/10.5195/aa.2020.316>
37. Sibley C. G., Greaves L. M., Satherley N., Wilson M. S., Overall N. C., Lee C. H. J., Milojev P., Bulbulia J., Osborne D., Milfont T. L., Houkamau C. A., Duck I. M., Vickers-Jones R., Barlow F. K. Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being. *American Psychologist*, 2020, 75(5): 618–630. <https://doi.org/10.1037/amp0000662>
38. Голубев А. Г., Семиглазова Т. Ю., Ключев В. А., Каспаров Б. С., Беляев А. М., Анисимов В. Н. Три пандемии сразу: неинфекционная (онкологическая), инфекционная (COVID-19), и поведенческая (гипокинезия). *Вопросы онкологии*. 2021. Т. 67. № 2. С. 163–180. [Golubev A. G., Semiglazova T. Yu., Klyuge V. A., Kasparov B. S., Belyaev A. M., Anisimov V. N. Three pandemics at once: noninfectious (cancer), infectious (COVID-19), and behavioral (hypokinesia). *Voprosy Onkologii*, 2021, 67(2): 163–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37469/0507-3758-2021-67-2-163-180>
39. Новоселов В. М. Инфодемия SARS-CoV-2: психология страха. *Ученые записки Института психологии РАН*. 2022. Т. 2. № 3. С. 78–86. [Novoselov V. M. Infodemia SARS-CoV-2: psychology of fear. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2022, 2(3): 78–86. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_03_07
40. Grotz J., Dyson S., Birt L. Pandemic policy making: the health and wellbeing effects of the cessation of volunteering on older adults during the COVID-19 pandemic. *Quality in Ageing and Older Adults*, 2020, 21(4): 261–269. <https://doi.org/10.1108/QAOA-07-2020-0032>

41. Di Gessa G., Price D. Changes in health and social well-being in the COVID-19 clinically vulnerable older English population during the pandemic. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2021, 75(11): 1070–1077. <https://doi.org/10.1136/jech-2021-216405>
42. Веселова Д. К., Белопасов В. В. Старческая астения и старческая апатия в повседневной клинической практике в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. *Клиническая практика*. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–78. [Veselova D. K., Belopasov V. V. Frailty and senile apathy in the everyday clinical practice in the conditions of COVID-19. *Journal of Clinical Practice*, 2022, 13(1): 66–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/clinpract104831>
43. Hoffman G. J., Malani P. N., Solway E., Kirch M., Singer D. C., Kullgren J. T. Changes in activity levels, physical functioning, and fall risk during the COVID-19 pandemic. *Journal of the American Geriatrics Society*, 2022, 70(1): 49–59.
44. Oliveira M. R., Sudati I. P., Konzen V. D. M., De Campos A. C., Wibeling L. M., Correa C., Miguel F. M., Silva R. N., Borghi-Silva A. COVID-19 and the impact on the physical activity level of elderly people: a systematic review. *Experimental gerontology*, 2022, 159. <https://doi.org/10.1016/j.exger.2021.111675>
45. Орлов Г. М., Чугунов А. В. Цифровое здравоохранение: программно-целевой подход и проблемы старения. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022. Т. 10. № 11. С. 113–125. [Orlov G. M., Chugunov A. V. Digital healthcare: program-targeted approach and the problems of aging. *International Journal of Open Information Technologies*, 2022, 10(11): 113–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnzldb>
46. Helman C. *Culture, health and illness*. 5th ed. L.: CRC Press, 2007, 512. <https://doi.org/10.1201/b13281>
47. Mitchell D. P. Postmodernism, health and illness. *Journal of Advanced Nursing*, 1996, 23(1): 201–205. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.1996.tb03153.x>
48. Yamada A.-M., Marsella A. J. The study of culture and psychopathology: fundamental concepts and historic forces. *Handbook of multicultural mental health: assessment and treatment of diverse populations*. 2nd ed. Elsevier Academic Press, 2013, 3–23. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/B978-0-12-394420-7.00001-1>
49. Tanaka-Matsumi J. Counseling across cultures: a half-century assessment. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2022, 53(7-8): 957–975. <https://doi.org/10.1177/00220221221111810>
50. Von Humboldt S., Mendoza-Ruvalcaba N. M., Arias-Merino E. D., Costa A., Cabras E., Low G., Leal I. Smart technology and the meaning in life of older adults during the COVID-19 public health emergency period: a cross-cultural qualitative study. *International Review of Psychiatry*, 2020, 32(7-8): 713–722. <https://doi.org/10.1080/09540261.2020.1810643>
51. Михалева А. В. Влияние медиализации на здоровье пожилых людей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2009. № 2-1. С. 130–140. [Mikhaleva A. V. The influence of medicalization on the health of the elderly. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2009, (2-1): 130–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvpysv>
52. Costa A., Câmara G., De Arriaga M. T., Nogueira P., Miguel J. P. Active and healthy aging after COVID-19 pandemic in Portugal and other European countries: time to rethink strategies and foster action. *Frontiers in public health*, 2021, 9. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.700279>
53. Ellerich-Groppe N., Pfaller L., Schweda M. Young for old – old for young? Ethical perspectives on intergenerational solidarity and responsibility in public discourses on COVID-19. *European Journal of Ageing*, 2021, 18(2): 159–171. <https://doi.org/10.1007/s10433-021-00623-9>
54. Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Психологические медиаторы социальных неравенств в здоровье: «уверенность в себе» в Европе и России. *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 4. С. 30–53. [Rusinova N. L., Safronov V. V. The psychological mediators of social inequalities in health: self-efficacy in Europe and Russia. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 2018, 4: 30–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6096>
55. Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Роль персональных психологических ресурсов в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 4. С. 273–297. [Rusinova N. L., Safronov V. V. Role of personal psychological resources in explaining age-related health inequalities in European countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, (4): 273–297. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2167>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ygqxkk>

Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах (на примере Пензенской области)

Лутова Юлия Алексеевна

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

<https://orcid.org/0009-0007-7898-5080>

svechnikova.psu@yandex.ru

Щанина Екатерина Владимировна

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

<https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Аннотация: Ключевым аспектом экспорта образования является интернационализация. Интернационализация на рынке образовательных услуг – одна из самых перспективных линий развития современного высшего образования. Для успешного функционирования в качестве члена принимающего сообщества иностранный студент как объект исследования вынужден усваивать и принимать новые культурные образцы, однако даже при самых благоприятных условиях, как правило, возникают адаптационные трудности и проблемы. Цель работы – выявить факторы и условия успешной адаптации иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах на примере Пензенской области. Теоретической основой исследования выступили научные концепции социальной адаптации студентов в условиях вуза, концепции создания и функционирования образовательно-воспитательной среды. На основе данных авторского анкетного опроса иностранных студентов пензенских вузов, вторичного анализа данных социологических исследований по аналогичной тематике и анализа статистических данных об иностранных студентах выявлены причины и факторы выбора России в качестве страны обучения. Иностранные студенты, получающие образование в России, сталкиваются с трудностями на различных уровнях: языковом, понятийном, нравственно-информационном, климатическом, бытовом, коммуникативном и т.д. Благоприятные условия способствуют повышению престижа вуза и уровня интернационализации образования, становятся важным фактором для выбора учебного заведения и быстрого включения иностранных студентов в учебный процесс.

Ключевые слова: экспорт образования, интернационализация, иностранные студенты, социализация, социальная адаптация

Цитирование: Лутова Ю. А., Щанина Е. В. Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах (на примере Пензенской области). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 11–18. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-11-18>

Поступила 12.12.2023. Принята после рецензирования 22.01.2024. Принята в печать 26.01.2024.

full article

Social Adaptation of Foreign Students in Regional Universities (Case Study of the Penza Region)

Yuliya A. Lutova

Penza State University, Russia, Penza

<https://orcid.org/0009-0007-7898-5080>

svechnikova.psu@yandex.ru

Ekaterina V. Shchanina

Penza State University, Russia, Penza

<https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Abstract: Internationalization is a key aspect of education export and one of the most promising lines of higher education development. For successfully becoming a member of the host community, a foreign student as an object of research is forced to assimilate and accept new cultural patterns. However, even when entering a new socio-cultural environment under the most favorable conditions, adaptation difficulties and problems usually arise. The purpose of the article is to identify the factors and conditions for the successful adaptation of foreign students in regional universities using the example of the Penza Region's universities. The research is based on scientific concepts of students' social adaptation in a university, as well as concepts of an educational environment

creation and functioning. The study considers the reasons for choosing Russia as a country of study based on the author's questionnaire of Penza universities' foreign students, secondary analysis of sociological research data on similar topics, and analysis of statistical data. The authors discover that foreign students in Russia face difficulties at various levels: linguistic, conceptual, moral, informational, climatic, communicative, pertaining to everyday life, etc. Favorable conditions contribute to increasing the university's prestige and the education internationalization levels, become an important factor for choosing an educational institution and quickly including foreign students in the educational process.

Keywords: education export, internationalization, foreign students, socialization, social adaptation

Citation: Lutova Yu. A., Shchanina E. V. Social Adaptation of Foreign Students in Regional Universities (Case Study of the Penza Region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 11–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-11-18>

Received 12 Dec 2023. Accepted after peer review 22 Jan 2024. Accepted for publication 26 Jan 2024.

Введение

Образовательные услуги, предоставляемые иностранным гражданам, повышают имидж нашей страны за рубежом и ведут к распространению русского языка и культуры. Ежегодно вузы затрачивают значительные усилия на организацию набора и приема иностранных студентов. Однако все эти усилия могут быть перечеркнуты из-за ряда проблем, связанных с недостаточным уровнем организации адаптации иностранных студентов. Согласно национальному проекту «Образование», обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования; вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций народов Российской Федерации являются главными целями на ближайшее будущее. Правительством были поставлены следующие задачи:

- модернизация профессионального образования, в т. ч. посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ;
- увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также реализация комплекса мер по трудоустройству лучших из них в Российской Федерации;
- формирование системы профессиональных конкурсов в целях предоставления гражданам возможностей для профессионального и карьерного роста¹.

В современном мире обучение не может ограничиваться только национальными приоритетами. Приобретая признаки глобальности, образование обеспечивает условия для устойчивого развития человека, общества и государства в целом [1]. Международное сотрудничество является мощным рычагом развития высшего образования и должно играть важную роль в формировании взаимного доверия между народами и странами [2]. В современных условиях развития общественной жизни в России, когда высшие учебные заведения приобрели значительную автономию, существенно усиливается роль их международной деятельности. Обучение иностранных граждан становится важным фактором укрепления авторитета и престижа высшего учебного заведения, что обуславливает актуальность исследования образовательной миграции в социокультурном пространстве России.

Эффективность профессиональной подготовки иностранных студентов и привлекательность образования во многом зависят от эмоционально-психологического удовлетворения образовательным процессом, результативности усвоения языка обучения как средства общения и овладения профессией [3]. Важную роль в профессиональном и личностном становлении человека играет социализация, приобретающая новые качества в социокультурном пространстве информационного общества [4]. Следовательно, успешность обучения и уровень профессиональной подготовки иностранных студентов напрямую зависят от степени социальной адаптации. Данный факт приобретает особую актуальность, теоретическую и практическую значимость, что и обуславливает выбор темы исследования.

¹ Паспорт национального проекта «Образование». *Правительство России*. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 05.04.2023).

Методы и материалы

Теоретическую базу исследования составили труды А. Н. Яковлевой, С. М. Поповой и др., И. А. Соловцовой и В. Г. Малаховой, Т. М. Терещенко и Л. А. Федотовой, Л. Л. Рыбаковского, Е. Е. Письменной и др., исследующие образовательную миграцию в контексте развития образовательной системы России [5–11]. Изложенные в них научные концепции создания и функционирования образовательно-воспитательной среды послужили основой решения проблемы социализации студентов вузов. Также использовались труды в области социокультурной адаптации (А. Фернехем и П. Хейвен, Г. К. Триандис, А. А. Налчаджян); профессиональной социализации (С. П. Иваненков, К. Ю. Лебедев, Ю. Р. Хайруллина, А. Л. Арефьев и Ф. Э. Шереги); социокультурной адаптации иностранных студентов в современном российском вузе на разных уровнях высшего образования (Г. П. Иванова и др., Л. Т. Мазитова) [12–21].

В рамках исследования проведен вторичный анализ данных социологического исследования «Иностранные студенты в инженерном вузе: проблемы адаптации и профессионального становления», которое было проведено на базе Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) в 2023 г. под руководством О. В. Шиняевой [22]. Также осуществлен анализ данных официальной статистики Министерства науки и высшего образования РФ об иностранных студентах.

Для выявления факторов и условий успешной адаптации иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах, в 2021 г. было проведено авторское эмпирическое исследование «Профессиональная социализация и адаптация иностранных студентов в российских вузах» на базе Пензенского государственного университета (ПГУ) и Пензенского государственного аграрного университета (ПГАУ) среди иностранных студентов. В рамках исследования был проведен анкетный опрос ($n = 362$) и интервью ($n = 10$).

Результаты

Согласно статистическим данным, в 2022 г. число иностранных студентов в России выросло на 8,4 % по отношению к 2021 г. и составило 351448 человек. Общее число иностранных студентов увеличилось за последние три года более чем на 36 тыс. человек. Так, в 2021 г. в России обучалось 324 тыс. иностранных

студентов, в 2020 г. – 315 тыс.² По данным 2022 г., Россия заняла шестое место по количеству иностранных студентов (6 % от общества количества мобильных студентов)³.

В 2018–2022 гг. наблюдается заметный рост числа абитуриентов, поступающих на образовательные программы пензенских университетов (рис. 1).

Следует отметить положительную динамику количества стран, направивших своих граждан на обучение в Пензенскую область (рис. 2).

Представленные данные свидетельствуют о том, что университет приобретает все большую популярность и признание среди международного студенческого сообщества, демонстрирует высокий уровень образовательных программ, которые привлекают все больше иностранных студентов.

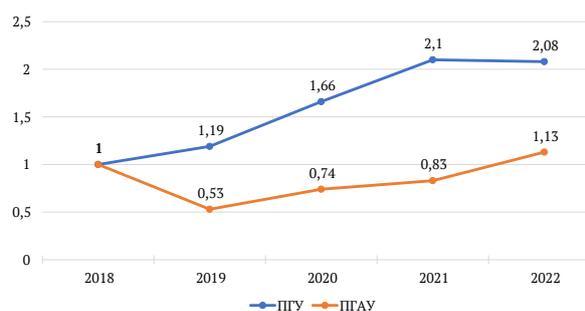

Рис. 1. Динамика численности иностранных абитуриентов в ПГУ и ПГАУ относительно 2018 г., 2018–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of the foreign applicants number at Penza State University and Penza State Agrarian University compared to 2018, 2018–2022

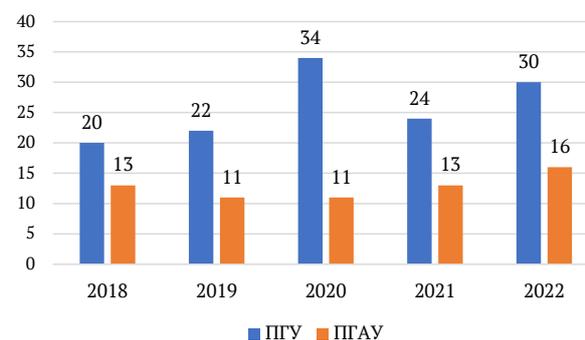

Рис. 2. Динамика количества стран, направивших студентов на обучение в ПГУ и ПГАУ, 2018–2022 гг.

Fig. 2. Dynamics of the countries sending students to Penza State University and Penza State Agrarian University number, 2018–2022

² Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Майер А. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov> (дата обращения: 01.10.2023).

Положительная динамика числа абитуриентов и количества стран свидетельствуют о том, что пензенские университеты привлекают студентов разных культур и национальностей. Это требует активизации исследований социокультурной адаптации иностранных студентов в контексте современной российской реальности, а особую актуальность приобретает региональный аспект. В этой связи, целью нашего исследования является выявление факторов и условий успешной адаптации иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах на примере Пензенской области. Эмпирическое исследование было проведено в октябре – декабре 2021 г. среди иностранных студентов на базе двух крупных вузов Пензенской области. В исследовании приняли участие 362 респондента (227 человек, или 62,7 % – из ПГУ; 135, или 37,3 % – из ПГАУ). Возраст респондентов составил 18–33 года. В структуре выборки по полу было опрошено 69,6 % мужчин и 30,4 % женщин. 53,3 % респондентов окончили среднюю школу, 29 % получили среднее и среднее специальное образование, 17,7 % получили высшее образование.

Иностранные студенты объясняют выбор России для обучения рядом причин. Так, 35,1 % респондентов отметили возможность получения хорошего образования, что говорит о качестве предоставляемых образовательных программ российскими вузами. Для 30,1 % респондентов выбор связан с личным интересом к стране, российской природе, известным достопримечательностям, культурным и историческим особенностям. Значительная доля, 21 % опрошенных, сделали выбор, основываясь на советах знакомых, которые уже прошли или проходят обучение в России. 9,1 % респондентов указали, что решение о поступлении в российский вуз было принято под влиянием совета родных. Доступность цен на обучение в качестве причины указали 4,7 % респондентов. Российские университеты предлагают различные программы и гибкую систему оплаты обучения, делая образование доступным для разных социальных групп. О привлекательности российского образования свидетельствует и тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (79,8 %) при возможности выбрали бы Россию в качестве страны обучения еще раз. 16 % респондентов затруднились ответить на вопрос, выбрали бы они Россию для обучения еще раз; 4,1 % ответили на вопрос отрицательно.

На принятие решения в отношении выбора вуза влияет множество факторов. Результаты исследования позволили определить, что на первом месте среди факторов выбора вуза стоит организация учебного и внеучебного процесса (31,7 % респондентов).

Для каждого четвертого большое значение имеет престиж вуза (26,2 % респондентов). Респонденты уверены, что престиж вуза обеспечивает студентам ряд преимуществ не только в процессе обучения, но и при дальнейшем трудоустройстве. По мнению 18,8 % респондентов, советы близких и родных оказывают влияние при выборе вуза, однако только половина из них приняла решение о выборе вуза под влиянием совета родных. Высокое качество преподавания имеет существенное влияние на выбор вуза. Данный фактор в числе важнейших указали 18,5 % респондентов. Они убеждены, что важность компетентности и опыта преподавателей, а также уровня академических программ нельзя недооценивать, качественное образование – это залог успешного студенческого опыта и будущей карьеры. Конкурентоспособность выпускника на рынке труда для 4,7 % респондентов является ключевым критерием выбора учебного заведения.

Получение высшего образования в России требует прохождения процесса социокультурной адаптации. Результаты исследования позволили выявить трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при приезде в Россию с целью получения образования. По мнению большинства иностранных студентов (56,6 % респондентов), самая главная трудность, с которой они столкнулись – языковой барьер: *Русский язык очень сложный. Не всегда удается сразу понять собеседника. Приходится переспрашивать или обращаться к старшим товарищам* (респондент В., 20 лет, студент ПГУ). Для каждого четвертого проблемой было общение (24,3 % респондентов). Встреча новых людей, налаживание новых коммуникативных связей всегда представляют собой определенные трудности. В современном образовательном пространстве России межкультурное общение становится все более обыденным. У 7,4 % иностранных студентов были проблемы с обучением, такие как разница в образовательных программах, требованиях и методах преподавания. Однако вузы в России проводят мероприятия и реализуют программы поддержки иностранных студентов, которые помогают студентам адаптироваться к учебному процессу. На нехватку свободного времени указали 4,7 % респондентов. Учеба в новой стране может требовать больше сил и времени, особенно в первый год обучения. Жилье и питание также стали вызовом для некоторых студентов: *начиная новую жизнь в России, не всегда легко найти подходящее жилье, особенно в больших городах, где возможностей много, но и конкуренция соответствующая* (респондент В., 20 лет, студент ПГУ); *продуктовый рынок очень сильно отличается от нашего. Очень сложно было привыкнуть*

к российской кухне. Испытал большие проблемы с питанием. Сейчас уже привык (респондент Л., 23 года, студент ПГУ).

Вопрос преодоления возникших трудностей является одним из наиболее актуальных и распространенных в образовательном пространстве. Результаты исследования показывают, что большинство иностранных студентов успешно справляются с проблемами, другие находятся на разных стадиях их преодоления или активно работают над их решением. Так, 46,1 % респондентов, сталкиваясь с трудностями повседневного взаимодействия, практически не испытывают трудностей и успешно решают их. Треть респондентов (30,7 %) отметили, что они только частично смогли решить возникшие сложности: *впервые услышала русскую речь и поняла, что этот язык очень сложный. Даже подготовительные курсы не изменили мое положение. На данный момент прикладываю все усилия, чтобы его выучить* (респондент Д., 20 лет, студентка ПГУ); *чтобы выучить язык, записываю лекции на диктофон, незнакомые слова спрашиваю у преподавателей* (респондент Г., 20 лет, студент ПГУ). В процессе преодоления трудностей находится 21,8 % респондентов: *много общаюсь с носителями языка. Нашел новых друзей среди русских студентов* (респондент К., 21 год, студент ПГАУ); *учиться оказалось тяжело. Много времени уходит на выполнение домашнего задания, стараюсь уделять больше внимания профильным предметам* (респондент В., 20 лет, студентка ПГУ). Незначительная часть респондентов (1,4 %) признали, что никогда не смогут полностью преодолеть возникшие проблемы: *русский язык для меня очень сложный. Я никогда не смогу его выучить* (респондент А., 19 лет, студент ПГАУ); *никогда не привыкну к погодным условиям России, особенно не люблю зиму* (респондент Н., 20 лет, студент ПГУ). Следовательно, вопрос преодоления возникших трудностей является сложным и многогранным.

По результатам проведенного социологического исследования среди студентов пензенских вузов было зафиксировано заметное снижение трудностей по мере обучения (рис. 3).

Полученные результаты позволяют зафиксировать положительную динамику снижения трудностей по мере увеличения продолжительности обучения (перехода на старшие курсы). Адаптация – это этап преодоления проблемных ситуаций. В ходе такого преодоления личность интегрируется в новую образовательную среду, где происходит формирование структуры устойчивых личностных отношений ко всем компонентам образовательного процесса. Проблемные ситуации, возникающие в процессе

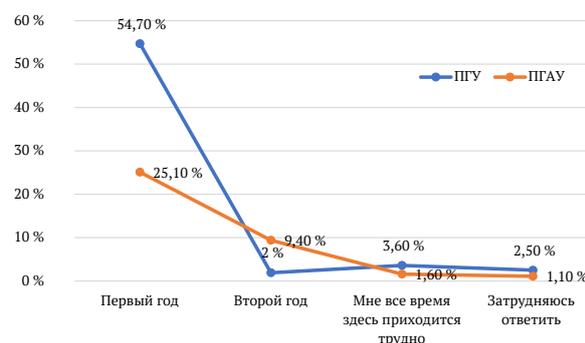

Рис. 3. Динамика трудностей по мере продолжения обучения в ПГУ и ПГАУ

Fig. 3. Dynamics of students' difficulties when studying at Penza State University and Penza State Agrarian University

интеграции в новую для иностранного студента образовательную среду можно классифицировать следующим образом:

- психофизиологические – психоэмоциональное напряжение; природно-климатические и географические трудности; бытовые трудности (самообслуживание, культура питания, одежда, поиск жилья, финансы);
- учебно-познавательные – языковой барьер; коммуникативные трудности со сверстниками и администрацией вуза; академическая мотивация; различие систем организации процесса обучения, образовательных программ, учебных планов;
- социокультурные – различие традиций, норм, ценностей, менталитета; необходимость освоения новой языковой и культурной среды; изучение норм, правил; учет менталитета принимающей стороны.

Иностранные студенты сталкиваются с необходимостью интеграции в новом социуме и усвоения выработанных обществом норм, моделей поведения, социальных и культурных ценностей, что влечет за собой трудности адаптационного процесса. Накопленный опыт и набор компетенций позволяют учащимся успешно справляться с предлагаемыми задачами и требованиями. Сокращение трудностей обучения также связано и с развитием педагогической системы и подходов к образованию. Современные методики и технологии, использование интерактивных форм обучения, адаптация программ к потребностям студентов – все это способствует более успешной и комфортной учебной деятельности.

Результаты нашего исследования коррелируют с результатами исследования «Иностранные студенты в инженерном вузе: проблемы адаптации

и профессионального становления», проведенного на базе УлГТУ в 2023 г. ($n = 430$). Результаты показали, что основная проблема для половины иностранных студентов – языковой барьер, который приводит к тому, что они сводят контакты с российскими студентами к минимуму [22]. С языковым барьером сталкиваются иностранные студенты не только региональных вузов, но и столичных. В ходе исследования с использованием метода фокус-групп, в котором приняли участие иностранные студенты старших курсов Российского университета дружбы народов, проведенного в 2019 г., проблема языкового барьера звучала в числе основных [23].

Сформированность языковых и коммуникативных навыков является одним из ключевых факторов, влияющих на успешную адаптацию иностранных студентов в российской образовательной среде. Результаты исследования позволили охарактеризовать специфику коммуникационного взаимодействия иностранных студентов с окружающей их социально-культурной средой (табл.).

Согласно исследованию «Иностранные студенты в инженерном вузе: проблемы адаптации и профессионального становления», опрос, темой которого стали отношения иностранных студентов с российскими, показал: учиться в одной группе с россиянами согласны 57 %; жить вместе готовы 35 %; на совместную работу над учебным проектом согласны 45 %; совместное участие в спортивном мероприятии рассматривают 54 % респондентов; на совместное участие в творческом конкурсе

согласны 40 %, совместное проведение свободного времени (кино, театр, кафе) рассматривают 44 % [22]. Это иллюстрирует необходимость особого внимания к организации специализированных условий, благотворно влияющих на налаживание межкультурного диалога, расширение возможностей для совместной деятельности студентов (творческой, культурно-досуговой и т.д.).

Результаты указывают на важность развития языковых и коммуникативных умений иностранных студентов перед их приездом в Россию. Потенциал социализации иностранных студентов реализуется также в коммуникативной функции, которая обеспечивает успешное общение и зависит от уровня владения языком обучения; знания вербальных и невербальных средств выражения, норм поведения в новой культурной среде; осознания социального значения профессиональной деятельности и ответственности за ее качество [24]. Успешная совместная работа сотрудников международной деятельности и кафедры русского языка как иностранного в дальнейшем позволит существенно повысить качество языковой подготовки студентов, направляемых на обучение в российские вузы, что, несомненно, обеспечит повышение качества подготовки специалистов из различных стран.

Учитывая возрастающий интерес иностранных студентов к обучению в региональных вузах, создание благоприятных условий для них является приоритетным направлением, способствующим успешной адаптации иностранных студентов.

Табл. Распределение ответов на вопрос «Поддерживаете ли Вы отношения с россиянами?», % от числа опрошенных
 Tab. Responses to "Do you maintain relations with Russians?", %

Ответ	Всего	Вуз		Пол		Образование до поступления в вуз в России		
		ПУ	ПУАУ	мужской	женский	школа	колледж	университет
Удельный вес в выборке	100,0	62,7	37,2	69,6	30,3	53,3	29,0	17,7
Да, у меня много друзей и знакомых среди российских студентов и не только	72,6	50,0	22,6	51,9	20,7	39,5	19,3	13,8
Общаюсь только с однокурсниками и преподавателями по мере необходимости	21,0	10,8	10,2	13,5	7,4	9,4	8,8	2,8
Общаюсь только с иностранными студентами	4,4	1,1	3,3	2,5	1,9	3,6	0,5	0,3
Нет, ни знакомых, ни друзей среди местных жителей у меня нет	1,9	0,8	1,1	1,6	0,3	0,8	0,3	0,8

Прим.: ответ многовариативен, сумма ответов по каждому столбцу превышает 100 %.

Заключение

В ходе авторского социологического исследования выявлено, что социализация и адаптация иностранных студентов в ведущих вузах г. Пенза объединяет в себе элементы образовательно-культурной среды рассматриваемых вузов. К ним относятся подготовка организационно-технологических элементов межкультурного взаимодействия; подготовка иностранных студентов к социализации в образовательно-культурной среде; эффективное социально-педагогическое сопровождение социализации иностранных студентов и межкультурной коммуникации. Иностранные студенты сталкиваются с определенными трудностями в процессе социализации на языковом, понятийном, нравственно-информационном, бытовом, коммуникативном уровнях. Значимость и необходимость решения проблем социализации и адаптации иностранных студентов определяется задачами их дальнейшего эффективного обучения. Успешная социализация и адаптация ускорят включение студента в учебный процесс и позволит повысить качество подготовки.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. А. Лутова – анализ литературы по проблеме исследования, методологический и концептуальный анализ, написание статьи, редактирование чернового варианта статьи. Е. В. Щанина – создание концепции и основной идеи исследования, постановка научной проблемы, обоснование актуальности.

Contribution: Y. A. Lutova performed literature analysis, methodological and conceptual analysis, wrote the article, and redacted a draft version of the article. E. V. Shchanina conceptualized the main idea of the research, formulated the scientific problem, determined the relevance of the article.

Литература / References

1. Ключникова Е. В. Аналитический обзор ключевых проблем экспорта отечественного образования на русском языке. Тверь: ТГУ, 2017. 38 с. [Klyushnikova E. V. *Analytical review of the key problems of exporting domestic education in Russian language*. Tver: TSU, 2017, 38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yueuea>
2. Duran A., Allen E. Exploring how professional associations socialize student affairs graduate students and new professionals. *Journal of Student Affairs Research and Practice*, 2020, 57(2): 132–147. <https://doi.org/10.1080/19496591.2019.1625779>
3. Михайлова Н. К. Мотивационные модели занятости студентов и профессиональная социализация. *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 3. С. 333–346. [Mikhailova N. K. Motivational models of students' employment and professional socialization. *Kreativnaya ekonomika*, 2020, 14(3): 333–346. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.14.3.100685>
4. Quinton W. J. So close and yet so far? Predictors of international students' socialization with host nationals. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020, 74: 7–16. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.10.003>
5. Яковлева А. Н. Социализация школьников и студентов. СПб.: СПб. ун-т пед. мастерства, 2001. 99 с. [Yakovleva A. N. *Socialization of schoolchildren and students*. St. Petersburg: SPb. un-t ped. masterstva, 2001, 98. (In Russ.)]
6. Попова С. М., Яник А. А., Карпова С. Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023). *Административное и муниципальное право*. 2023. № 4. С. 24–51. [Popova S. M., Yanik A. A., Karpova S. F. Transformation of Russia's migration policy: stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and municipal law*, 2023, (4): 24–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>
7. Соловцова И. А., Малахова В. Г. Нормативная модель процесса профессиональной социализации иностранных студентов в региональном вузе. *Концепт*. 2021. № 9. С. 63–77. [Solovtsova I. A., Malakhova V. G. Normative model of foreign students' professional socialization in regional university. *Concept*, 2021, (9): 63–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11062>
8. Терещенко Т. М., Федотова Л. А. Академическая адаптация иностранных студентов в образовательном пространстве педагогического вуза. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 3. С. 68–73. [Tereshchenko T. M., Fedotova L. A. Academic adaptation of foreign students in the educational environment of the pedagogical university. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, (3): 68–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cybxph>

9. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Книга 1. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. М.: Экон-Информ, 2016. 210 с. [Rybakovskii L. L. *History and theory of population migration. Book 1. World migrations: historical fragments and their determinants*. Moscow: Ekon-Inform, 2016, 210. (In Russ.)]
10. Письменная Е. Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. 64 с. [Pismennaya E. E. *Social consequences of educational immigration to Russia (issues of theory and research methodology)*. Dr. Soc. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/znytpn>
11. Письменная Е. Е. Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. М.: Экономическое образование, 2009. 140 с. [Pismennaya E. E. *Social effects of educational migration and policy in the sphere of attracting foreign students in Russia and abroad*. Moscow: Economic education, 2009, 140. (In Russ.)]
12. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001. 360 с. [Furnham A., Heaven P. *Personality and Social Behavior*. St. Petersburg: Piter, 2001, 360. (In Russ.)]
13. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 382 с. [Triandis H. K. *Culture and social behavior*. Moscow: Forum, 2007, 382. (In Russ.)]
14. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация. М.: Эксмо, 2010. 368 с. [Nalchadzhian A. A. *Psychological adaptation*. Moscow: Eksmo, 2010, 368. (In Russ.)]
15. Иваненков С. П. Проблемы социализации современной молодежи. СПб.: Синтез-Полиграф, 2003. 418 с. [Ivanenkov S. P. *Problems of modern youth socialization*. St. Petersburg: Sintez-Poligraf, 2003, 418. (In Russ.)]
16. Лебедев К. Ю. Социально-психологические факторы профессиональной социализации работающих студентов гуманитарных специальностей: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 164 с. [Lebedev K. Yu. *Socio-psychological factors of professional socialization of working students of the humanities*. Cand. Psych. Sci. Diss. Moscow, 2004, 164. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mdpvit>
17. Хайруллина Ю. Р. Социализация личности: теоретико-методологические подходы. Казань: КГЭУ, 2003. 355 с. [Khayrullina Y. R. *Socialization of personality: theoretical and methodological approaches*. Kazan: KSEU, 2003, 355. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qochwn>
18. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах: статистический и социологический анализ. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с. [Arefiev A. L., Sheregi F. E. *Foreign students in Russian universities*. Moscow: Tsentri sotsiologicheskikh issledovaniy, 2014, 228. (In Russ.)]
19. *Психологические аспекты социализации личности в условиях современного образования*: III Всерос. науч.-практ. конф. (Ишим, 15 декабря 2012 г.) Ишим: ИПИ им. П.П. Ершова, 2013. 184 с. [*Psychological aspects of personality socialization in the context of modern education*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ishim, 15 Dec 2012. Ishim: P. P. Ershov IPI, 2013, 184. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgttrl>
20. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностранный студент в российском вузе. М.: Русайнс, 2022. 137 с. [Ivanova G. P., Shirikova N. N., Logvinova O. K. *Foreign student at a Russian university*. Moscow: Rusains, 2022, 137. (In Russ.)]
21. Мазитова Л. Т. Социальная адаптация иностранных студентов (на примере вузов Башкортостана): дис. ... канд. соц. наук. Уфа, 2002. 154 с. [Mazitova L. T. *Social adaptation of foreign students (on the example of Bashkortostan universities)*. Dr. Soc. Sci. Diss. Ufa, 2002, 139. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nmedpr>
22. Скларов Е. С. Уровень и характер социокультурной адаптации иностранных студентов в российском регионе. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 3. С. 152–164. [Skliarov E. S. The level and nature of socio-cultural adaptation of foreign students in the Russian region. *Izvestiya Tula State University*, 2023, (3): 152–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-152-164>
23. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Социальное измерение студенческих проблем в контексте развития инфраструктуры современного университета. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 4. С. 800–813. [Puzanova Zh. V., Larina T. I. Social dimension of students' problems under the development of the contemporary university infrastructure. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(4): 800–813. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-800-813>
24. *Socialization in higher education and the early career*, eds. Weidman J. C., De Angelo L. Cham: Springer, 2020, 323. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-33350-8>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tuurww>

Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе

Погребная Наталья Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Elibrary Author SPIN: 7358-2330

n.pogrebnaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются риски и угрозы сетевой коммуникации детей в условиях развития современного цифрового общества. Представлен анализ процесса киберсоциализации подростков, классификация контента в зависимости от его влияния на развитие детей и подростков (конструктивный, нейтральный, деструктивный). Описаны риски и угрозы информационно-психологического воздействия посредством сети Интернет с использованием различных технологий, распространенных в сетевом пространстве в целом и в социальных сетях в частности. Помимо информационно-психологического воздействия, через социальные сети возможно формирование мобилизационного потенциала детей и подростков. Описаны разновидности сообществ, распространенных в социальных сетях и способных оказать деструктивное влияние на детей и подростков, а также технологии вовлечения детей и подростков в данные сообщества. Рассмотрены последствия негативного воздействия сети Интернет на детей и подростков, такие как формирование клипового мышления, отсутствие критического мышления, изменение норм и ценностей, формирование патологических интернет-зависимостей, способствующих формированию новых уязвимостей детей и подростков.

Ключевые слова: угрозы, риски, дети, подростки, киберсоциализация, информационно-психологическое воздействие, деструктивный контент, деструктивные сообщества

Цитирование: Погребная Н. С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 19–30. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30>

Поступила 14.11.2023. Принята после рецензирования 20.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society

Natalya S. Pogrebnaya

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Elibrary Author SPIN: 7358-2330

n.pogrebnaya@mail.ru

Abstract: The article examines the risks and threats of children's network communication in the context of the modern digital society development. The author presents analysis of the adolescents' cybersocialization process, and the classification of content depending on its impact on the children and adolescents' development (constructive, neutral, destructive). The article describes risks and threats of information-psychological impact exerted using various technologies common on the Internet and in social networks. In addition to information-psychological impact, it is possible to form the mobilization potential of children and adolescents through social networks. The research considers the types of social networks communities capable of having a destructive impact on children and adolescents, as well as technologies for involving children and adolescents in these communities. The author deliberates consequences of the Internet's negative impact on children and adolescents, such as the formation of mosaic thinking, lack of critical thinking, changes in norms and values, pathological Internet addictions that contribute to the vulnerabilities of children and adolescents.

Keywords: threats, risks, children, adolescents, cybersocialization, information-psychological impact, destructive content, destructive communities

Citation: Pogrebnaya N. S. Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 19–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30>

Received 14 Nov 2023. Accepted after peer review 20 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

На сегодняшний день интернет-технологии прочно вошли во многие сферы жизни современного общества. По данным отчета Digital 2023: global overview report, на январь 2023 г. в мире насчитывается 5,16 млрд интернет-пользователей, т.е. 64,4 % всего населения мира¹. В России на январь 2023 г. насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, что составляет 88,2 % от всего населения страны². С учетом общедоступности информации и развития цифровых технологий возникают быстрые коммуникативные практики, платформы взаимодействия, дополняющие или преобразующие традиционные практики общения между людьми, новый характер межличностных отношений. За счет массового распространения и всеобщего использования Интернет становится не только средством для общения, но и некой коммуникативной средой (сферой), в которой пользователи принимают и реализуют различные решения, могут удовлетворять свои и / или консолидированные потребности, создавать и реализовывать продукты своей деятельности. Таким образом, процесс общения и социального взаимодействия трансформируется в повседневные виртуальные коммуникации, а появившиеся недавно социальные практики обретают рутинный и размеренный с точки зрения сетевой скорости взаимодействия характер. Быстрые и динамичные сетевые коммуникации формируют новые правила взаимодействия, новые инструменты и каналы повседневного общения, в которые включаются практически все без исключения категории граждан.

По мнению И. Н. Розиной, интернет-коммуникация представляет собой коммуникативный процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде, чаще всего посредством вербальных средств коммуникации (текстов, графики, аудио-, видео-файлов и изображений), инициирующий формирование интернет-сообществ в особую форму самопрезентации [1], обладающую характеристиками высокой структурной проводимости и реактивными

коммуникациями. Ключевыми характеристиками интернет-коммуникации являются: относительная анонимность; опосредованность (осуществляется при помощи технических средств); дистантность в пространстве и времени; доступность; интерактивность и мультимедийность; возможность межкультурной коммуникации; отсутствие статусной иерархии; наличие возможностей для конструирования личной и социальной идентичности; размывание норм поведения и морали, стремление к ненормативному поведению; диалогичность и добровольность контактов; гипертекстуальность; передача эмоций, мимики, чувств с помощью графических средств; объединение различных типов дискурса и пр. [2; 3].

Цифровизации и проблемам сетевых коммуникаций посвящено множество зарубежных и отечественных исследований. Проблемы конфиденциальности данных пользователей социальных сетей рассматривают ученые из Стамбульского университета S. Taheri-Boshrooyeh et al. По их мнению, одной из основных проблем социальных сетей является недостаточная безопасность и конфиденциальность персональных данных пользователей. В отличие от сети Интернет, которая представляет собой систему, основанную на контенте, социальные сети основываются на информационных полях пользователей, создающих и потребляющих соответствующий контент. Социальные сети имеют централизованную структуру, данные в которой находятся в облачном хранилище, что создает угрозу конфиденциальности, т.к. личная информация может быть использована разработчиками социальных сетей, а через них и третьими лицами [4]. D. T. Slaughter-Defoe, Z. Wang описывают проблему защиты детских данных в эпоху цифровых технологий. Рассматривая эволюцию защиты детей и информационной безопасности в сети Интернет, ученые пришли к выводу, что успешная защита детской информации в Интернете требует понимания процессов развития

¹ Kemp S. Digital 2023: Global Overview Report. *DataReportal*. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=PDF&utm_campaign=Digital_2023&utm_content=Global_Overview_Foreword (accessed 16 Oct 2023).

² Kemp S. Digital 2023: The Russian Federation. *DataReportal*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (accessed 14 Oct 2023).

и социализации детей и подростков, а также признания роли культурной передачи в становлении когнитивных способностей личности, поведения и навыков [5]. Многие работы посвящены теме кибербуллинга. P. J. R. Macaulay, L. R. Betts в своем исследовании рассматривают сетевые практики кибербуллинга, его влияние на молодежь и то, как его негативные последствия распространяются на школьную среду. Подчеркивается модулирующая роль учителей, их опыта и знаний в предотвращении кибербуллинга [6].

Наряду с множеством положительных свойств Интернета и интернет-коммуникаций, развитие цифровой среды ведет к появлению различных рисков и угроз, а также возникновению более глубокого и тесного уровня взаимодействия, способных оказать негативное влияние как на отдельного человека, так и на все общество в целом. По мнению У. Бека, современное общество представляет собой общество риска в динамике своего развития. В своей работе «Общество риска: на пути к другому модерну» в числе прочего он связывает риск с избыточностью научно-технического прогресса и отмечает, что современное общество подвергает риску само развитие цивилизации [7]. Поэтому с развитием цифровых технологий общество неизбежно сталкивается с абсолютно новыми рисками и угрозами, которые ранее не были для него характерны.

Особенно воздействию цифровых рисков и угроз подвержены подростки, которые в силу своего психофизиологического развития не способны сформировать эффективные механизмы противодействия и защиты. Помимо этого, дети первыми встречают цифровые достижения прогресса – открыто и непринужденно, как бы играючи. По данным портала Mediascope, уполномоченного измерять объем интернет-аудитории, на март 2023 г. охват подростков в возрасте 12–17 лет в сутки составляет 94 %, в среднем они проводят в Интернете 6 часов 29 минут в день³. Это говорит о том, что на сегодняшний день Интернет стал одним из факторов формирования детского информационного общества.

Широкое распространение информационных технологий в детской и подростковой среде оказало значительное влияние на процесс социализации. Это связано с тем, что прежние институты, способствовавшие социализации, отчасти утратили свою значимость либо получили новое качественное развитие и межинституциональное сочетание. Параллельно с традиционным процессом социализации

современный подросток проходит и процесс виртуальной социализации, т.е. процесс вхождения пользователя Интернета в социокультурную среду локальных сообществ посредством освоения технологий коммуникации, информационной культуры, социальной навигации, информационной грамотности, а также социальных норм, ценностей и ролевых требований [8]. При этом виртуальная социализация отличается от традиционной тем, что она является опосредованной, т.е. может протекать только при наличии информационно-телекоммуникационных технологий. Они могут являться как средой социализации, так и фактором, определяющим причину и силу влияния деструктивных и разрушительных проявлений [9] в современном обществе.

Методы и материалы

Виртуальная социализация детей и подростков является частью современной практики коммуникаций и проходит в несколько этапов. На первом этапе дети впервые соприкасаются с цифровой средой, происходит обучение электронной грамотности, навыкам навигации и пр. На втором этапе происходит приобретение личного опыта, полученные ранее знания трансформируются через творческую или профессиональную деятельность, усваиваются роли и ценности Интернет-сообщества, в котором взаимодействует подросток. Таким образом, он переходит к третьему этапу виртуальной социализации, когда уже может выступать не только потребителем, но и производителем некоего информационного продукта или услуги (к данному этапу переходят не все пользователи).

В исследовании предлагается рассматривать методы и инструменты сетевого социологического подхода Н. Лумана в сочетании с приемами получения качественных данных цифрового контент-анализа (анализ социальных групп, сетей и сообществ молодых пользователей).

В процессе виртуальной социализации подростки ведут интернет-коммуникацию, основными характерными чертами которой являются: высокая степень оперативности, т.к. интернет-коммуникация не зависит ни от времени, ни от пространства; опосредованность, поскольку общение происходит с использованием интернет-технологий и гаджетов, может носить анонимный характер, что позволяет преодолевать преграды традиционного общения (дефекты речи, недостатки внешности, разницу в социальном статусе и пр.). Также общение в сети

³ Бороздина Н. Финтех-тренды в медиапотреблении. *Mediascope*. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/664/ezgwhukt1qou5xfpydpushlq52p51668/Финтех-тренды%202023%2022032023.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

воспринимается подростком как ненастоящее, что подразумевает отсутствие ответственности и стрессогенного фактора, которые присущи традиционной коммуникации. В целом, с точки зрения теории Н. Лумана целесообразно рассматривать саморазвивающуюся и самовоспроизводящуюся (аутопойезисную) систему, которая формируется и существует за счет межличностных коммуникаций пользователей и зависит от процесса передачи информации между членами коммуникационной сети [10].

Результаты

Сетевое пространство стало средой массового распространения информации, или так называемого контента (от англ. content – содержание), который оказывает воздействие на детей и подростков. По влиянию на детей и подростков можно выделить, во-первых, конструктивный контент, т.е. информацию, которая способствует формированию новых знаний, умений, развитию новых компетенций детей и подростков, с помощью которых реализуются общественно-полезные цели и задачи. Примером такого контента могут служить различные познавательные и научные материалы; материалы для подготовки к аттестационным экзаменам и пр. Во-вторых, нейтральный контент – это информация, которая не оказывает существенного влияния на детей и подростков, к примеру, развлекательный контент соответствующего возрастного ценза. В-третьих, это может быть деструктивный контент который может нанести детям и подросткам вред или сподвигнуть их к причинению вреда другим [11].

Деструктивный контент может быть представлен в виде разнонаправленной информации:

- пропагандирующая насилие (колумбайн⁴ и пр.);
- пропагандирующая сексуальные девиации (вовлечение детей в онлайн-проституцию, порноиндустрию, пропаганда педофилии и нетрадиционных ЛГБТ ценностей);
- вовлекающая в противоправную деятельность (пропаганда суицидального поведения, игровые постановочные кражи в магазинах, наркоиндустрия) и социально-неприемлемые формы поведения (наркопотребление, потребление психотропных веществ и алкоголя, пропаганда рискованных форм поведения: ругательства, зацепинга, пищевых расстройств и пр.);

- разглашающая конфиденциальные сведения (социоинженерная деятельность, хакерство);
- создающая угрозу нарушения общественного порядка и общественной безопасности (пропаганда криминальной субкультуры, например, АУЕ⁵ и др., досуг в форме алкогольно-сексуальных вечеринок);
- индифферентный дискурс (рост апатии и уныния среди молодых пользователей, например, «дед инсайд» – депрессивно-ироничное молодежное течение);
- дискредитирующая деятельность органов государственного управления и вооруженных сил РФ (например, распространение фэйковой информации о проведении специальной военной операции на Украине).

Негативные последствия восприятия детьми и подростками деструктивного контента, содержащего сцены насилия, выражаются в их поведении, эмоциональном состоянии и когнитивном образе мира: они постоянно или эпизодически воспроизводят модели агрессивного поведения в реальной жизни; возникают страхи, повышенная тревожность и эмоциональная неустойчивость.

Потребление детьми и подростками откровенного, провоцирующего сексуального контента приводит к серьезным нарушениям их психосексуального развития, а также формирования половой и гендерной идентичности. Последствия потребления деструктивного контента такого рода проявляются на поведенческом, ценностном, эмоциональном и когнитивном уровнях в форме деформации установок и ценностей, подражания социально табуированным девиантным формам сексуального поведения, снижения чувствительности к его патологическим формам, акселерации полового развития или инициирования патологического сексуального влечения [12].

По периодичности распространения деструктивный контент может быть событийным, т.е. происходить в преддверии социально-значимого события, и фоновым, происходящим вне зависимости от определенных событий или дат. По формату деструктивный контент может быть представлен в форме текста, аудио и видео, изображений и компьютерных игр. По характеру причиняемого вреда и степени потенциальной опасности деструктивный

⁴ Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») признано террористическим и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ № АКПИ21-1059С от 02.02.2022.

⁵ Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) признано экстремистским и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020 и дополнительным решением Верховного Суда РФ от 02.10.2020.

контент может быть разделен на противоправный и токсичный. Противоправный контент – информация, размещаемая в сетевом пространстве, которая запрещена к распространению на территории РФ, а за ее распространение предусмотрена уголовная или административная ответственность. Токсичный контент – информация, распространение которой не содержит признаков уголовного или административного правонарушения, но оказывает негативное информационно-психологическое воздействие на сознание ее потребителей, что побуждает их действовать вразрез с общественно-одобряемыми моделями поведения [11].

Распространение в сети деструктивного контента преобразует мировоззрение подростков по технологии окна Овертона, которая позволяет нормализовать и легализовать социально-неприемлемые идеи и морально недопустимые явления. Согласно теории, предложенной Дж. Овертоном, любую идею можно нормализовать, если последовательно транслировать ее в информационном пространстве и переводить в новый ранг по шкале *немыслимо – радикально – приемлемо – разумно – популярно (стандартно) – норма (легально)*. Таким образом информация получает общественное одобрение [13].

Цифровизация несет новые риски и угрозы для современных детей и подростков. Распространяемая в сети информация (однообразная, низкокачественная и малоинформативная) способствует тому, что у подростков формируется клиповое мышление, в результате чего они плохо воспринимают длинные тексты, не способны улавливать причинно-следственные связи и длительное время концентрировать внимание на определенном виде деятельности; наблюдается ограничение способности к целенаправленной деятельности. Развитие интернет-коммуникации препятствует нормальному взаимодействию подростков в реальной социальной группе, приводит к утрате эмпатии, поэтому деструктивный контент воспринимается ими как допустимый, а не отвергается или игнорируется [14]. Наличие большого количества автоматизмов в ежедневной деятельности подростков выключает критическое осмысление или рефлексии, хотя и снижает риски неопределенности в организации и поиске новых знаний и навыков посредством цифровой среды.

Информационное пространство играет существенную роль в развитии моральной и ценностно-смысловой сфер подростков. В силу своих возрастных особенностей дети и подростки испытывают трудности ценностного самоопределения в условиях изменчивости, неопределенности и нарушения межпоколенной трансляции. Все это способствует

отрыву ребенка от культурных традиций общества, его истории. На смену нормам и ценностям, характерным традиционному российскому обществу, приходят ценности общества потребления и асоциального поведения, противоречащие гуманистическим нравственным нормам и системам ценности. Все перечисленное создает значительную угрозу нормальному моральному развитию детей и подростков.

Сегодня дети и подростки в сети Интернет не только получают информацию или развлекательный контент, они также удовлетворяют свои потребности в общении, реализации, автономии и пр. При этом происходит погружение в виртуальный мир, что, по мнению Г. В. Солдатовой и др., сопровождается ощущением полного контроля и владения ситуацией, формированием мнимого чувства безопасности, являющегося одной из базовых человеческих ценностей [15]. Все это способствует формированию зависимости от сети Интернет. Могут возникать патологические зависимости от игр, в т.ч. от азартных онлайн-игр; виртуальных знакомств, в т.ч. с лицами с противоправным поведением; общения в неформальных молодежных группах, которые могут характеризоваться криминальными проявлениями (терроризм, экстремизм и пр.); просмотра видеоконтента и пр. Подросткам зачастую сложно контролировать время, проведенное в сети Интернет, поэтому прочим видам деятельности не уделяется должного внимания [16].

Перечисленные выше последствия воздействия сети Интернет на несовершеннолетних являются факторами формирования уязвимости детей и подростков. В силу их психофизиологических особенностей, недостаточности объема знаний, трудностей адаптации это является отличной базой для информационно-психологического воздействия и вовлечения в противоправную деятельность.

Использование самого термина *информационно-психологическое воздействие* можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, акцент сделан на целевую функцию информации как средства воздействия на людей; во-вторых, объектом данного воздействия является психика человека. По мнению А. Г. Караяни и Ю. П. Зинченко, информационно-психологическое воздействие представляет собой один из видов психологического воздействия с использованием информации, которое сопровождается изменением установок, намерений, представлений, оценок, состояния и поведения человека, на которого оно было направлено [17].

Основными характеристиками информационно-психологического воздействия являются скрытость от объекта воздействия и манипулятивный характер,

поскольку такое воздействие осуществляется с целью побуждения субъектов к действию, порой даже в ущерб собственным интересам, в угоду отдельным лицам, группам или организациям, осуществляющим воздействие. Особо подвержены воздействию дети и подростки, у которых отсутствуют механизмы защиты.

Информационно-психологическое воздействие можно разделить на два основных вида: побуждение и принуждение. Побуждение представляет собой открытое воздействие на сознание объекта, в результате которого происходит формирование мотивации к совершению определенных поступков. Основными способами формирования мотивации являются убеждение; разъяснение; информирование; обсуждение, согласование; сравнение; воспитание; содействие, поддержка; изменение настроения (психологического состояния); формирование психологического фона и др.

Принуждение – это вид информационно-психологического воздействия на сознание объекта, в результате которого происходит формирование мотивации к обязательному совершению определенных поступков вопреки собственной воле или желанию. По отношению к объекту воздействия принуждение может быть открытым (основанным на юридических нормах и нормах социального поведения) либо тайным / скрытым (дезинформация, манипуляция, агрессивная пропаганда, шантаж и пр.) [18]. В контексте нашего исследования особый интерес представляет именно скрытое принуждение детей и подростков, являющееся одной из форм информационно-психологического воздействия.

Сама информация, используемая в процессе информационно-психологического воздействия, может быть объективной и необъективной; недостоверной (ложная информация, дезинформация) и искаженной (направленная информация, тенденциозная). Распространение в сети недостоверной информации приводит к тому, что дети и подростки усваивают ценности, нормы и модели поведения, а также формируют картину мира, которые по сути являются искаженными. Создание и распространение недостоверной информации или фейков способствует возникновению паники, дезорганизации поведения. Яркой иллюстрацией данного тезиса является информация, распространявшаяся во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Однако, помимо ложной информации или фейков, существует такая разновидность недостоверной информации, как фактоид, который представляет собой разновидность маскируемого вымысла, содержание которого кажется правдоподобным,

тиражируемого в сети под видом общественно значимой информации. Главной отличительной чертой фактоида от фейковой информации является то, что он обладает качеством правдоподобия, претендуя на статус факта с целью манипуляции аудиторией, в т. ч. подростковой. Фейковая информация качеством достоверности не обладает, поэтому для нее характерно больше развлекательно-игровое осмысление.

Отличительные характеристики фактоидов:

- распространяются в соответствии с актуальным инфоповодом;
- содержат эмоционально окрашенную лексику;
- используют прием гиперболизации;
- имеют специфическое грамматическое оформление;
- распространяются анонимно;
- характеризуются субъективностью;
- быстро распространяются в интернет-пространстве;
- сопровождаются яркими видеороликами, изображениями;
- содержат нарушения хронологии и хронотопа.

Фактоидные сообщения имеют манипулятивный характер и направлены на оказание прагматического воздействия на индивида, вызывают яркую эмоциональную реакцию (испуг, страх, возмущение, панику), вводя человека в заблуждение. Они удерживают внимание целевой аудитории на негативных моментах, создают сенсационность, манипулируют общественным мнением. Апелляция к эмоциям является основным критерием, отличающим фактоид [19]. Причем детям и подросткам, которые являются потребителями данного контента в сети Интернет, зачастую очень сложно разобраться в достоверности информации, поэтому распространение подобного контента может оказывать на них существенное влияние и создавать условия для осуществления манипуляционного воздействия.

В. Г. Рошупкин характеризует манипуляционное воздействие как способ психологического воздействия, нацеленный на изменение направления активности других людей, осуществляемый незаметно для них, и выделяет три уровня манипулирования:

- усиление существующих в сознании людей нужных идей, мотивов, установок, норм и ценностей;
- частые небольшие изменения взглядов людей на определенное событие или факт, что также производит определенное воздействие на отношение к конкретному явлению;
- посредством сообщения индивиду новых сенсационных и необычайно важных сведений происходит коренное изменение жизненных установок человека [18].

Как правило, с детьми и подростками этот процесс протекает быстрее за счет возрастных особенностей и особенностей психоэмоционального развития, а также из-за отсутствия рефлексии и критического мышления, которые являются механизмами психологической защиты.

Одной из технологий, используемых в процессе манипуляционного воздействия, является технология *мягкой силы* или *soft power*. Технология *soft power* воздействует таким образом, что субъект добровольно ей подчиняется и воспринимает результат воздействия как свой собственный самостоятельный выбор. Автором понятия является один из основателей нелиберальной школы международной политики Дж. Най. По его мнению, *soft power* – это умение делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы, умение вовлекать и объединять людей, а не принуждать их [20]. Инструментами воздействия выступают интеллектуальные паттерны, привлекательные идеи и символы, визуальные и аудиальные образы, притягивающие внимание. В основе такого рода воздействия лежат механизмы культурно-индивидуалистического, рыночно-маркетингового и шоу-политического соблазна, а само воздействие на индивида происходит на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях.

Именно по этой причине одним из наиболее распространенных способов воздействия, особенно в молодежной среде, являются интернет-мемы, которые широко используются в ненасильственном микромоделировании современных детей и подростков. Информация в меме представлена в очень сжатом виде, но при этом она быстро считывается и проста для воспроизводства и распространения. Она воздействует на подсознательном уровне, а объект воздействия сам определяет его смысл и формирует реакцию, смоделированную смыслом мема. Распространение мемов происходит в контексте общекультурного и социально-политического дискурса и чаще всего имеет негативный окрас. Опасный контент интернет-мемов может быть одним из способов формирования деструктивного поведения молодежной и подростковой аудитории. С помощью апелляции к прецедентным феноменам, юмора, гиперболизации, метафоризации, использования ложных фактов и домысливания информации происходит формирование позитивного отношения к деструктивности и асоциальным нормам. При этом использование интернет-мемов может способствовать проявлению социальной напряженности, одним из видов которой могут быть протестные формы социальной активности, а также агрессивного поведения [21].

Еще одной технологией манипулирования, распространенной в сети Интернет, является *надж*, или технология подталкивания. Суть данной технологии сводится к тому, что с помощью положительного подкрепления и не прямых указаний оказывается влияние на процесс принятия индивидуальных или групповых решений. Надж ориентирует людей, задавая им определенное направление поведения, при этом он не принимает явную форму манипуляции или обмана. Примерами подталкивания могут служить дизайн сайтов, когда нужная информация располагается на переднем плане или в более крупном формате, а также гипертекстуальность самого текста, представляющая систему связи между отдельными интернет-ресурсами при помощи гиперссылок [22]. Использование в тексте гиперссылок может носить субъективный характер, а информация по гиперссылке представляться в одностороннем порядке, создавая предпосылки для дальнейшего манипулятивного воздействия.

Технология *надж* строится на нескольких постулатах. Во-первых, несмотря на различие стереотипов и привычек как отдельных лиц, так и групп, обработка больших данных сети Интернет позволяет получить верифицированную информацию о пользователях и социальных группах, что может быть использовано в прогнозировании их социального поведения. Во-вторых, за счет технических возможностей интернет-сервисов пользователи оказываются в ситуации, когда самым легким решением оказывается именно то, которое было изначально запрограммировано разработчиками при создании ситуации [23].

Самым ярким примером такого воздействия является алгоритм поискового запроса, при котором пользователю, набравшему слово или несколько символов в поисковой строке, предлагается выбор из нескольких вариантов, по которым он сможет продолжить свой поиск, а информация выдается в релевантном порядке, учитывая интересы пользователя. Технология персонализированного подбора информации в условиях информационной среды, которая основана на местоположении пользователя, истории его прошлых запросов, предпочтений и интересов, способствуют возникновению эффекта *пузыря фильтров*. За счет фильтрации информации пользователи оказываются отрезанными от новых идей или полезной информации, создается впечатление, что именно их интересы и идеи – это и есть все то, что существует и окружает пользователя. Человек оказывается в информационном пузыре, что делает его более уязвимым для манипуляционного воздействия.

Социальные сети являются социальной структурой, состоящей из множества индивидуальных и коллективных субъектов и их отношений. На сегодняшний день соцсети не только обеспечивают коммуникацию и обмен информацией и мнениями, но также могут быть использованы для манипулирования отдельными людьми, социальными группами и сетевым сообществом в целом [24]. С точки зрения концепции аутопойезиса Н. Лумана каждая социальная сеть представляет собой систему. Социальная сеть имеет собственные границы и структуру; за счет применения цифровых технологий в сети производятся базовые социальные структуры; сеть является замкнутой и самореферентной. Базовым элементом социальной сети является цифровая коммуникация, осуществляемая посредством информационного обмена между пользователями. Личная информация пользователей социальной сети, содержащаяся в постах, публикациях, видео, рилсах и пр., одновременно является ее языком и культурным кодом.

Развитие как всего Интернета в целом, так и отдельных коммуникативных практик подростков в социальных сетях сопряжено с формированием рисков и угроз их безопасности. В силу возрастных особенностей, проводя значительную часть времени в социальных сетях, они оказываются один на один с потоком информации, который зачастую сложно контролировать со стороны взрослых, что может способствовать формированию у них антисоциальных установок [25].

В социальных сетях наблюдается эффект эхо-камеры, способный оказать значительное информационно-психологическое воздействие, в т.ч. и на подростковую аудиторию. В сети происходит распространение идей и убеждений, соответствующих целям субъекта управления, за счет передачи сообщений или их повторения внутри закрытой системы (сетевое сообщество, интернет-блог и пр.). Подростки, находящиеся внутри такой закрытой системы, мало восприимчивы к альтернативным точкам зрения и ориентируются на взгляды единомышленников или референтной группы. Таким образом, окружая себя людьми, придерживающимися аналогичной позиции, подростки, с одной стороны, подкрепляют свою собственную систему убеждений, а с другой стороны, искажают целостность картины собственного мировосприятия.

Социальные сети могут оказать мобилизационное воздействие, которое можно разделить на три этапа:

1. Пользователи проявляют интерес к обсуждаемой проблеме, в результате чего увеличивается гражданская активность, расширяются и укрепляются горизонтальные связи внутри сообщества.

2. За счет эффекта эхо-камеры и кластеризации происходит расширение аудитории, при этом развивается коллективное мышление, появляется внутригрупповое управление, участники начинают выполнять определенные функции.

3. Происходит развитие активных и согласованных форм поведения пользователей и их выход за пределы информационного пространства. Призывы к коллективным действиям и закрепление определенного образа в сознании пользователей обеспечивают управление группой, которое может быть направлено на участие в массовых акциях, выступлениях и других событиях [26].

Здесь и далее будет идти речь именно о детях старше 14 лет, т.к. пользовательским соглашением большинства социальных сетей установлен именно этот возрастной порог для регистрации в сети. Подростки, общаясь и проводя время в социальных сетях, оставляют цифровые следы в виде персональных данных и записей, раскрывают свои увлечения через лайки и комментарии, что может быть использовано для автоматического и достаточно точного прогнозирования и адресного воздействия. В социальных сетях широко распространена технология *таргетинга*, позволяющая выделить из всей имеющейся аудитории целевую часть, удовлетворяющую заданным критериям, на которую осуществляется воздействие с учетом индивидуальных характеристик. Могут применяться такие виды таргетинга, как тематический, по интересам, географический, локальный, временной, социально-демографический (по половозрастным характеристикам и другим социальным критериям), поведенческий (с учетом информации, полученной при сборе cookie-файлов) и геоповеденческий (с учетом перемещения субъекта). Используя данную технологию, можно достаточно четко выявить привычки и интересы подростков, что может быть использовано в процессе манипуляционного воздействия.

Следующей технологией воздействия на сознание подростков, распространенной в современных социальных сетях, является *троллинг* – размещение провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путем нарушения социальных и этических норм интернет-взаимодействия. Преимуществами троллинга выступают усиление эффекта массовости, а также возможность повысить уровень доверия к источнику «разоблачительной» информации и расширить круг ее получателей.

Еще одной технологией манипуляционного воздействия является *астротурфинг*, т.е. использование ботов или специально нанятых пользователей для искусственного управления общественным мнением.

Широкое распространение астротурфинга в социальных сетях объясняется тем, что возможность сохранять анонимность позволяет имитировать массовость, поскольку пользователю трудно идентифицировать ботов или определить поддельность учетной записи. Эффективность астротурфинга основана на эффекте группового социального подкрепления. В основном он используется для продвижения или вытеснения определенных идей посредством создания подставных групп пользователей, размещающих комментарии; для распространения идей, которые будут поддержаны и ретранслированы большим числом мнимых пользователей; для поднятия рейтинга и популярности определенной информации за счет накрутки просмотров. Учетным записям, используемым в астротурфинге, придается видимость правдоподобности путем заполнения информации в профилях или генерирования интернет-активности при помощи программного обеспечения. По такой же схеме создаются и блоги с накрученным количеством пользователей, которые могут быть использованы для распространения информации, продвигающей чьи-либо интересы. Технология астротурфинга может использоваться в подростковой среде для пропаганды, направленной на популяризацию и распространение деструктивных моделей поведения и вовлечение в противоправную деятельность.

Одной из форм проявления деструктивных моделей поведения в социальных сетях является *кибербуллинг*, т.е. агрессивные действия, направленные против жертвы, осуществляемые систематически на протяжении определенного промежутка времени посредством различных форм взаимодействия от игриво-шуточного до виртуального террора, результатом которого может стать самоубийство [23]. Основной целью кибербуллинга является ухудшение эмоционального состояния жертвы, разрушение ее социальных отношений. Это одна из самых опасных форм киберагрессии, потому как подростки, подверженные онлайн-травле, могут пострадать как психически или эмоционально, так и физически, поскольку может произойти выход агрессии из онлайн-пространства в реальность [26]. Кибербуллинг может осуществляться путем рассылки оскорбительных сообщений, а также раскрытия и распространения личной информации либо

неправдоподобных сведений о пострадавшем. Необходимо отметить, что по отношению к подросткам кибербуллинг может носить как субъектный, так и объектный характер, т.е. подросток может выступать либо в качестве жертвы, либо в качестве провокатора.

Особую опасность в социальных сетях для подростков представляет распространение сообществ, представляющих угрозу их мировоззренческой безопасности, а именно делинквентных субкультур. Наибольшую угрозу могут представлять следующие сообщества:

- субкультуры андеграунда, основанные на пропаганде и вовлечении подростков в криминальные и околоскриминальные субкультуры. Самым ярким примером являются сообщества АУЕ, начавшие маскироваться под «пацанские» после признания данной идеологии экстремистской;
- сообщества, объединенные идеей человеконенавистничества: колумбайнеры – поклонники массовых убийств в школах и тех, кто их совершил; М.К.У. – неонацистская организация⁶; чистильщики – последователи банды молодых людей, осужденных за жестокие убийства лиц без определенного места жительства; true crime community, или сообщество интересующихся настоящими преступлениями;
- сообщества, объединенные мизогинными идеями: инцелы, т.е. неспособные найти себе сексуального партнера; маносферы, пропагандирующие маскулинность и ненависть к женщинам; мужское движение или мужское государство⁷, осуществляющие травлю женщин, которые, по мнению последователей, были уличены в неприличном поведении, представительниц ЛГБТ-сообщества;
- сообщества аутодеструктивного контента: группы смерти; пропаганды селфхарма или самоповреждений; пропаганды моды на булимию (сообщества анорексичек); увлечений, связанных с риском для жизни, таких как руферство, зацепинг, опасные селфи, диггерство и пр.;
- сообщества, объединенные пропагандой анти-семейных ценностей: чайлдфри;
- сообщества экстремистки-террористического толка: неонацисты, шовинисты, радикальные националисты и др. [26; 27].

⁶ Международное движение «Маньяки Культ Убийц» (другие используемые наименования «Маньяки Культ Убийств», «Молодежь Которая Улыбается», М.К.У.) признано террористическим и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ № АКПИ22-1227С от 16.01.2023.

⁷ Межрегиональное объединение «Мужское государство» признано экстремистским и запрещено в РФ решением Нижегородского областного суда от 18.10.2021.

Технология вербовки в сетевое деструктивное сообщество осуществляется с использованием 4 последовательных этапов. На первом этапе происходит начальное знакомство (латентно также поиск / отбор) пользователей с деструктивным контентом, наблюдается увеличение числа подписчиков сообщества. На втором этапе идет формирование интереса за счет взаимодействия пользователей с деструктивным контентом (репосты, лайки, тематические сторис и пр.). На этом этапе пользователи начинают использовать символику, субкультурного сленга, идет дифференциация пользователей по типу своей – чужой. На третьем этапе осуществляется культивация желаний, пользователи подписываются на паблики определенной направленности, скачивают контент из внешних источников, ссылки на которые обычно находят в этих пабликах, получают знаки отличия (прозвища, имена, роли в сети сообщества и пр.), выполняют задания, чтобы перейти к следующему этапу. На заключительном четвертом этапе пользователи уже обладают мотивацией к действию, они объединяются в сообщества закрытого типа, среди пользователей распространяются инструкции (в зависимости от вида деструктивного сообщества по ограничению общения, поведению с родителями, выполнению заданий «игры», проведению акций и пр.), осуществляются призывы к насилию [13].

Заключение

Развитие современно цифрового общества оказывает существенное влияние на детскую и подростковую аудиторию. В силу своих возрастных и психофизиологических особенностей развитие молодое

поколение оказывается уязвимым перед различными рисками и угрозами, которые несет в себе цифровая среда и ее наполнение. Развитие цифровых технологий приводит к появлению новых потенциальных рисков и угроз, способных оказать негативное влияние на молодое поколение. Для противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на детей и подростков необходим системный подход, развитие междисциплинарных исследований, совместная работа гуманитарных и технических специалистов. Значительную роль сохраняют живые коммуникативные практики, способные как формировать, так и снижать сетевые риски и угрозы коммуникации детей и подростков.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining».

Funding: The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the project FZSR-2023-0006 "Network Socio-Political Mobilization in Resource-Type Regions of Siberia: Research Capabilities of Data-Mining Tools".

Литература / References

1. Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса. *Теория коммуникации & прикладная коммуникация*. Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. Вып. 2. С. 217–226. [Rozina I. N. Computer-mediated communication in practice of education and business. *Communication theory and practice*. Rostov-on-Don: IMBL, 2004, iss. 2, 217–226. (In Russ.)]
2. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя. *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 6. С. 79–94. [Galyashina E. I., Nikishin V. D. Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview. *Lex Russica*, 2021, 74(6): 79–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094>
3. Титлова А. С. Типообразующие признаки текста микроблога и их влияние на процессы понимания. *Вестник Башкирского университета*. 2017. Т. 22. № 2. С. 501–505. [Titlova A. S. Type-forming features of a microblog text and their impact on the comprehension processes. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2017, 22(2): 501–505. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zaotkb>
4. Taheri-Boshrooyeh S., K p u A.,  zkasap  . Security and privacy of distributed online social networks. *Distributed Computing Systems Workshop: Proc. IEEE 35th Intern. Conf., Columbus, 29 Jun – 2 July 2015*. IEEE, 2015, 112–119. <https://doi.org/10.1109/ICDCSW.2015.30>

5. Slaughter-Defoe D. T., Wang Z. Information security of children's data: from "ego" to "social comparison" – cultural transmission and child data protection policies and laws in a digital age. *Harboring data: information security, law, and the corporation*, ed. Matwyshyn A. M. Redwood City, 2009, 145–156. <https://doi.org/10.11126/stanford/9780804760089.003.0009>
6. Macaulay P. J. R., Betts L. R. Cyberbullying in school. The role of teachers. *Cyberbullying and values education. Implications for family and school education*, eds. Leung A. N. M., Chan K. K. S., Ng C. S. M., Lee J. C.-K. Routledge, 2023, 156–171. <https://doi.org/10.4324/9781003314509-13>
7. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. [Bek U. *Risk society: on the way to a different modernity*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2000, 384. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/raytkj>
8. Чистяков А. В. Социализация личности в виртуальном пространстве. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 182 с. [Chistyakov A. V. *Personality socialization in virtual space*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2006, 182. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qogfnz>
9. Чванова М. С., Анурьева М. С., Киселева И. А. Влияние Интернета на социализацию молодежи. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 22. № 5. С. 23–36. [Chvanova M. S., Anurieva M. S., Kiseleva I. A. The influence of the internet on the socialization of youth. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2017, 22(5): 23–36. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-5\(169\)-23-36](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-23-36)
10. Юдина Е. Н., Захарова С. А. Социальные сети Интернета в контексте теории автопоэзиса Н. Лумана. *Вестник университета*. 2016. № 10. С. 254–260. [Yudina E. N., Zakharova S. A. Social networks of the internet within the theory of autopoiesis by Niklas Luhmann. *Vestnik Universiteta*, 2016, (10): 254–260. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xccqsx>
11. Шуликов К. А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2023. № 2. С. 176–182. [Shulikov K. A. Destructive content: concept, administrative and legal characteristics, types. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2023, (2): 176–182. (In Russ.)] https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_176
12. Карабанова О. А., Молчанов С. В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков. *Национальный психологический журнал*. 2018. № 3. С. 37–46. [Karabanova O. A., Molchanov S. V. Risks of negative impact of information products on mental development and behavior of children and adolescents. *National Psychological Journal*, 2018, (3): 37–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2018>
13. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений. *Lex Russica (Русский закон)*, 2022. Т. 75. № 11. С. 131–148. [Nikishin V. D. Harmful information in internet media: the "Overton window" and destructive network content interrelationships. *Lex Russica*, 2022, 75(11): 131–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>
14. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. «Токсичный» контент в сети интернет и его влияние на радикализацию молодежи. *Научный портал МВД России*. 2020. № 4. С. 35–44. [Sundiev I. Y., Smirnov A. A. "Toxic" content on the internet and its impact on youth radicalization. *Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2020, (4): 35–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vnamip>
15. Солдатова Г. В., Гостимская О. С., Кропалева Е. Ю. Пойманные одной сетью. *Дети в информационном обществе*. 2010. № 3. С. 36–43. [Soldatova G. V., Gostimskaia O. S., Kropaleva E. Yu. Caught in the same net. *Deti v informatsionnom obshchestve*, 2010, (3): 36–43. (In Russ.)]
16. Макашева М. Н. Сеть интернет и общая оценка ее влияния на личность несовершеннолетнего. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 3. С. 102–109. [Makasheva M. N. The Internet and general assessment of its impact on the personality of a minor. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (3): 102–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-102-109>
17. Караяни А. Г., Зинченко Ю. П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. М.: Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. 230 с. [Karayani A. G., Zinchenko Yu. P. *Information and psychological warfare in war: history, methodology, practice*. Moscow: Fakultet psikhologii MGU imeni M. V. Lomonosova, 2007, 230. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uahxof>
18. Рощупкин В. Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности. Самара: Самарский университет, 2018. 92 с. [Roshchupkin V. G. *Information-psychological warfare and information security*. Samara: Samara University, 2018, 92. (In Russ.)]

19. Воякина Е. Ю. Лингвистические и экстралингвистические маркеры фактоидов в современной интернет-коммуникации. *Преподаватель XXI век*. 2023. № 1-2. С. 357–370. [Voyakina E. Yu. Linguistic and extralinguistic markers of factoids in modern internet communication. *Prepodavatel XXI vek*, 2023, (1-2): 357–370. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-1-357-370>
20. Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения. *Свободная мысль*. 2004. № 10. С. 33–41. [Nye J. Soft power and European-American affairs. *Svobodnaya mysl*, 2004, (10): 33–41. (In Russ.)]
21. Титлова А. С. Влияние гипертекстуальности интернет-текста на степень его воздействующего потенциала. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 1-3. С. 66–68. [Titlova A. S. The influence of hypertextuality of the internet text on the degree of its impact potential. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, (1-3): 66–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-66-68>
22. Бабикова М. Р. Вербально-иконические механизмы воздействия технологии Soft power (анализ контента социальных сетей «ВКонтакте», «Instagram», «Telegram»). *Политическая лингвистика*. 2022. № 2. С. 60–66. [Babikova M. R. Verbal-iconic mechanisms of influence of soft power technology (content analysis of social networks "VKontakte", "Instagram", "Telegram"). *Political Linguistics*, 2022, (2): 60–66. (In Russ.)]
23. Виловатых А. В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17. № 2. С. 149–164. [Vilovatykh A. V. Manipulation of social behavior under the digitalization of social environment. *Discourse-P*, 2020, 17(2): 149–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>
24. Саркисян Г. Г., Булгаков С. С. Деструктивное информационное воздействие в сети интернет: постановка проблемы. *Труды Академии управления МВД России*. 2023. № 2. С. 138–144. [Sarkisyan G. G., Bulgakov S. S. Destructive information impact on the internet: problem statement. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2023, (2): 138–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-138-144>
25. Ершова Ю. А. Социальные сети в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодежи: культурологический анализ. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2020. Т. 6. № 4. С. 70–81. [Ershova Yu. A. Social networks in the process of forming the value orientations of modern youth: culturological analysis. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*, 2020, 6(4): 70–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ikbbkl>
26. Путинцева А. В. Развитие феномена «кибербуллинг»: анализ подходов к определению. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 3. С. 51–57. [Putintseva A. V. Development of the cyberbullying phenomenon: analysis of approaches to definition. *Vestnik Ufimskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, (3): 51–57. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iubowm>
27. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя. *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 6. С. 79–94. [Galyashina E. I., Nikishin V. D. Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview. *Lex Russica*, 2021, 74(6): 79–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wxzdpm>

Развитие социально-педагогических технологий воспитания государственно-ориентированной личности в высших учебных заведениях

Юдина Вера Александровна

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Пензенский филиал), Россия, Пенза
<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>
vayudina@fa.ru

Танина Мария Алексеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Пензенский филиал), Россия, Пенза
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Бондаренко Владимир Викторович

Финансовый университет при Правительстве РФ,
(Пензенский филиал), Россия, Пенза
<https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>

Аннотация: В современных условиях возникает необходимость совершенствования технологий формирования государственно-ориентированной личности в процессе обучения в высших учебных заведениях. Предмет исследования – инструменты методической, социальной, воспитательной и иной работы со студенческой молодежью. Цель – разработка методических рекомендаций по развитию социально-педагогических технологий, направленных на формирование государственно-ориентированной личности в процессе обучения и воспитания в организациях высшего и среднего профессионального образования. Методология опирается на результаты исследований патриотического, духовно-нравственного и гражданского воспитания обучающихся, формирования гражданской идентичности, отдельных аспектов использования социально-педагогических технологий в процессе развития социальной активности обучающихся. Разработан комплекс мероприятий для работы со студенческой молодежью, направленный на формирование государственно-ориентированной личности. Инструменты могут стать основой для планов воспитательной работы и концепций патриотического воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: гражданская идентичность, социально-педагогические технологии, государственно-ориентированная личность, воспитание, патриотизм, внеаудиторная работа

Цитирование: Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В. Развитие социально-педагогических технологий воспитания государственно-ориентированной личности в высших учебных заведениях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 31–39. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-31-39>

Поступила 14.09.2023. Принята после рецензирования 22.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Development of Socio-Pedagogical Technologies for Educating a State-Oriented Personality in Higher Education Institutions

Vera A. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza Branch, Russia, Penza
<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>
vayudina@fa.ru

Maria A. Tanina

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza Branch, Russia, Penza
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Vladimir V. Bondarenko

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza Branch, Russia, Penza
<https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>

Abstract: The subject of the research is methodological, social, educational, and other tools aimed at socializing student youth and forming their self-determination and active civic position in the process of studying in educational organizations. The purpose is to propose methodological recommendations for the development of socio-pedagogical

technologies aimed at the formation of a state-oriented personality in the process of education and upbringing in higher and secondary vocational education organizations. The research methodology is based on the applied and fundamental research of students' patriotic, spiritual, moral, and civic education, the formation of civic identity and certain aspects of socio-pedagogical technologies used in the development of students' social activity. A set of measures for classroom and extracurricular work aimed at the formation of a state-oriented personality has been developed. The proposed methodological, social, and educational tools can become the basis for the development and implementation of educational plans and concepts of patriotic education of student youth that meet the requirements of the humanitarian concept of education and aim at educating a state-oriented personality.

Keywords: civic identity, socio-pedagogical technologies, state-oriented personality, education, patriotism, extracurricular work

Citation: Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. Development of Socio-Pedagogical Technologies for Educating a State-Oriented Personality in Higher Education Institutions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 31–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-31-39>

Received 14 Sep 2023. Accepted after peer review 22 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

В условиях геополитических и социокультурных вызовов, трансформации и глобализации сетевого информационного пространства, развития разнообразных форм организации и самоорганизации студенческой молодежи возникает необходимость совершенствования технологий формирования государственно-ориентированной личности в процессе обучения в высших учебных заведениях.

Целью исследования является разработка комплекса мероприятий по использованию социально-педагогических технологий воспитания государственно-ориентированной личности в высших учебных заведениях в процессе учебной и внеучебной деятельности с учетом требований образовательных стандартов, федеральных и региональных проектов по патриотическому воспитанию молодежи, концепции сохранения исторической памяти.

В научной литературе понятие социально-педагогических технологий как совокупности методов и приемов воздействия на сознание, поведение и деятельность обучающихся стало детально изучаться около 30 лет назад в связи с выделением социальной педагогики в отдельную профессиональную деятельность.

Особое значение патриотического воспитания как приоритетного направления воспитательной работы молодежи в условиях трансформации культурно-исторических ценностей и существенных геополитических преобразований подчеркивают в своих работах А. Ф. Поломошнов, И. Б. Орлов, П. М. Попов, Д. В. Иванова и В. В. Константинова [1–5]. Подготовка специалистов со сформированным гражданско-патриотическим самосознанием и мышлением, а также высоким уровнем общей культуры должна

осуществляться не только в рамках воспитательной работы, но и в рамках преподавания блока гуманитарных дисциплин и формирования эффективных организационно-педагогических условий гражданско-патриотического воспитания.

Некоторые исследователи, например, Т. В. Анисенкова, С. В. Ермаков, Ю. А. Тюрина и др. считают, что формирование государственно-ориентированной личности возможно за счет участия обучающихся в мероприятиях патриотической, военной и военно-прикладной направленности, а также патриотических объединениях, учебных сборах и профильных военно-спортивных оздоровительных лагерях, краеведческих региональных проектах [6–8].

Другие исследователи, такие как С. В. Кондратьев и др., Е. В. Баханова, Т. П. Лапыко и С. В. Комарова, О. А. Сучкова, делают акцент на применении современных воспитательных, диалоговых и игровых технологий для повышения социальной активности, стимулирования самореализации в учебной и общественно-полезной деятельности, воспитания личности и формирования социально-активной гражданской позиции [9–12]. А. В. Скрипкина и Е. А. Шуров утверждают, что необходимо использовать социально-педагогические брендинг-технологии. С одной стороны, они могут служить фактором повышения конкурентоспособности образовательных организаций, с другой – комплексом организационно-педагогических, структурно-содержательных аспектов, позволяющих через освоение организационной культуры, исторических ценностей и традиций конкретного вуза или региона произвести отбор и фильтрацию новых сфер и форм социальной деятельности студенческой молодежи [13].

Важность проектной деятельности в системе воспитания и развития государственно-ориентированной личности отмечают Е. В. Барышникова, П. А. Юцявичене, Н. А. Панов и Н. А. Юдина [14–17]. В частности, необходимо использование интерактивных, модульных и проектных технологий, направленных на повышение социальной и познавательной активности обучающихся. Также технологии могут использоваться с целью приобретения обучающимися навыков постановки и решения конкретных проблем, выбора методов и способов достижения поставленных целей, в т. ч. в рамках реализации разнообразных социально и культурно-значимых мероприятий образовательной организации, грантовых программ Росмолодежи, Фонда президентских грантов, Российского фонда культуры и т. п.

При этом, например, О. В. Паслер отмечает корреляцию идентификационных моделей гражданственности и реального уровня социально-политической активности студенческой молодежи [18]. Организационно-методическая и социально-культурная среда образовательных организаций в наибольшей степени благоприятствует формированию эффективных образцов ответственного, государственно-ориентированного поведения и гражданской идентичности обучающихся.

Таким образом, в трудах отечественных ученых описаны отдельные элементы педагогической системы формирования патриотических ценностных ориентаций, гражданской идентичности, развития надпрофессиональных компетенций обучающихся в сфере социальной деятельности. Однако вопросы разработки комплекса адаптивных инструментов, направленных на патриотическое воспитание и развитие доверительных отношений студенческой молодежи к властным и социальным институтам в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций, остаются недостаточно изученными.

Рассмотрение зарубежного опыта отдельных стран по организации системы патриотического воспитания студенческой молодежи, аккумуляции и передаче исторических ценностей и ориентиров, формированию доверия институтам государственной власти через удовлетворение социальных потребностей подрастающего поколения [19–21] также подтверждает необходимость адаптации методов гражданско-патриотического воспитания к меняющимся условиям жизнедеятельности с учетом транзитивности социально-психологических качеств студенческой молодежи.

При проведении исследования был использован системный подход к изучению фундаментальных отечественных и зарубежных прикладных

исследований, отражающих проблемы формирования институционального доверия органам власти студенческой молодежи, тенденции глобализации сетевого информационного пространства, развития адаптивных форм организации и самоорганизации студенческой молодежи. Также применены методы сравнительного, структурного и логического анализа, изучения документов, отражающих результаты внедрения технологий воспитательной работы в высших учебных заведениях.

Результаты

Студенческая молодежь представляет собой особую многочисленную социально-демографическую группу, динамично интегрирующуюся в сетевой информационный социум. При этом для данной группы характерна уязвимость с точки зрения воздействия семиотически и / или семантически вредных и враждебных нарративов чуждых социально-политических институтов. Это во многом объясняется недостаточно сформированной гражданской позицией, специфической инфантилистской жизненной стратегией, спецификой самоидентификации, поисками политической и социокультурной идентичности, низкой позитивной мотивацией на активизацию внутренних ресурсов для решения актуальных повседневных проблем.

Под государственно-ориентированной личностью мы будем понимать личность, разделяющую социокультурные ценности студенческой молодежи (стремление к материальному достатку, сохранение и преумножение семейных и патриотических ценностей, политическая неиндифферентность и др.), использующую разные формы социальной активности и обладающую выраженным стремлением к самореализации. Формирование государственно-ориентированной молодежи в России является важной задачей для формирования будущей элиты, т. к. именно эта социально-демографическая группа будет задавать вектор развития нашей страны. Государственно-ориентированную личность отличает наличие чувства справедливости принимаемых решений и уверенности в надлежащем исполнении властью своих функций, согласие с проводимой властью политикой, вера в честность и порядочность власти.

Системный анализ позволил сформулировать определение социально-педагогических технологий. Это системная совокупность инструментов методической, социальной, воспитательной и иной работы со студенческой молодежью, направленной на социализацию, самоопределение, формирование активной гражданской позиции государственно-ориентированной личности.

Среди многообразия социально-педагогических технологий работы с обучающимися образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования в контексте воспитания государственно-ориентированной личности целесообразно выделить технологии, направленные на программно-целевую реализацию воспитательного и социально-педагогического воздействия. К ним можно отнести реализуемые во многих организациях планы, концепции, программы адаптации первокурсников, воспитательной работы, гражданско-патриотического воспитания, волонтерской деятельности и добровольчества, развития проектной работы студенческой молодежи и др. Данные документы составлены на основе программно-целевого подхода. Они включают информацию о цели, задачах, содержании мероприятий, сроках исполнения, ресурсах, ответственных исполнителях, механизмах взаимодействия и координации, а также дорожные карты реализации и ключевые показатели эффективности (результативности), критерии их оценки.

В соответствии с действующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, формирование универсальных компетенций, отражающих способности к восприятию межкультурного разнообразия общества в социально-историческом, этическом и философских контекстах, анализу и мировоззренческой оценке происходящих процессов и закономерностей, способности осуществлять поиск, критически анализировать, обобщать и систематизировать информацию, использовать системный анализ для решения поставленных задач и т. п. происходят в рамках дисциплин общегуманитарного цикла¹ [22].

Дисциплины основных образовательных программ, как правило, содержат описание интерактивных, информационных или проектных технологий, в наибольшей степени способствующих развитию компетенций, позволяющих достичь планируемых результатов освоения образовательной программы, в т. ч. по формированию ценностных ориентаций, связанных с личностным развитием, основами социального взаимодействия, формированию условий, способствующих развитию гражданских, государственно-ориентированных качеств.

Комплекс мероприятий аудиторной и внеаудиторной работы со студенческой молодежью, направленный на формирование государственно-ориентированной личности, должен быть сгруппирован по следующим направлениям:

- патриотическое воспитание, направленное на развитие патриотических чувств и нравственных позиций на основе осмысления исторических событий, духовных ценностей;
- гражданское воспитание, формирование гражданской ответственности, идентичности, уважения к культуре, традициям, ценностям ориентирам общества; развитие навыков самоуправления, правовой культуры, нормативной привязанности; адаптация и социализация во внутренней среде образовательной организации;
- трудовое воспитание, цель которого – развитие навыков высокопроизводительной трудовой деятельности, повышение вовлеченности студенческой молодежи в общественно-полезные процессы по взаимодействию с различными образовательными общностями и сообществами работодателей, родителей, представителей органов власти и пр.;
- духовно-нравственное и культурно-творческое воспитание, целевой ориентир которых – приобретение к культурным ценностям нашей страны, формирование позитивных духовно-нравственных предпочтений и жизненных ориентиров, развитие эстетических и культурных ценностей, вовлечение студенческой молодежи в активную творческую деятельность;
- физическое воспитание, направленное на развитие культуры безопасности, использование практик здорового образа жизни и др.;
- волонтерская направленность, нацеленная на формирование ответственности, навыков социального служения обществу на безвозмездной основе;
- информационно-коммуникативное воспитание, направленное на формирование системы знаний об опасностях и угрозах интернет-общения; навыков саморегуляции и рационального самоконтроля поведения в глобальном сетевом информационном социуме и т. д.

Поэтому в качестве дополнительных мероприятий, направленных на формирование государственно-ориентированной личности в процессе обучения и воспитания в организациях высшего образования, предлагаем включить в рабочие программы некоторых дисциплин общегуманитарного цикла тренинги, круглые столы, ролевые и деловые игры, посвященные ценностям ориентациям современной студенческой молодежи в условиях цифровизации; самопрезентации обучающихся 1 курса

¹ ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата. FGOSVO. <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24> (дата обращения: 07.08.2023).

(краткая биография, интересы, достижения, профессиональные и жизненные цели); истории развития и известным выпускникам высшего учебного заведения; региональным особенностям социально-экономического и культурного развития и т. п.

В таблице представлен пример перечня интерактивных мероприятий, направленных на воспитание государственно-ориентированной личности.

Рекомендуемый перечень актуальных, соответствующих современной геополитической ситуации групп социально-педагогических технологий, направленных на формирование государственно-ориентированной личности, можно представить следующим образом:

1. Социально-педагогические технологии, направленные на формирование навыков социального предпринимательства, волонтерства, реализации социально-ориентированных проектов. Предполагается реализация на нескольких уровнях в тесном взаимодействии с органами исполнительной власти. На региональном уровне – создание единого интернет-ресурса, позволяющего выстраивать модели взаимодействия студенческой молодежи с органами власти с учетом специфики отдельно взятого микрорайона. Включение в состав исследовательских групп организаций, проводящих социологические исследования по вопросам патриотического воспитания и семейных ценностей, проблемам

Табл. Пример перечня интерактивных мероприятий, направленных на воспитание государственно-ориентированной личности

Tab. Examples of interactive activities aimed at educating a state-oriented personality

Наименование	Цель	Примечание
Круглый стол «Самопрезентация. Я и мои жизненные ориентиры»	Знакомство с учебной группой, формирование навыков презентации, самоанализ жизненных и профессиональных установок	Проводится в рамках внеаудиторной воспитательной работы (кураторские часы) на 1 курсе
Квиз «История развития моего учебного заведения и известные выпускники»	Изучение истории образовательной организации высшего или среднего профессионального образования. Повышение лояльности обучающихся к образовательной организации, формирование чувства патриотизма и гордости	Проводится в рамках внеаудиторной воспитательной работы на 1 курсе
Круглый стол с участием представителей органов местного самоуправления, профильных Министерств и ведомств «Региональные особенности социально-экономического, промышленного и культурного развития»	Изучение особенностей региональных процессов самоуправления, в т. ч. с участием представителей студенческой молодежи. Формирование навыков участия в региональной экономической, социальной и политической деятельности	Проводится в рамках внеаудиторной воспитательной работы на 1 курсе
Мастер-класс с участием представителей молодежных органов самоуправления, волонтерских организаций «Стань активным участником политической, общественной и патриотической жизни твоего города»	Развитие нравственных чувств (чести, долга, мужества) обучающихся. Формирование гражданской позиции	Проводится в рамках внеаудиторной воспитательной работы на 2 и более старших курсах
Рольевые и деловые игры в рамках образовательной программы развития молодежного предпринимательства «Наставники», «Я в деле»	Формирование системы знаний об устройстве различных сфер жизнедеятельности. Получение навыков стратегического мышления, самореализации в различных направлениях деятельности (бизнес, фондовый рынок, развитие через социальные сети и др.)	Проводится в рамках внеаудиторной воспитательной работы на всех курсах

взаимодействия и уровня доверия органам власти, вопросам участия населения в решении социальных проблем региона, проблемам интернет-зависимости и отличия фейковой информации от фактов в сети студенческой молодежи. Использование результатов эмпирических исследований при написании курсовых, проектных, выпускных квалификационных работ. На уровне ВУЗов – включение в рабочие программы дисциплин заданий на разработку социально-ориентированных проектов, вовлечение студенческой молодежи в проектную деятельность, направленную на развитие навыков гражданской активности, патриотизма, сохранение исторической памяти; проведение региональных краткосрочных образовательных проектов с целью консолидации гражданского общества в противодействии идеологии терроризма и экстремизма, профилактики межнациональных и межрелигиозных конфликтов. В этом контексте целесообразно включить в перечень интерактивных занятий конкурсы мини-проектов и мини-идей, круглые столы. Лучшие проекты могут быть представлены общественности как успешные кейсы в области поддержки гражданской активности и ресурса для развития территории. При поддержке региональных Министерств экономики, инвестиционного развития, различных Фондов поддержки предпринимательства лучшие социальные проекты могут быть внедрены в практику местного самоуправления. Таким образом, знания превращаются в личностные убеждения в процессе проектной деятельности, которая обеспечивает технологию системно-деятельностного подхода в обучении и формировании государственно-ориентированной личности.

2. Социально-педагогические технологии, способствующие развитию информационно-коммуникативных навыков, информационной гигиены, безопасного поведения в сети. Кроме минимально необходимых требований к освоению дисциплин, содержание которых направлено на формирование компетенций, связанных с информационными технологиями, работой с искусственным интеллектом, рекомендуется предусмотреть в Плане (Концепции) воспитательной работы интерактивные мероприятия, предусматривающие не только изучение теоретических аспектов. Также следует включить и мастер-классы, практические мини-конференции, круглые столы, встречи с известными специалистами по вопросам информационной безопасности, защиты законных прав личности в информационной сфере, оптимальных способов работы в Сети,

уязвимости веб-технологий, скрытой передачи данных, мошенничества по телефону и в социальных сетях, киберпреступлений, кибербуллинга и т. п.

3. Социально-педагогические технологии, направленные на развитие социальной идентификации и самоопределения, проектирование осознанной жизненной позиции, анализ сильных и слабых сторон, а также внутренних ресурсов индивида и моделирование профессионального трекинга личностного развития. Внедрение SMART-технологий в образовательный процесс, прежде всего, в рамках преподавания дисциплин «Введение в специальность» и «Введение в профессию» значительно расширит возможности личности будущих специалистов. Выполнение заданий, связанных с анализом сильных и слабых сторон индивида; построением будущей карьеры; описанием жизненных и профессиональных целей, способствующих определению стратегических перспектив; самоактуализацией с учетом факторов внешней среды, в значительной степени позволит провести самоидентификацию студентов, определить свой социальный архетип.

4. Социально-педагогические технологии, направленные на формирование культуры здоровья, патриотическое воспитание, сохранение исторической памяти. Организация региональных летних военно-патриотических лагерей для студенческой молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, где отсутствует военная кафедра. Основной целью может являться создание условий, благоприятствующих формированию у студенческой молодежи военно-прикладных умений, навыков, а также патриотического сознания; пробуждению чувства долга; желанию изучения истории России. Кроме того, выполнение совместных задач будет способствовать развитию навыков взаимопомощи и командной работы. Организация на уровне регионов краеведческих мероприятий, археологических летних лагерей будет укреплять чувства местного патриотизма. Также возможна организация региональных добровольческих социальных акций, направленных на сохранение исторической памяти и культурного наследия малой родины. Проведение встреч обучающихся в высших учебных заведениях с участниками и ветеранами военных действий, представителями правоохранительных органов, служб МЧС и иных организаций будет способствовать реализации новых форм активности в сфере изучения современной истории, поддержания связи поколений, трансляции позитивного опыта мужества, героизма.

Заключение

Использование социально-педагогических технологий, методов гражданско-патриотического воспитания, вовлечения в волонтерскую и добровольческую деятельность, социального проектирования и предпринимательства позволяет получить разнообразные виды социокультурного опыта, сформировать государственно-ориентированную личность.

Существующие концепции организации воспитательной работы в высших учебных заведениях, традиционно включающие такие блоки, как патриотическое, гражданское, трудовое, духовно-нравственное, культурно-творческое и физическое воспитание, а также волонтерство, нуждаются в существенной переработке с учетом глобальных культурологических и цифровых трансформаций. Необходимо предусмотреть регулярный мониторинг доверия органам власти, социальным и политическим институтам российского общества. Также целесообразно ввести мероприятия по информационно-коммуникативному воспитанию, которые будут способствовать получению навыков преодоления угроз безопасности личности и предотвращению манипуляции сознанием студенческой молодежи, подавлению форм психосоциальной депривации, снижению информационных перегрузок, интернет-зависимости, уменьшению виртуализации поведения и, как следствие, выработке самоидентичности и государственно-ориентированного самосознания.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Публикация подготовлена по результатам исследования в рамках государственного задания на тему «Разработка методических рекомендаций по повышению институционального доверия к органам власти студенческой молодежи в сетевом информационном пространстве в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций» (ВТК-ГЗ-ПИ-48-23).

Funding: The study was supported as a part of state assignment on the topic "Development of Methodological Recommendations for Increasing Institutional Trust in Student Authorities in the Online Information Space in the Context of Global Cultural and Digital Transformations" (VTK-GZ-PI-48-23).

Литература / References

1. Поломошнов А. Ф. Патриотическое воспитание в системе образования. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета*. 2022. № 4. С. 178–188. [Polomoshnov A. F. Patriotic education in the education system. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2022, (4): 178–188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ofnbsf>
2. Орлов И. Б. Патриотическое воспитание в системе высшего образования Российской Федерации: достижения и перспективы развития. *Актуальные проблемы истории России*, ред. В. Э. Багдасарян. М.: МГОУ, 2018. С. 82–96. [Orlov I. B. Patriotic education in the higher education system of the Russian Federation: achievements and prospects. *Current problems of the Russian history*, ed. Bagdasarian V. E. Moscow: FSUE, 2018, 82–96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xrmkzn>
3. Попов П. М. О патриотизме. *Евразийский Союз Ученых*. 2016. № 30-3. С. 93–97. [Popov P. M. Patriotism. *Eurasian Union of Scientists*, 2016, (30-3): 93–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xaeezr>
4. Иванова Д. В., Константинова В. В. Организационно-педагогические условия гражданско-патриотического воспитания студентов вуза. *Вестник Марийского государственного университета*. 2019. Т. 13. № 3. С. 344–351. [Ivanova D. V., Konstantinova V. V. Organizational and pedagogical conditions of civil and patriotic education of university students. *Vestnik of the Mari State University*, 2019, 13(3): 344–351. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-3-344-35>
5. *Системный подход в воспитании: развитие во времени и пространстве*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 18–19 октября 2018 г.) М.: Педагогический поиск, 2018. 592 с. [Systematic approach to education: development in time and space: Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 18–19 Oct 2018. Moscow: Pedagogicheskii poisk, 2018, 592. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yosgtz>

6. Анисенкова Т. В. Социально-педагогическое партнерство как технология гражданско-патриотического воспитания молодежи. *Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения*: XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5–8 июля 2017 г.) М.: Перо, 2017. С. 155–158. [Anisenkova T. V. Social-pedagogical partnership as technology of civil-patriotic education of youth. *Personal and professional development of children, youth, adults: problems and solutions*: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 5–8 Jul 2017. Moscow: Pero, 2017, 155–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zeahjt>
7. Ермаков С. В. Социально-педагогические технологии в формировании патриотических ценностных ориентаций современной молодежи во внеучебное время в вузе. *Проблемы высшего образования*. 2019. № 1. С. 391–395. [Ermakov S. V. Socio-pedagogical technologies in the formation of patriotic value orientations of modern youth during extracurricular time at the university. *Problemy vysshego obrazovaniia*, 2019, (1): 391–395. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dyxslj>
8. Тюрина Ю. А., Горькавый М. А., Зиновьева Е. А., Надорожная М. В., Ким А. Ч. Социально-педагогические технологии в реализации молодежной политики в вузе: на примере грантовых проектов агентства Росмолодежи. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2020. Т. 17. № 2. С. 94–106. [Tyurina J. A., Gorkavyu M. A., Zinoveva E. A., Nadorozhnaya M. V., Kim A. Ch. Social and pedagogical technologies in the implementation of youth policy at the university: the example of grant projects of the Rosmolodezh agency. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2020, 17(2): 94–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-2-94-106>
9. Кондратьев С. В., Ткаченко А. В., Волосков И. В., Суковатый В. Г. Инновационные социально-педагогические технологии организации работы с молодежью. *The Unity of Science*. 2019. № 1. С. 21–23. [Kondratiev S. V., Tkachenko A. V., Voloskov I. V., Sukovatyi V. G. Innovative social-pedagogical technologies of the organization of work with youth. *The Unity of Science*, 2019, (1): 21–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yxpedr>
10. Баханова Е. В. Технологии контекстного обучения в воспитательном процессе при развитии социальной активности студентов среднего специального учебного заведения. *Образовательные ресурсы и технологии*. 2020. № 3. С. 44–49. [Bakhanova E. V. Technologies of contextual learning in the educational process at the development of social activity of students of secondary special education. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*, 2020, (3): 44–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2020-3-44-49>
11. Лапыко Т. П., Комарова С. В. Применение технологии сетевого взаимодействия в решении задач воспитания и социокультурного развития студентов. *Педагогический журнал*. 2020. Т. 10. № 2-1. С. 236–245. [Lapyko T. P., Komarova S. V. Application of network interaction technology in the solution of the problems of education and socio-cultural development of students. *Pedagogical Journal*, 2020, 10(2-1): 236–245. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.36.14.029>
12. Сучкова О. А. Информационно-коммуникационные технологии в системе педагогического сопровождения личностного саморазвития обучающихся в образовательном процессе вуза. *Педагогическое образование в России*. 2022. № 6. С. 190–201. [Suchkova O. A. Information and communication technologies in the system of pedagogical support of personal self-development of students in the educational process of the university. *Pedagogical Education in Russia*, 2022, (6): 190–201. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_06_23
13. Скрипкина А. В., Щуров Е. А. Социально-педагогические инновационные брендинг-технологии в вузе. *Наука. Искусство. Культура*. 2022. № 1. С. 159–165. [Skripkina A. V., Shchurov E. A. Socio-pedagogical innovative branding technologies at the university. *Science. Art. Culture*, 2022, (1): 159–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sngzpr>
14. *Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала*: IV Всерос. мультиформатная науч.-практ. конф. представителей академической науки и специалистов-практиков в области воспитательной деятельности в высшей школе (Хабаровск, 12–28 октября 2020 г.) Хабаровск: ДВГУПС, 2021. 147 с. [Socio-pedagogical technologies in the socialization of a future professional: Proc. IV All-Russian Multi-Format Sci.-Prac. Conf. of Academic Science Representatives and Practitioners of Higher Education, Khabarovsk, 12–28 Oct 2020. Khabarovsk: FESTU, 2021, 147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vnqfon>
15. Барышникова Е. В. Проектные технологии в профессиональной деятельности социально-педагогического направления. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 4. С. 27–30. [Baryshnikova E. V. Design technologies in the professional activity of socio-pedagogical direction. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020, 9(4): 27–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0904-0004>

16. Юцявичене П. А. Теоретические основы модульного обучения. Каунас: Швиеса, 1989. 271 с. [Iutsiavichene P. A. *Theoretical foundations of modular training*. Kaunas: Shviesa, 1989, 271. (In Russ.)]
17. Панов Н. А., Юдина Н. А. Технология проектного обучения как средство повышения социально-профессиональной мобильности студентов среднего профессионального образования. *Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 28 декабря 2022 г.)* Уфа: Аэтерна, 2022. Ч. 1. С. 111–113. [Panov N. A., Iudina N. A. Technology of project-based learning as a means of increasing socio-professional mobility of students of secondary vocational education. *Problems and trends of scientific changes in the transformation of society: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 28 Dec 2022*. Ufa: Aeterna, 2022, pt. 1, 111–113. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lawv1z>
18. Паслер О. В. Идентификационные модели гражданственности студенческой молодежи Северного Кавказа. *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 22. С. 36–40. [Pasler O. V. Identification models of civic consciousness of the North Caucasus student youth. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, (22): 36–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbnzld>
19. Li M., Zeng J., Kang J. Research on the Chinese-style path of patriotic education in colleges and universities (1978–2022). *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2023, (3): 50–67.
20. Atherton O. E., Grijalva E., Roberts B. W., Robins R. W. Stability and change in personality traits and major life goals from college to midlife. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2021, 47(5): 841–858. <https://doi.org/10.1177/0146167220949362>
21. Domański H., Pokropek A. The relation between interpersonal and institutional trust in European countries: which came first? *Polish Sociological Review*, 2021, 213(1): 87–102. <https://doi.org/10.26412/psr213.05>
22. Ваганова О. И., Гладкова М. Н., Кутепов М. М. Гуманистические технологии в высшем образовании. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 2. С. 193–196. [Vaganova O. I., Gladkova M. N., Kutepov M. M. Humanistic technologies in higher education. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021, 10(2): 193–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1002-0046>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/njxfmj>

Обоснование необходимости стратегического предпринимательства в индустрии хоккея

Баландин Иван Игоревич

Университет «Синергия», Россия, Москва

ibalandin87@gmail.com

Аннотация: Стратегическое предпринимательство является относительно новым видом предпринимательской деятельности, который направлен на улучшение различных аспектов социально-экономического развития страны, увеличение национального богатства, обеспечение национальной безопасности экономики в условиях неопределенности и международного давления. Индустрия спорта сегодня относится к сложным объектам всеобщего благосостояния, поскольку отдельные ее аспекты сталкиваются с рядом серьезных проблем и кризисных явлений. Хоккей считается спортивным направлением, требующим значительных затрат и вложений от тех, кто занимается данным видом спорта в условиях низкого уровня государственного финансирования и обеспечения. Стратегическое предпринимательство может стать средством улучшения всех аспектов развития индустрии хоккея, но его внедрение требует комплексных мероприятий теоретико-прикладного характера. Цель исследования – обосновать необходимость внедрения стратегического предпринимательства в индустрию хоккея. Основная задача – систематизировать подходы к развитию стратегического предпринимательства и обосновать его значимость и необходимость для развития хоккея. Используются общенаучные методы (сбор, обработка, обобщение информации), методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Результаты отличаются теоретическим характером. Сформированы рекомендации, обосновывающие необходимость внедрения положений стратегического предпринимательства в индустрию спорта в целом, а также в индустрию хоккея как важнейшее спортивное направление.

Ключевые слова: стратегическое предпринимательство, стратегия, предпринимательская инициатива, индустрия спорта, индустрия хоккея, государственное финансирование, частные инвестиции

Цитирование: Баландин И. И. Обоснование необходимости стратегического предпринимательства в индустрии хоккея. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-40-48>

Поступила 14.08.2023. Принята после рецензирования 01.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Justification for the Strategic Entrepreneurship Necessity in the Hockey Industry

Ivan I. Balandin

Synergy University, Russia, Moscow

ibalandin87@gmail.com

Abstract: Strategic entrepreneurship is a relatively new type of entrepreneurial activity that aims to improve various aspects of the country's socio-economic development, increase national wealth, ensure the national security of the economy in conditions of uncertainty and international pressure. The sports industry belongs to the complex objects of general welfare, since some of its aspects face a number of serious problems and crisis phenomena. Hockey requires significant investments from those who are engaged in it due to low level of state funding. Strategic entrepreneurship can improve all aspects of the hockey industry development, but it requires complex theoretical and applied measures. The purpose of the study is to substantiate the need to introduce strategic entrepreneurship into the hockey industry. The main objective is to systematize approaches to the development of strategic entrepreneurship and to substantiate its significance for the hockey development. The study uses general scientific methods, such as collection, processing and generalization of information, analysis and synthesis, induction and deduction. The main results of the study are theoretical. The author proposes recommendations that

justify the need to implement strategic entrepreneurship in the sports industry as a whole, as well as in the hockey industry in particular.

Keywords: strategic entrepreneurship, strategy, entrepreneurial initiative, sports industry, hockey industry, public financing, private investment

Citation: Balandin I. I. Justification for the Strategic Entrepreneurship Necessity in the Hockey Industry. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 40–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-40-48>

Received 14 Aug 2023. Accepted after peer review 1 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

Стратегическое предпринимательство является новым направлением развития системы управления, которое призвано обеспечить улучшение условий развития организации в условиях санкций и международного давления. Цель исследования заключается в том, чтобы обосновать необходимость внедрения стратегического предпринимательства в индустрию хоккея. Задачи исследования: уточнить понятие стратегического предпринимательства; раскрыть особенности стратегического предпринимательства в спорте на фоне основных тенденций его развития; обосновать необходимость использования стратегического предпринимательства в индустрии хоккея.

Стратегическое предпринимательство является относительно новым понятием менеджмента, поскольку официальной датой его зарождения считается 2001 г., когда впервые вышел журнал *Strategic Management Journal*, полностью посвященный раскрытию концепций, моделей и подходов стратегического предпринимательства [1].

Концепция стратегического предпринимательства обусловила множество споров и дискуссий, главным образом связанных с вопросами целесообразности рассмотрения в едином контексте понятий *стратегический менеджмент* и *предпринимательство*. В наиболее общем виде под стратегическим предпринимательством понимают интеграцию предпринимательской и стратегической перспективы в целях осуществления и развития действий, направленных на создание и накопление национального богатства [2].

В научно-исследовательской литературе на данный момент не сформировалась единая точка зрения в части уточнения сути дефиниции *стратегическое предпринимательство*. Различают следующие подходы к изучению концепции стратегического предпринимательства:

- с точки зрения организационной или предпринимательской перспективы;

- как стратегическая перспектива;
- с позиции теории сложных систем;
- с точки зрения роли в экономической политике [3; 4].

Каждый из подходов имеет своих сторонников и противников, отличается положительными и негативными параметрами. Рассмотрим наиболее актуальные взгляды исследователей в части понимания и раскрытия сути дефиниции *стратегическое предпринимательство* в таблице 1¹.

Таким образом, в настоящее время отсутствует единая трактовка термина *стратегическое предпринимательство*. Кроме того, большинство исследований в сфере стратегического предпринимательства издаются за рубежом. Отечественных работ в данной области крайне мало, а существующие исследования в большей степени дублируют западные аналоги.

С учетом этого сформулировано авторское определение дефиниции *стратегическое предпринимательство*, которое затем будет адаптировано к индустрии спорта. Под стратегическим предпринимательством следует считать деятельность, направленную на улучшение всех аспектов и параметров субъекта хозяйствования, формирование и совершенствование стратегии субъекта в кризисных условиях, улучшение организационных параметров деятельности фирмы, что представляется совершенно необходимым в контексте наличия факторов неопределенности и международного давления, определяющих настоящие тенденции функционирования российской экономики. Данное определение характеризует новизну исследования, является одним из предложений автора работы.

Также представляется целесообразным уточнение существующих моделей стратегического предпринимательства. Наиболее распространенными и актуальными являются две модели стратегического предпринимательства.

¹ Сост. по: [5].

Табл. 1. Взгляды авторов в части раскрытия сути дефиниции стратегическое предпринимательство
Tab. 1. Views of the authors regarding the essence of strategic entrepreneurship definition

Автор	Определение стратегического предпринимательства
К. Мессегэм	Предпринимательская ориентация
Дж. Рамачандран, С. Макхерджи, М. Суд	Комбинация предпринимательского и стратегического поведения, ориентированных на риск, которая, помимо прочих преимуществ, поддерживает положительные аспекты деятельности компании
Б. Люк, М.-Л. Верейн	Комбинация процессов определения возможностей, оценки инноваций, формирования определенных перспектив развития фирмы
Х. Патцельт, Д. Шеферд	Деятельность, направленная в первую очередь на достижение стратегических целей развития субъекта хозяйствования
Д. Одритч, Э. Лехман, Л. Пламмер	Деятельность, обеспечивающая баланс между стратегическими возможностями и преимуществами компании
М. Мейлеман, К. Амес, М. Райт, Л. Шолес	Деятельность, способствующая формированию ресурсов, необходимых для обеспечения стратегического преимущества компании
Э. Монсен, Р. Босс	Интеграция предпринимательства и стратегического менеджмента

Первую модель предложили Р. Д. Айленд, М. А. Хитт, Д. Дж. Сирмон. Согласно данной модели, процесс стратегического предпринимательства представляет собой конструктивное сочетание пяти действий.

1. Предпринимательское мышление, основанное на предпринимательском лидерстве и культуре.
2. Действия, направленные на стратегическое управление ресурсами компании.
3. Стратегический менеджмент предполагает внедрение инноваций.
4. Развитие инноваций обеспечивает компании конкурентное преимущество.
5. Результат стратегического предпринимательства и управления – создание новых ценностей [6].

Таким образом, в рамках первой модели стратегическое предпринимательство рассматривается в большей степени как организация эффективного стратегического управления, направленного на развитие и создание инноваций в целях формирования новых ценностей.

Вторая модель стратегического предпринимательства предполагает сочетание трех компонентов.

1. Ресурсы (факторы внешней среды; организационные и индивидуальные ресурсы).
2. Организация процесса.
3. Результат (социальные, организационные, индивидуальные выгоды) [7].

Для осуществления модели требуется вложение ресурсов с учетом их эффективной организации, которое должно привести к определенному результату, проявляющемуся в виде определенных выгод.

В настоящее время нет единого определения стратегического предпринимательства, действует

классическое определение, которое можно назвать недостаточным для сложившейся ситуации. В классической интерпретации стратегическим предпринимательством является интеграция предпринимательских действий, направленная на поиск стратегических альтернатив. Положительной тенденцией развития стратегического предпринимательства можно назвать тот факт, что уточнены и обозначены факторы внешней и внутренней среды, которые оказывают влияние на данный процесс.

Так, важными факторами внешней среды, воздействующими на стратегическое предпринимательство и его результаты, являются уровень развития рынка, инновации, международное сотрудничество [8]. Выявленные факторы внутренней среды, влияющие на результативность стратегического предпринимательства, включают потребность в формировании различных организационных структур, динамические способности и компетенции, развитие в различных формах собственности.

К факторам внешней среды относят использование внешних источников знаний, оценивание рыночного потенциала, доступ к источникам знаний. Среди факторов внутренней среды, на процесс развития стратегического предпринимательства оказывают влияние профессионализм и уровень компетентности менеджеров, стратегическое обучение, принадлежность компании к определенному сектору экономики [9; 10].

Внутренние и внешние факторы необходимо принимать во внимание в процессе дальнейшего совершенствования подходов и параметров развития стратегического предпринимательства [11].

Уточним положительные и негативные тенденции развития стратегического предпринимательства, сложившиеся на момент проведения исследовательских процедур. К положительным аспектам стратегического предпринимательства и уровня его развития можно отнести:

- возрастающий интерес исследователей к изучению стратегического предпринимательства, его теоретико-методических аспектов;
- необходимость внедрения стратегического предпринимательства в условиях неопределенности и международного давления;
- возможность внедрения стратегического предпринимательства во всех секторах экономики.

Отрицательные аспекты стратегического предпринимательства и уровня его развития включают:

- отсутствие нормативно-правовой составляющей;
- отсутствие четких рекомендаций в части формирования теоретико-методических параметров;
- отсутствие единых подходов, стратегических направлений и ориентиров, что усложняет процесс развития и внедрения стратегического предпринимательства [12].

Стратегическое предпринимательство сегодня является достаточно перспективным направлением, которое в будущем может стать устойчивым способом для развития всех секторов экономики. Однако эффективному развитию и внедрению данной категории препятствует ряд негативных фактов. Следовательно, стратегическое предпринимательство может быть отнесено к активно развивающимся видам предпринимательской деятельности, необходимым и целесообразным во всех сферах [13]. Стратегическое предпринимательство, по оценкам исследователей и экспертов-аналитиков, может быть внедрено в любую отрасль экономики, но наиболее оптимальной средой для его развития считается индустрия спорта.

Результаты

Российский спорт, несмотря на меры поддержки спортивной индустрии, предпринимаемые государством, по уровню развития во многом отстает от мирового спорта, важнейшим эффективным направлением развития которого считается высокий уровень коммерциализации, достигнутый посредством стратегического предпринимательства. Индустрия спорта в настоящее время представляет собой межотраслевой сектор экономики, в котором складываются устойчивые экономические отношения между субъектами [14].

Коммерциализация спортивной деятельности на мировом уровне характеризуется некоторыми существенными особенностями [15]. Во-первых, спортивная индустрия отличается наличием четко структурированных субъектов, среди которых основными являются производители, продукты, потребители. К первой группе относят организаторов или спонсоров спортивных событий; ко второй – непосредственно события; к третьей – лиц, принимающих участие в спортивной деятельности. Во-вторых, на мировом уровне коммерциализация спорта привела к увеличению заработков спортсменов, заинтересованности в положительных результатах, а также ряде положительных действий (например, повышение уровня организации спортивных событий и т.п.). В-третьих, коммерциализация спорта обеспечила независимость от государственного финансирования, проблема которого является актуальной для каждой страны. В-четвертых, коммерциализация обеспечивает возможности для обучения среди молодых, перспективных спортсменов [16].

Основные направления развития индустрии спорта в России перечислены в таблице 2².

Развитию указанных направлений в спортивной индустрии способствуют следующие инновационные разработки и меры государственной поддержки:

- совершенствование компьютерного программного обеспечения, способствующее переносу спортивных тренировок и трансляций в режим онлайн, который позволяет значительно экономить время и возможности лиц, желающих принять участие в спортивной деятельности;
- применение технологий виртуальной реальности для осуществления тренировок;
- меры поддержки спортивной индустрии, в т.ч. дополнительное финансирование, льготное кредитование, представление налоговых льгот и т.п. [18].

Безусловно, следует подчеркнуть, что в развитии спортивной индустрии в целом сегодня наблюдаются как положительные (увеличение заинтересованности в спорте среди населения различных возрастных категорий, внедрение передовых цифровых технологий в спортивную индустрию, наличие потенциала для развития и внедрения предпринимательских инициатив), так и негативные тенденции (высокая доля государственного финансирования, недостаточная динамика частного инвестирования, недостаточная коммерциализация спортивной индустрии) [19].

² Сост. по: [17].

Табл. 2. Основные направления развития индустрии спорта в России

Tab. 2. Main directions of sports industry development in Russia

Направления	Характеристика
Фитнес	Является одним из самых перспективных видов спорта в стране, который постоянно развивается, привлекает все большее количество клиентов. Значительный уровень конкуренции требует от фитнес-клубов соответствующей эффективной политики привлечения клиентуры
Массовый спорт	За 2023 г. активно наращивает позиции в мире спортивной индустрии. Проводится множество мероприятий, популярность которых постоянно увеличивается
Частные спортивные клубы	Частные клубы по различным направлениям спорта развиваются во всех регионах и субъектах нашей страны
Корпоративный спорт	Нацеленность на развитие спорта и здорового образа жизни привела к тому, что стали появляться отдельные спортивные команды в рамках компаний. Между такими компаниями проводятся соревнования. Спорт становится не личным делом, а общей целевой установкой, которая способствует объединению персонала, содействует формированию общих интересов
Букмекеры	Рынок букмекерских услуг развивается активными темпами, в т. ч. благодаря передовым интернет-технологиям
Киберспорт	Пандемия способствовала развитию и внедрению новых технологий, проведению спортивных мероприятий в режиме онлайн, а также появлению совершенно новых для российского рынка спортивных направлений

Подчеркнем, что, несмотря на несомненные положительные результаты, развитие спорта в России по своим темпам и параметрам намного отстает от зарубежных стран. Как представляется, внедрение стратегического предпринимательства в индустрию спорта решит возникшие проблемы, что будет достигнуто следующими способами:

- стратегическое предпринимательство позволит снизить уровень государственного финансирования спортивной деятельности посредством активизации частных финансовых вложений;
- частные инвестиции при условии постоянства и положительной динамики обеспечат развитие всех направлений спортивной индустрии: повысится уровень оплаты труда спортивных тренеров, улучшатся условия для тренировок посредством создания спортивных объектов высокого уровня;
- повысится качество спортивных услуг, что особенно важно и актуально для нашей страны [20].

По оценкам экспертов, уровень развития хоккея в России значительно отстает от мирового уровня. Так, если сравнить два основных показателя развития хоккея в нашей стране и в зарубежных странах, то на основе аналитических данных можно увидеть, насколько Россия отстает от общемирового уровня.

Россия значительно отстает от стран-лидеров в индустрии хоккея по количеству крытых спортивных объектов (рис. 1³). Например, в России значительно меньшее количество крытых спортивных объектов по сравнению с такими государствами, как Канада и США, которые лидируют по всем показателям, характеризующим развитие данного вида спорта [21].

Среди других негативных факторов, которые отражают низкие показатели России в сфере развития хоккея по сравнению с зарубежными странами, целесообразно назвать недостаточную численность лиц, занимающихся этим видом спорта (рис. 2⁴). Основная причина его низкой популярности у населения состоит в том, что хоккей является дорогостоящим видом спорта, и не каждый житель страны может себе позволить приобретать специальное оборудование и спортивный инвентарь, необходимое для занятий, не говоря уже о финансировании профессиональных занятий хоккеем [22].

Однако в 2021–2022 гг. численность субъектов, которые занимаются хоккеем, стала увеличиваться. При этом целесообразно обратить внимание на то, что возрастная структура лиц не является равномерной, что может стать достаточно существенной проблемой в будущем [20].

³ Сост. по: [17].

⁴ Сост. по: [21].

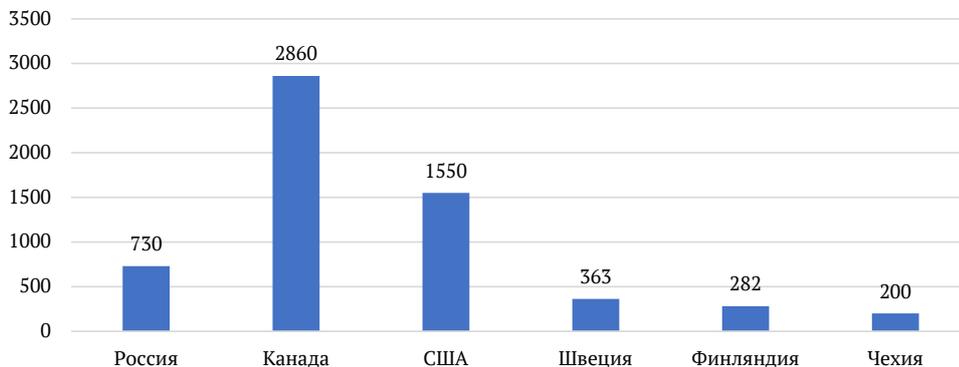

Рис. 1. Количество крытых ледовых объектов в России по сравнению со странами-лидерами индустрии хоккея, 2022 г.
Fig. 1. Indoor ice rinks number in Russia compared to the countries leading in hockey industry, 2022

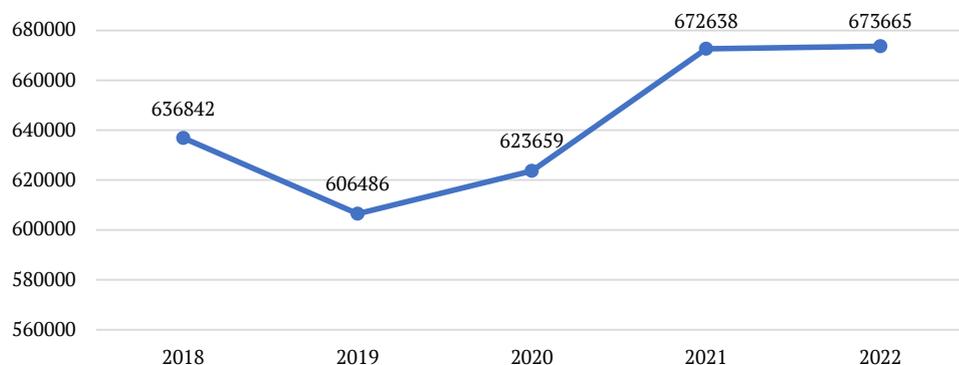

Рис. 2. Численность физических лиц, занимающихся хоккеем в России, тыс. человек
Fig. 2. The number of individuals involved in hockey in Russia, thousand people

Для улучшения ситуации в сфере хоккейной индустрии Правительство совместно с Министерством спорта реализует следующие меры:

1. Осуществляет и контролирует замену спортивного инвентаря на более современное спортивное оборудование.
2. Внедряет программы, способствующие развитию студенческого хоккея.
3. Реализует мероприятия, которые способствуют предотвращению использования допинга в спортивных соревнованиях.
4. Отслеживает деятельность СМИ по взаимодействию со спортивными организациями и в процессе организации спортивных мероприятий.
5. Обеспечивает проведение массовых спортивно-юношеских мероприятий [23].

При этом актуальными проблемными сферами развития хоккея, по оценкам исследователей, продолжают оставаться:

- уменьшение использования допинга;
- кадровое обеспечение тренерских кадров;
- организация судейского корпуса;
- проведение соревнований;
- обеспечение спортсменов экипировкой;
- эффективность материально-технической базы;
- возможности для бесплатного обучения детей [24].

Однако данные практические проблемы, как представляется, обусловлены недостатками управленческого характера. По мнению автора, ключевыми проблемами, которые требуют решения, являются:

- недостаточная организация стратегического управления индустрией хоккея на уровне государства, регионов и субъектов;
- низкий уровень применения и использования концепций стратегического предпринимательства;
- высокий уровень государственного финансирования при низком уровне частных инвестиций [25].

Таким образом, с точки зрения автора, одна из ключевых проблем развития хоккея в настоящее время заключается в отсутствии эффективных элементов стратегического управления на государственном уровне, которые могли бы позволить не только улучшить ключевые аспекты, но и обеспечить развитие хоккея в регионах, где в этой сфере складывается достаточно сложная ситуация. Важнейшей проблемой развития хоккея является низкий уровень коммерциализации, что обусловлено недостаточно активным применением концепций и подходов стратегического предпринимательства.

Для целей осуществления дальнейших исследований и разработок обозначим определение стратегического предпринимательства в индустрии хоккея,

которое отражает авторский взгляд по данному вопросу: совокупность методов, средств, ресурсов, инноваций, направленных на повышение эффективности развития хоккея, его коммерциализации как важнейшего вида спортивной деятельности в России, ее регионах, муниципальных образованиях.

Улучшение аспектов развития индустрии хоккея может осуществляться в условиях внедрения ключевых положений стратегического предпринимательства в организацию его объективного управления.

Заключение

Спорт сегодня является важнейшим ориентиром для обеспечения здоровья граждан России. Правительство и органы власти принимают активные меры, направленные на развитие спорта и привлечение к спортивным занятиям все большего количества граждан страны. Развивается корпоративный спорт, например, компании предлагают своим сотрудникам значительные льготы на занятия в фитнес-клубах, что способствует развитию фитнес-индустрии.

Однако ситуация в спортивной среде продолжает оставаться нестабильной. Если не принимать во внимание спортивную деятельность, финансируемую за счет собственных средств, то в части функционирования государственных спортивных объектов наблюдаются крайне негативные тенденции, которые более ярко проявляются в регионах и субъектах, удаленных от центра и крупных городов. Проблемы кадрового обеспечения спорта, модернизации оборудования,

дороговизны отдельных видов спорта (в т.ч. хоккея), продолжают оставаться актуальными, несмотря на шаги, предпринимаемые государством для их решения.

Автором изучены проблемы развития спортивной индустрии, уточнены теоретические и организационные основы стратегического предпринимательства, определена необходимость внедрения данного вида управления в процесс развития индустрии хоккея как наиболее проблемного вида спорта. Теоретическое исследование позволило определить значимость стратегического предпринимательства, возможность его использования в индустрии хоккея, а также предоставило возможность уточнить необходимость формирования прогрессивных подходов к внедрению ключевых основ стратегического предпринимательства в хоккейный спорт. Таким образом, стратегическое предпринимательство, способствующее активной коммерциализации индустрии хоккея, представляется необходимым фактором и залогом успешного развития хоккея в России на ближайшую перспективу.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Алтухов С. В., Агеев В. И. Роль России в создании хоккейного рынка в Китае: спортивная дипломатия, опыт управления, бизнес-модель. *Вестник спортивной науки*. 2018. № 6. С. 71–76. [Altukhov S. V., Ageev V. I. Russia's role in creating hockey market in China: sports diplomacy, management experience and business model. *Vestnik sportivnoy nauki*, 2018, (6): 71–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaeshj>
2. Зарубин В. Г., Макаридина В. А., Демков Д. В. Управление спортивной инфраструктурой: опыт социологического и формально-математического анализа. М.: Инфра-М, 2023. 107 с. [Zarubin V. G., Makaridina V. A., Demkov D. V. *Sports infrastructure management: experience of sociological and formal mathematical analysis*. Moscow: Infra-M, 2023, 107. (In Russ.)]
3. Изаак С. И. Стратегия развития спортивной отрасли. М.: Спорт, 2018. 168 с. [Izaak S. I. *Development strategy of sports industry*. Moscow: Sports, 2018, 168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwvmwp>
4. Попов С. А. Концепция актуального стратегического менеджмента для современных российских компаний. М.: Юрайт, 2020. 223 с. [Popov S. A. *Concept of contemporary strategic management for modern Russian companies*. Moscow: Iurait, 2020, 223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iwcdul>
5. Бурцев И. В. Концепция стратегического развития спортивного клуба. *Вестник Тульского филиала Финуниверситета*. 2022. № 1. С. 371–373. [Burtsev I. V. The concept of sports club's strategic development. *Vestnik Tulskego filiala Finuniversiteta*, 2022, (1): 371–373. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ctjmtk>
6. Василенко М. М. Возможности коммерциализации индустрии единоборств. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 745–752. [Vasilenko M. M. Opportunities for the commercialization of the martial arts industry. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2023, 13(3-1): 745–752. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.87.51.059>

7. Гореликов В. А. Спонсорство как возможность конкурировать в спорте. *Современная конкуренция*. 2019. Т. 13. № 4. С. 46–57. [Gorelikov V. A. Sponsorship as an opportunity to compete in sports. *Journal of Modern Competition*, 2019, 13(4): 46–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1993-7598-2019-10403>
8. Гремина Л. А., Гетман Е. П. Риск-менеджмент: теория и практика спортивной организации. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 11-3. С. 457–461. [Gremina L. A., Getman E. P. Risk management: theory and practice of sports organization. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, (11-3): 457–461. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.1448>
9. Ежов Д. В. Анализ тенденций современного развития предпринимательства в индустрии хоккея. *Физическая культура студентов*. 2012. № 61. С. 248–250. [Ezhov D. V. Analysis of trends in the modern development of entrepreneurship in the hockey industry. *Fizicheskaia kultura studentov*, 2012, (61): 248–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nwvwhn>
10. Иввонен Л. А., Широкова Г. В. Стратегическое предпринимательство: сущность и основные направления исследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2016. № 4. С. 21–53. [Ivonen L. A., Shirokova L. A. Strategic entrepreneurship: essence and main research directions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 8. Management*, 2016, (4): 21–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvfydx>
11. Корольков Е. П. Система физической культуры и спорта как историческое наследие народов России. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2018. № 3. С. 181–184. [Korolkov E. P. System of physical culture and sports as historical heritage of the peoples of Russia. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2018, (3): 181–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuzwym>
12. Леднев В. А. Спортивные клубы: типология и потенциал развития. *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*. 2019. № 4. С. 28–41. [Lednev V. A. Sports clubs: typology and development potential. *Vestnik Rossiiskogo Mezhdunarodnogo Olimpiiskogo Universiteta*, 2019, (4): 28–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/buvvke>
13. Леднев В. А. Индустрия спорта: обучение предпринимательству и менеджменту. *Современная конкуренция*. 2019. Т. 11. № 4. С. 45–63. [Lednev V. A. The sports industry: education in entrepreneurship and management. *Journal of Modern Competition*, 2019, 11(4): 45–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsmwit>
14. Леднев В. А., Братков В. И. Предпринимательство в индустрии спорта: возможности, ожидания и результаты. *Современная конкуренция*. 2019. Т. 13. № 1. С. 120–130. [Lednev V. A., Bratkov V. I. Entrepreneurship in the sports industry: opportunities, expectations and results. *Journal of Modern Competition*, 2019, 13(1): 120–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdtjcm>
15. Леднев В. А. Предпринимательство в спорте: необходимо развивать клубную систему. *Современная конкуренция*. 2020. Т. 14. № 1. С. 106–117. [Lednev V. A. Entrepreneurship in sport: it is necessary to develop the club system. *Journal of Modern Competition*, 2020, 14(1): 106–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-1-106-117>
16. Леднев В. А., Солнцев И. В. Предпринимательство в индустрии спорта: направления, инновации, формы поддержки. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2022. Т. 12. № 3. С. 252–261. [Lednev V. A., Solntsev I. V. Entrepreneurship in sports industry: directions, innovations and support. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2022, 12(3): 252–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-252-261>
17. Леднев В. А. Развитие студенческого спорта в России: менеджмент и экономика. *Физическое воспитание и студенческий спорт*. 2022. Т. 1. № 2. С. 152–157. [Lednev V. A. Development of university sports in Russia: management and economics. *Physical Education and University Sport*, 2022, 1(2): 152–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2782-4594-2022-1-2-152-157>
18. Магомедалиева О. В. Концептуальные основы формирования конкурентной стратегии физкультурно-спортивной организации. *Наука-2020*. 2018. № 2-1. С. 107–112. [Magomedalieva O. V. Conceptual bases of formation of competitive strategy of physical culture and sports organizations. *Nauka-2020*, 2018, (2-1): 107–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqgnud>
19. Самсоненко Т. А., Ерёмина Е. А., Янковская Л. В. Брендинг физкультурно-спортивной организации и позиционирование ее продукта в системе коммуникаций маркетинга партнерских отношений. *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2022. № 1. С. 15–21. [Samsonenko T. A., Eremina E. A., Yankovskaya L. V. Branding of a physical education and sports organization and positioning of its product in the communication marketing and partnership system. *Physical Education, Sport – Science and Practice*, 2022, (1): 15–21. (In Russ.)]

20. Солнцев И. В. Применение инновационных цифровых продуктов в индустрии спорта. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2021. Т. 12. № 2. С. 184–189. [Solntsev I. V. Application of innovative digital products in sports industry. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2021, 12(2): 184–189. (In Russ.)]
21. Таймазов В. А., Таймазов А. В., Никитин С. А., Корольков Е. П. Особенности стратегического планирования в системе управления физической культурой и спортом в России. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 4. С. 445–451. [Taimazov V. A., Taimazov A. V., Nikitin S. A., Korolkov E. P. Features of strategic planning in the management system of physical education and sports in Russia. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2020, (4): 445–451. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.4.p445-452>
22. Хамитов Т. Р. Методические особенности управления в спортивной индустрии. *Финансовая экономика*. 2021. № 12. С. 332–335. [Khamitov T. R. Methodological features of management in the sports industry. *Financial Economy*, 2021, (12): 332–335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbtufb>
23. Хворостяная А. С., Равилов Р. Х. Особенности стратегирования предприятий индустрии спорта. *Стратегирование: теория и практика*, 2022, № 3. С. 405–420. [Khvorostyanaya A. S., Ravilov R. Kh. Strategizing sports industry enterprises. *Strategizing: Theory and Practice*, 2022, (3): 405–420. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-405-420>
24. Shirokova G., Ivvonen L., Gafforova E. Strategic entrepreneurship in Russia during economic crisis. *Foresight and STI Governance*, 2019, 13(3): 62–76. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.3.62.76>
25. Вэй В. История развития ледовых видов спорта в китайской провинции Хэйлунцзян. *Вопросы Истории*. 2023. № 3. С. 278–287. [Wang W. History of the development of ice sports in Heilongjiang Province. *Voprosy Istorii*, 2023, (3): 278–287. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi06>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nyqwwl>

Оценка трудового потенциала: от количества сил до их возможностей

Беспаликов Владимир Вадимович

ООО «Партнер», Россия, Владивосток
vbespalikov@bk.ru

Бельчик Татьяна Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-5729-8475>

Аннотация: В статье представлен подход к увеличению производительности труда за счет оценки трудового потенциала предприятия как основы для последующей разработки системы стимулирования персонала. При этом трудовой потенциал рассматривается как способность человеческих ресурсов к увеличению производительности труда за счет скрытых резервов, наличие которых зависит от внутренних и внешних факторов. Приведены данные опроса персонала промышленного предприятия строительной индустрии, в котором сотрудники дали оценку организации трудового процесса, взаимоотношениям коллектива и подразделений, своего трудового потенциала, а также других аспектов их трудовой деятельности. Результаты направлены на определение возможных мотивов работников для создания системы стимулирования персонала. Наряду с мотивами персонала, система стимулирования должна учитывать величину возможного прироста производительности труда, поскольку таким образом она будет соответствовать интересам и работников, и предприятия. Изложена методика оценки трудового потенциала персонала на основе определения сильных и слабых сторон исследуемых показателей. Методика позволяет определить перспективные направления работы с персоналом и рационально распределить ресурсы для стимулирования трудового потенциала, что, в свою очередь, может сократить временные и прочие ресурсные затраты.

Ключевые слова: трудовой потенциал, производительность труда, стимулирование персонала, организация труда, организационная культура, трудовой процесс, человеческие ресурсы

Цитирование: Беспаликов В. В., Бельчик Т. А. Оценка трудового потенциала: от количества сил до их возможностей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 49–59. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-49-59>

Поступила 10.10.2023. Принята после рецензирования 16.01.2024. Принята в печать 26.01.2024.

full article

Labor Potential Assessment: From Amount of Forces to Their Capabilities

Vladimir V. Bespalikov

LLC «Partner», Russia, Vladivostok
vbespalikov@bk.ru

Tatyana A. Belchik

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0001-5729-8475>

Abstract: The article presents an approach to increasing labor productivity by evaluating the labor potential of an enterprise and subsequently developing a personnel incentive system. Labor potential is considered as the ability of human resources to increase their labor productivity by addressing hidden reserves, existence of which depends on internal and external factors. The authors present the results of a construction industry enterprise's personnel survey. The employees assessed the organization of the labor process, the relationship between the team and departments, their own labor potential, as well as other aspects of their work. The results aim at determining the possible motives of employees to create a staff incentive system. Along with the motives of the staff, the incentive system should take into account the amount of possible labor productivity increase. Thus, it will correspond to the interests of both employees and the enterprise. The study proposes a methodology for assessing the personnel labor potential based on determining the strengths and weaknesses of the studied indicators. The methodology allows to identify promising areas for work with personnel and rationally allocate resources to stimulate labor potential, which, in turn, can reduce time costs and other expenses.

Keywords: labor potential, labor productivity, personnel incentive, labor organization, organizational culture, labor process, human resources

Citation: Bespalikov V. V., Belchik T. A. Labor Potential Assessment: From Amount of Forces to Their Capabilities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 49–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-49-59>

Received 10 Oct 2023. Accepted after peer review 16 Jan 2024. Accepted for publication 26 Jan 2024.

Введение

Персонал любой организации обладает рядом характеристик. Как отмечает В. Фурсов, трудовые ресурсы, в отличие от других видов ресурсов, обладают способностью формировать синергетические эффекты [1]. За счет этого эффекта образуется трудовой потенциал, являющийся многофакторным показателем [2]. Для оценки трудового потенциала важно оценить среду, в которой находятся сотрудники, а также учесть их собственное мнение о возможностях увеличения продуктивности их труда.

Под трудовой средой понимается совокупность существующих материальных ценностей (оборудование, рабочее помещение, используемые ресурсы и т. п.) и организационной культуры, возникновение которой происходит в системе взаимоотношений работников компании [3]. Организационная (корпоративная) культура формируется на основе ценностей компании [4]. Именно трудовая среда формирует трудовой потенциал за счет использования ее составляющих (рис. 1).

Каждое предприятие обладает резервами, за счет которых можно увеличить производительность труда. Работник, ежедневно осуществляя свои трудовые функции, осознает степень своей самоотдачи, в какой мере используются его компетенции, какую часть времени он отвлекается на ненужную работу, какое время отнимают простои и т. п. Поэтому не стоит пренебрегать мнением сотрудников, наоборот, необходимо вовлечь их в процесс улучшений на предприятии. Н. Н. Трофимова подчеркивает, что в доверительной среде сотрудники думают о том, как сделать процесс изменений более плавным, чтобы помочь эффективному внедрению инноваций. Доверительная среда сводит к минимуму

сопротивление изменениям, способствует пониманию со стороны большинства сотрудников [5]. Вовлеченность в трудовой процесс приносит пользу в развитии компании и позволяет сотрудникам воспринимать изменения положительно. Н. В. Громова подчеркивает, что организация системы обратной связи с сотрудниками является одним из шагов на пути вовлечения работника в решение корпоративных задач [6].

Как отмечают Е. П. Третьякова и М. И. Баженова, оценку трудового потенциала важно проводить при принятии различных управленческих решений, например, при разработке стратегии развития организации или системы мотивации, в процессе инновационной деятельности и т. д. [7]. Н. Р. Поздеева и Д. В. Хакимова также считают оценку трудового потенциала одной из важнейших задач при разработке систем, мотивирующих персонал [8]. Затраты на стимулирование не могут быть оправданы, если нет понимания, каков будет эффект от применения тех или иных стимулов, поскольку из-за преувеличения возможностей методов материального стимулирования и нарушения принципа осознанности, вероятнее всего, материальные ресурсы будут использованы нерационально [9]. Именно поэтому этап исследования, изложенный в статье, предполагает изучение трудовой среды персонала для последующей разработки системы стимулирования, которая должна учитывать справедливость, поощрять производительность и качество труда [10]. Посредством обеспечения обратной связи от работников может быть получена достоверная оценка трудового процесса. В полученные данные станут основой разработки способов стимулирования работников к повышению производительности труда [11].

При оценке сотрудники исходят из своего понимания трудового потенциала, реализовать который можно не только путем управленческого давления, но и с помощью организации трудового процесса и развития собственных навыков. Такой подход наиболее приемлем, если деятельность компании направлена на долгосрочную перспективу, а развитие персонала рассматривается наравне с другими стратегическими задачами организации [12]. Предприятие должно иметь стратегию развития персонала, которая включает в себя планирова-

Рис 1. Трудовая среда и ее составляющие
 Fig. 1. Working environment and its components

ние кадровой потребности, обеспеченность кадровым потенциалом, развитие кадрового потенциала, использование кадрового потенциала, мотивацию работников [13]. Предприятие, созданное на долгие годы, может выстраивать отношения с сотрудниками, ориентируясь на долгосрочную перспективу. Е. С. Судакова подтверждает, что оценка трудового потенциала является гарантом обеспечения его соответствия долгосрочной стратегии организации [14]. Сотрудник должен быть единомышленником для коллег, членом команды, разделяющим цели и задачи компании. Сотрудник не должен ощущать, что он будет работать на предприятии лишь короткий срок. Чем больше он будет сопоставлять свои жизненные цели с целями компании, тем более он будет равнодушен к тому, что происходит в компании. В силу своих особенностей и потребностей люди будут по-разному разделять ценности компании, но отношения в коллективе и организация труда должны стремиться к справедливому соотношению интересов сотрудника и организации. Приведенные принципы позволяют добиться цели исследования в оценке трудового потенциала предприятия.

Сложность исследования данной темы заключается в уникальности каждой организации, что позволяет говорить о возможности использования оценки трудового потенциала по оригинальной авторской методике. Имеющиеся в источниках методике, на наш взгляд, не в полной мере позволяют оценить трудовой потенциал организации.

После инициации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» вопрос изучения производительности труда сосредоточился на методах бережливого производства, что, в свою очередь, снизило внимание исследователей к другим методам повышения производительности труда. По данным И. В. Казьминой, бережливое производство обладает рядом существенных недостатков и внедрено в меньшинстве отечественных предприятий [15]. Увеличение производительности труда лишь за счет методов бережливого производства ограничивает возможности предприятия в данном направлении. В свою очередь, авторы предлагают использовать авторский метод оценки трудового потенциала для решения проблемы производительности. Учитывая вышесказанное, считаем тему изучения повышения производительности труда за счет оценки трудового потенциала актуальной.

Предложенный подход не исключает существующие на данный момент методы натуральных показателей, а также стоимостного и индексного подхода [16]. Подчеркнем, что термин *потенциал* происходит от латинского *potentia* – сила, возможность,

а не численность или стоимость [5]. На сегодняшний день существуют различные подходы к определению понятия *трудоу потенциал*, отчего различаются и методы его оценки. Как подчеркивают В. Ф. Потуданская и Л. В. Трункина, разработка единой и практически обоснованной методики оценки трудового потенциала является главной проблемой для ученых, занимающихся вопросами экономики труда [17]. М. И. Бухалков и Ю. Ю. Коробкова, И. М. Гурова и С. Ш. Евдокимова считают трудовой потенциал составляющей производственного потенциала предприятия. В трудовом потенциале они выделяют состав и квалификацию кадров, мотивацию персонала [18; 19]. В данной статье мы будем придерживаться определения Н. И. Шаталовой, которая определяет трудовой потенциал как меру наличных ресурсов и возможностей работника (компетенций), реализуемых в трудовой деятельности [20].

Методы и материалы

Эмпирической базой исследования является промышленное предприятие строительной индустрии. Исследование состоит из нескольких этапов. В данной статье изложены результаты первого этапа – разработки методики оценки трудового потенциала и проведения анкетного опроса для получения данной оценки, определения основных направлений повышения производительности труда.

При проведении анкетирования было поставлено несколько задач, одной из которых было получение оценки от сотрудников о трудовом потенциале посредством определения степени самоотдачи и загруженности. Важно было понять, насколько персонал видит в себе и организации потенциал для увеличения производительного труда. Исследуемый показатель формируется из совокупности свойств персонала и организационных отношений. Результат взаимодействия этих составляющих и является тем самым возможным потенциалом трудовой деятельности. При ответах на вопросы сотрудники дают оценку, анализируя организацию труда, взаимоотношения в коллективе, свои способности, свойства персонала, а также оценивая возможный прирост эффективности своего труда. Для обобщения полученных оценок были применены 7 индикаторов, отражающих прирост результатов труда за счет реализации личных способностей и качества собственного и межличностного отношения к труду на предприятии. Научная новизна данного подхода заключается в понимании трудового потенциала как способности трудовых ресурсов к увеличению производительности труда за счет внутренних и внешних факторов.

Первичная информация была собрана методом анкетирования на рабочем месте. В качестве генеральной совокупности рассматривались все работники предприятия, устроенные по трудовому договору (743 человека). Исходя из параметров генеральной совокупности, была сформирована случайная выборка. В качестве единиц отбора использовались структурное подразделение и категория работников. Сбор информации проводился в феврале 2023 г. Выборка составила 290 человек.

Оценка трудового потенциала предприятия производилась по результатам анкетирования с использованием балльного метода, на основе которого можно определить сильные и слабые стороны трудовых отношений, влияющие на производительность труда [21; 22], определить творческую и трудовую активность персонала, а также возможные мероприятия по ее повышению.

Результаты

Использованная в работе методика оценки трудового потенциала позволяет подготовить исходные данные для разных этапов управления трудовым потенциалом, включая планирование и контроль. Это позволит создать конкурентоспособную организацию, которая сможет постоянно развиваться, выпуская на рынок новые продукты на основе эффективного использования всех ресурсов [23].

Каждый работник наделен определенным набором навыков и способностей, однако на предприятии они часто ограничены трудовыми функциями. Развитие своих компетенций на рабочем месте требует времени и усилий. При развитии своих навыков сотрудник претендует на большую оплату своего труда, а предприятие получает от такого сотрудника больше готового продукта труда, таким образом, работники и предприятие обоюдно заинтересованы в данном процессе. Д. Ф. Ишмуратова рассматривает реализацию потенциала человека как удовлетворенность трудом, которая, в свою очередь, выступает комплексным феноменом, отражающим субъективное восприятие многообразия условий, в которых происходит реализация накопленного индивидом человеческого капитала [24].

При анкетировании было важно понять, насколько сотрудник оценивает полноту реализации его способностей при работе на предприятии (рис. 2). 27 % ответили, что они в полной мере реализуют свои способности. Такая оценка может указывать на то, что работники не видят в себе перспектив саморазвития. Это может приводить к тому, что работники будут избегать перемен, например, в обучении или смене трудовой деятельности. Однако

также это может говорить и о том, что они не видят новых возможностей в компании, поэтому важно показать данным сотрудникам, что перспективы в развитии компании связаны и с их развитием. Даже если сейчас сотрудникам кажется, что они полностью реализуют свои способности, это мнение может поменяться. Они могут найти на рынке труда предложение, которое позволит им понять, что можно развиваться и дальше, что, в свою очередь, может привести к тому, что сотрудник уволится. Его потеря будет ощутима, т.к. он оценивает себя как компетентного специалиста, вероятно, не безосновательно.

Приведенный выше пример является предположением авторов и требует более глубокого изучения. В то же время показатель может отражать и то, что на предприятии для данных работников созданы условия для полного профессионального развития, предлагаемая им работа позволяет реализовать имеющиеся способности благодаря трудовой среде. Предположим, что респонденты отвечали на данный вопрос с точки зрения положительной оценки реализации своих способностей и примем ответ за позитивный показатель.

Наибольшее количество респондентов, 48 %, ответили, что их способности скорее реализуются на предприятии. Можно сделать вывод, что либо часть их способностей не применима на конкретном месте, либо они не видят перспективу развития своих способностей на данном производстве. Для увеличения эффективности работы данных сотрудников необходимо способствовать развитию у них новых навыков. О данной группе можно сказать,

Рис. 2. Ответы на вопрос «Достаточно ли полно реализуются Ваши способности и возможности трудовой деятельности?», % от числа ответивших
Fig. 2. Responses to "Are your abilities and opportunities for work fully realized?", %

что она обладает наибольшим потенциалом, т. к. они осознают проблему и имеют возможность развития своих способностей. 25 % считают, что их способности скорее не реализуются при выполнении трудовых обязанностей, что может говорить о том, что рабочее место для данных сотрудников не имеет большой ценности.

Анализируя полученные результаты более глубоко, можно предположить, что на предприятии недостаточно внимания уделяется адаптации сотрудников на рабочем месте, информация о целях компании не доносится до сотрудников в должной мере. Сотрудники либо не получают информацию о перспективах, либо с недоверием относятся к этой информации, что приводит к низкой мотивации и вовлеченности персонала. Так, по мнению Т. В. Гапоненко и др., наибольшей эффективности в использовании человеческого капитала добиваются компании, в которых ценности компании и сотрудников совпадают [25]. Отделу по работе с персоналом следует уделить данной проблеме внимание. Основными способами решения этой проблемы, по мнению Е. И. Лазаревой и Ю. В. Гавриловой, могут служить системная работа над брендом компании и планирование персонального карьерного пути [26].

На рисунке 3 представлено распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можете ли Вы работать с большей отдачей?». 30 % однозначно ответили, что могли бы работать более результативно. Показатель свидетельствует о том, что сотрудники видят резервы в своей трудовой деятельности, но что-то ограничивает их в более продуктивной работе. Эта группа может стать источником информации при анализе текущей производственной ситуации, способна помогать руководству в выявлении проблем. Очевидно, что руководству необходимо развивать механизм получения обратной связи и включать в него сотрудников. 40 % ответили, что, скорее всего, они могли бы работать с большей отдачей. Этот показатель может говорить о временных потерях в трудовой деятельности. Скорее всего, респонденты данной группы также требуют более полного раскрытия своего потенциала, и для предприятия такие люди являются резервом роста производительности.

Учитывая, что большинство сотрудников ответили, что готовы работать с большей результативностью, попытаемся проанализировать, насколько простои и выполнение ненужной работы могут сдерживать раскрытие трудового потенциала. Данная группа вопросов анкеты связана с выявлением проблемных зон на предприятии. Так, ответы на вопрос «Какую часть Вашего рабочего времени занимают простои?» показали, что 71 % респондентов считает,

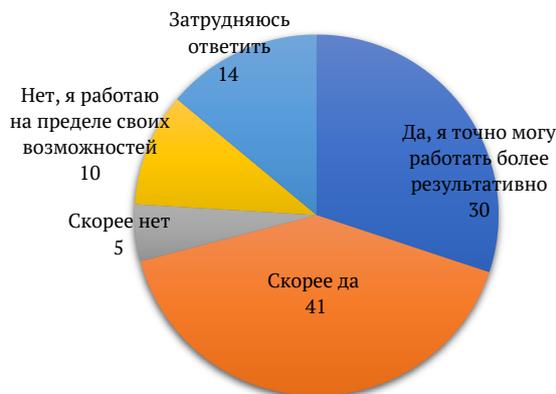

Рис. 3. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы работать с большей отдачей, результативностью?», % от числа ответивших

Fig. 3. Responses to "Do you think you can work with greater efficiency and effectiveness?", %

что простои в работе составляют до 10 % рабочего времени; 23 % – от 10 до 30 %; 6 % – более 30 % рабочего времени. Это говорит о том, что простои являются одной из причин неполной трудовой результативности персонала.

Отвечая на вопрос «какую долю рабочего времени Вы тратите на ненужную, лишнюю работу?», 49 % респондентов отметили, что на ненужную работу у них уходит до 10 % времени; у 37 % – 10–30 %; у 14 % – более 30 %. Это показатель говорит о явных проблемах в организации труда. Возможно, рабочие тратят много времени на перемещение заготовок, выполняют несвойственные им трудовые функции либо совмещают несколько операций.

Как было сказано выше, 71 % респондентов уверены, что они могли бы работать с большей результативностью. Можно предположить, что, по оценке сотрудников, потенциал увеличения производительности труда без капитальных вложений, т. е. только за счет использования организационных факторов, может составлять не менее 20 %. Данный показатель используется для анализа причин реализации трудового потенциала, но не для его оценки.

Далее проведен анализ мнений сотрудников об интенсивности их труда. 94 % опрошенных считают, что они работают достаточно интенсивно и напряженно, при этом 54 % респондентов это нравится, в то время как 40 % недовольны интенсивностью своего труда. 6 % считают, что работают недостаточно интенсивно, при этом из них 4 % это нравится, 2 % – нет. Исходя из мнения работников, можно сделать вывод, что они в большей части работают с полной отдачей, и предпосылок в увеличении производительности труда за счет увеличения его

интенсивности нет. Следовательно, подтверждается вышесказанное мнение о том, что повышение производительности труда возможно за счет усовершенствования технического, организационного и технологического уровня предприятия.

Степень ответственности сотрудников также является важным фактом, влияющим на трудовой процесс. Респондентам предложили оценить их собственную ответственность и отношение к делу их коллег. Абсолютное большинство сотрудников, 88 %, считают, что они относятся к работе ответственно и серьезно (рис. 4). Распределение ответов может свидетельствовать как о действительно высоком уровне трудовой дисциплины, так и о невозможности взглянуть на себя со стороны критически.

Однако сотрудники считают, что лишь 48 % их коллег относятся к своей работе с максимальной ответственностью (рис. 5). Учитывая полученные оценки, можно сделать вывод, что у сотрудников имеются претензии к своим коллегам в части добросовестного выполнения трудовых обязанностей, что может провоцировать конфликтные ситуации в коллективе. В такой ситуации формирование объективных факторов добросовестного труда является необходимостью. Справедливая оценка и оплата труда должна формироваться из результатов работы

каждого сотрудника, поскольку, если работники чувствуют, что их труд оценивается несправедливо, они не видят смысла в самоотдаче.

Одним из показателей, влияющих на производительность труда, традиционно считается удовлетворенность всеми сторонами трудового процесса, в т.ч. отношениями между руководством организации и его работниками. Они напрямую влияют на взаимодействие между руководством и сотрудниками, исполнительскую дисциплину и мотивацию. Результаты опроса показали, что 26 % респондентов оценивают их как эксплуататорские, направленные на производство больших объемов без учета мнения сотрудников (рис. 6). Этот показатель лишь подтверждает наличие потенциально конфликтных ситуаций в коллективе, которые, в свою очередь, не могут не препятствовать раскрытию трудового потенциала. Следует обратить внимание на данный показатель для исключения конфликтов, пересмотра стиль руководства в подразделениях.

Другим показателем удовлетворенности трудом является оценка взаимоотношений между подразделениями (рис. 7). Эффективное взаимодействие подразделений необходимо для непрерывной и ритмичной организации трудового процесса, сокращения простоев и издержек производства.

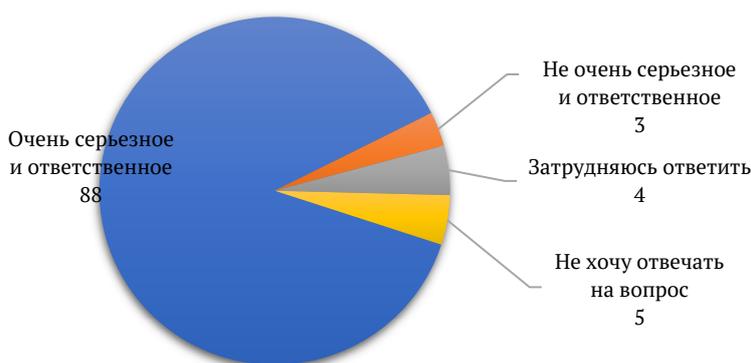

Рис. 4. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете собственное отношение к делу, к работе?», % от числа ответивших

Fig. 4. Responses to "How do you assess your own attitude to work?", %

Рис. 5. Ответы на вопрос «Каково отношение к делу у большинства членов Вашего коллектива?», % от числа ответивших

Fig. 5. Responses to "What is the attitude to work of most members of your team?", %

Опрос показал, что лишь 38 % оценивают взаимоотношения между подразделениями как партнерские. Большое количество сотрудников, затрудняющихся ответить на вопрос, может свидетельствовать о низкой информированности о характере связи между подразделениями и плохом межличностном взаимодействии представителей различных участков. Можно сделать вывод, что в коллективе могут назревать конфликты сотрудник – сотрудник, сотрудник – руководитель; подразделение – подразделение.

Для улучшения взаимодействий необходимо обозначать общепроизводственные цели участков, выстраивать эффективное взаимодействие сотрудников, сокращать зависимость организации процессов от взаимоотношений сотрудников.

Учитывая ответы сотрудников на вопросы о потенциале их трудовой деятельности, полученные результаты обобщены в показатели, с помощью которых можно оценить возможности по улучшению эффективности труда. Для анализа использованы результаты ответов на 7 вопросов, за показатели принят процент позитивных ответов о трудовой деятельности по 100-балльной шкале. Показатели свыше 75 % отнесены к высоким; показатели, составляющие 50–75 % – к средним; показатели ниже 50 % отнесены к низким (табл.).

К высоким показателям относится реализация способностей в трудовой деятельности и собственное отношение к делу. Можно предположить, что на исследуемом предприятии сотрудники работают с высокой степенью самоотдачи и считают себя ответственными, профессионально развитыми специалистами. Они понимают свои способности и прилагают усилия с должной мерой ответственности. Работа с факторами, влияющими на средние и низкие показатели, вероятно, будет способствовать увеличению числа таких рабочих.

К средним показателям отнесена оценка интенсивности собственного труда. Практически половину рабочих не устраивает интенсивность их труда. Это означает, что следует обратить внимание на организацию отдыха персонала, облегчение усилий при выполнении трудовых функций; организовать мероприятия, направленные на улучшение эргономики труда. Также к среднему показателю отнесена оценка взаимоотношений руководства и рабочих. Параметр свидетельствует о барьерах во взаимоотношениях, возможно, угнетается инициатива работников. В целом взаимоотношения можно охарактеризовать как деловые. Показатель взаимоотношений между подразделениями также отнесен к средним. Существует конкуренция, вероятно, практикуется переложение

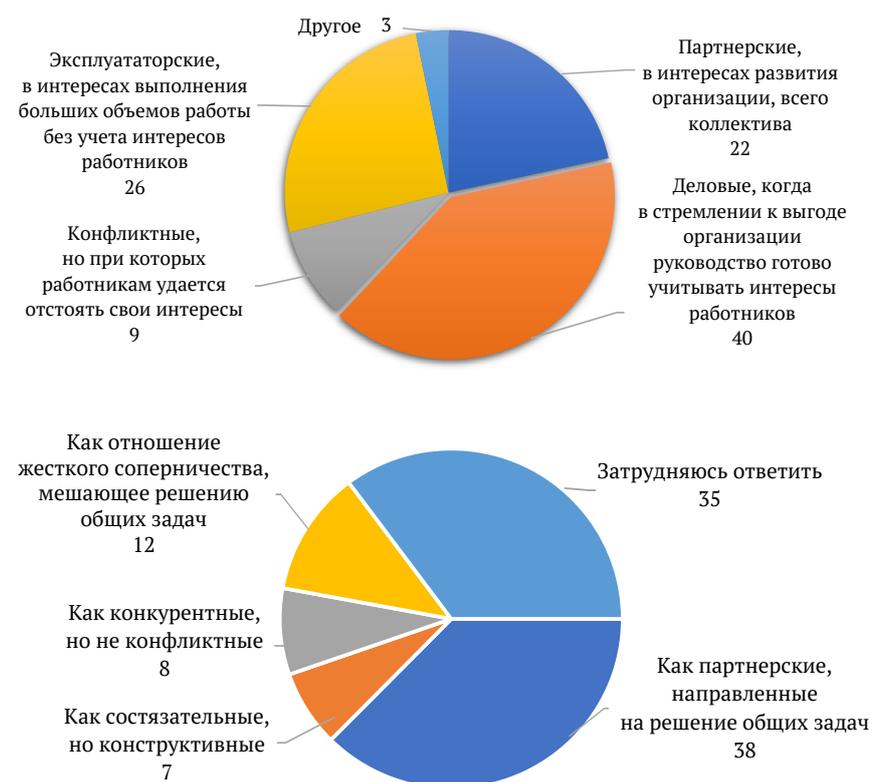

Рис. 6. Ответы на вопрос «Как бы вы охарактеризовали в целом сложившиеся отношения между руководством организации и его работниками?», % от числа ответивших
Fig. 6. Responses to "How would you characterize the organization's management and its employees?", %

Рис. 7. Ответы на вопрос «Как бы вы в целом охарактеризовали отношения различных подразделений предприятия между собой?», % от числа ответивших
Fig. 7. Responses to "How would you describe the relations of the enterprise's departments with each other?", %

Табл. Расчет показателей оценки трудового потенциала

Tab. Labor potential assessment indicators

Вопрос анкеты	Показатель	Ответы	Итог, %
Достаточно ли полно реализуются Ваши способности и возможности трудовой деятельности?	Реализация способностей в трудовой деятельности	<ul style="list-style-type: none"> • Да, полностью реализуются • Скорее да 	75
Как Вы считаете, можете ли Вы работать с большей отдачей, результативностью?	Возможность работать с большей результативностью	<ul style="list-style-type: none"> • Да, я точно могу работать более результативно • Скорее да 	71
Какое из высказываний об интенсивности работы больше соответствует Вашему мнению?	Оценка интенсивности собственного труда	<ul style="list-style-type: none"> • Я работаю достаточно интенсивно, напряженно, и мне это нравится 	54
Как Вы оцениваете собственное отношение к делу, к работе?	Собственное отношение к делу	<ul style="list-style-type: none"> • Очень серьезное и ответственное 	88
Каково отношение к делу у большинства членов Вашего коллектива?	Отношение к делу коллег	<ul style="list-style-type: none"> • Очень серьезное и ответственное 	48
Как бы вы охарактеризовали в целом сложившиеся отношения между руководством организации и его работниками?	Оценка отношений руководства к рабочим	<ul style="list-style-type: none"> • Партнерские, в интересах развития организации, всего коллектива • Деловые, когда в стремлении к выгоде организации руководство готово учитывать интересы работников 	62
Как бы вы в целом охарактеризовали отношения различных подразделений предприятия между собой?	Оценка отношений между подразделениями	<ul style="list-style-type: none"> • Как партнерские, направленные на решение общих задач • Как состязательные, но конструктивные • Как конкурентные, но не конфликтные 	53

части ответственности на другие подразделения, могут возникать конфликты. Следует развивать взаимодействие в коллективе, прежде всего, за счет формирования общей цели, в выполнении которой каждое подразделение или сотрудник будет понимать свою задачу и вносить вклад в общее дело.

Отношение к делу коллег показывает низкое значение, практически вдвое ниже оценки собственного труда. Это субъективный показатель, однако можно однозначно сказать, что сотрудники не чувствуют себя частью большого слаженного коллектива. Явно наличие конфликтов, которые могут отражаться не только на личных взаимоотношениях, но и результате труда. Прежде всего следует обратить внимание на создание прозрачных и максимально объективных показателей труда, уволить персонал, игнорирующий общие правила распорядка на предприятии, а также обратить внимание на лидеров коллектива, которые должны являться примером, а не распространять негативный посыл среди своих коллег.

Заключение

Решение проблем предприятия должно быть первоочередной задачей для использования и раскрытия трудового потенциала персонала, при этом следует сосредоточиться на цели компании и последующем построении управленческой модели предприятия. Если существующие проблемы не будут решены, то мероприятия, направленные на увеличение производительности труда, в т.ч. с помощью необоснованного стимулирования, не будут иметь успеха; усилия и ресурсы, направленные на раскрытие трудового потенциала, будут использованы наименее эффективно.

Изучение мнений работников показало, что предприятие имеет возможность для увеличения трудового потенциала. Сотрудники компании обладают резервом для повышения своей производительности, выражают заинтересованность в эффективной трудовой деятельности и понимают необходимость изменений.

Исследование позволяет выяснить, на какие аспекты трудовой деятельности необходимо обратить внимание и какие аспекты являются сильными сторонами. Результаты оценки могут стать базой для реализации системы стимулирования и проведения мероприятий, направленных на повышение производительности труда. Разработку мероприятий необходимо осуществлять поэтапно в сочетании с оценкой изменений показателей. Метод позволит постепенно повышать и развивать трудовой потенциал организации, сохранять коллектив и повышать привлекательность для новых сотрудников.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. В. Беспаликов – концептуализация, исследование, сбор данных, создание визуализации, написание чернового варианта статьи, администрация проекта. Т. А. Бельчик – выбор методологии, формальный анализ, управление данными, проверка данных и редактирование статьи, курирование.

Contribution: V. V. Bepalikov conceptualized the research idea, collected data and created visualization, wrote a draft version of the article, carried out project administration. T. A. Belchik chose methodology, performed formal analysis, curated and validated the data, edited the study, supervised the research.

Литература / References

1. Фурсов В., Кривоко́ра Е., Стриелковски В. Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России. *Terra Economicus*. 2018. Т. 16. № 4. С. 95–115. [Fursov V., Krivokora E., Strielkovski V. Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia. *Terra Economicus*, 2018, 16(4): 95–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115>
2. Леонидова Г. В., Панов А. М. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния. *Проблемы развития территории*. 2013. № 3. С. 60–70. [Leonidova G. V., Panov A. M. Territorial aspects of labour potential quality. *Problems of Territory's Development*, 2013, (3): 60–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qbnnin>
3. Слинкова О. К., Грудистова Е. Г. Управление организационной культурой. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2009. Т. 1. № 21. С. 64–74. [Slinkova O. K., Grudistova E. G. Management of an organizational culture. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*, 2009, 1(21): 64–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kpofyb>
4. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А., Лузин Н. А. Влияние корпоративной культуры на инновационную активность персонала предприятий. *Экономика региона*. 2014. № 1. С. 184–195. [Belkin V. N., Belkina N. A., Antonova O. A., Luzin N. A. Influence of corporate culture on innovative activity of employees of the enterprises. *Ekonomika regiona*, 2014, (1): 184–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/2014-1-17>
5. Трофимова Н. Н. Необходимость минимизации сопротивления персонала инновационным изменениям в системе управления высокотехнологичным предприятием. *Управление*. 2020. Т. 8. № 3. С. 73–80. [Trofimova N. N. The need to minimize personnel resistance to innovative changes in the management system of a high-technological enterprise. *Upravlenie*, 2020, 8(3): 73–80. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-3-73-80>
6. Громова Н. В. Вовлеченность персонала – основной резерв повышения эффективности деятельности современной компании. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2018. № 6. С. 103–115. [Gromova N. V. Involvement of personnel as a key reserve of raising efficiency of today's companies' work. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2018, (6): 103–115. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2018-6-103-115>
7. Третьякова Е. П., Баженова М. И. Современный подход к оценке трудового потенциала организации. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2010. № 7. С. 77–82. [Tretyakova E. P., Bazhenova M. I. Modern approach to evaluation of enterprise labour potential. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*, 2010, (7): 77–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mbfnzd>
8. Поздеева Н. Р., Хакимова Д. В. Повышение эффективности работы предприятия на основе совершенствования управления трудовым потенциалом. *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 2. [Pozdeeva N. R., Khakimova D. V. Increase of overall performance of the enterprise on the basis of improvement of labor potential management. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjflwj>

9. Левашов О. А., Бурыйкин А. Д. Пути оптимизации системы стимулирования труда персонала в организации. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2018. Т. 5. № 11. С. 79–88. [Levashov O. A., Burykin A. D. The ways to optimize system of personnel work stimulation in the organization. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*, 2018, 5(11): 79–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vohqkz>
10. Chekmareva E. A. Rising in labour potential: the role of wages. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, (2): 140–146. <https://www.elibrary.ru/ucdqej>
11. Киселева И. А., Симонович Н. Е. Роль мотивации в эффективных компаниях. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 21. С. 16–24. [Kiseleva I. A., Simonovich N. E. The role of motivation in effective companies. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(21): 16–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/twnjth>
12. Васяйчева В. А., Сахабиев В. А., Сахабиева Г. А. О подходах к управлению конкурентоспособностью промышленных предприятий. *Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2014. № 4. С. 16–21. [Vasyaycheva V. A., Sakhabiev V. A., Sakhabieva G. A. On approaches to the management by competitiveness of industrial enterprises. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2014, (4): 16–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sfdwmt>
13. Коноплева Г. И., Борщенко А. С. Понятие кадрового потенциала и стратегия его развития. *Альманах современной науки и образования*. 2014. № 2. С. 86–88. [Konopleva G. I., Borshchenko A. S. Notion of human resources and their development strategy. *Almanac of Modern Science and Education*, 2014, (2): 86–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rurxvl>
14. Судакова Е. С. Оценка трудового потенциала персонала: подходы, методы, методика. *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 4. [Sudakova E. S. Assessing the labor potential of personnel: approaches, methods, methodology. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2014, (4). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcfhnd>
15. Казьмина И. В. Анализ особенностей внедрения бережливого производства на отечественных предприятиях. *Синергия*. 2016. № 2. С. 42–48. [Kazmina I. V. Analysis of features of lean implementation in domestic enterprises. *Sinergiia*, 2016, (2): 42–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wanhtx>
16. Крышталева Т. Ю. Методика оценки состояния трудового потенциала регионов РФ. *Мир экономики и управления*. 2017. Т. 17. № 3. С. 35–46. [Kryshtaleva T. Yu. Assessment method of the state of labour potential in regions of the Russian Federation. *World of Economics and Management*, 2017, 17(3): 35–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-35-46>
17. Потуданская В. Ф., Трункина Л. В. Оценка трудового потенциала персонала предприятия. *Бизнес. Образование. Право*. 2011. № 4. С. 96–101. [Potudanskaya V. F., Trunkina L. V. Evaluation of the labor potential of the company personnel. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2011, (4): 96–101. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oywmwj>
18. Бухалков М. И., Коробкова Ю. Ю. Стратегия развития производственного потенциала на предприятиях машиностроения. *Организатор производства*. 2009. № 3. С. 53–58. [Bukhalkov M. I., Korobkova Yu. Yu. The strategy of production potential development on machine-building enterprise. *Organizer of Production*, 2009, (3): 53–58. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kzoiuh>
19. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала. *Мир (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2016. Т. 7. № 3. С. 150–159. [Gurova I. M., Evdokimova S. Sh. Theory of generations as a tool for analysis, formation and development of labour potential. *M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*, 2016, 7(3): 150–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159>
20. Шаталова Н. И. Познание трудового потенциала работника как социальная проблема. *Дискуссия*. 2011. № 10. С. 152–157. [Shatalova N. I. The knowledge employee labor potential formation as a social problem. *Discussion*, 2011, (10): 152–157. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owcinp>
21. Носырева И. Г. Управление трудовым потенциалом организации: стратегические аспекты. *Экономика труда*. 2018. Т. 5. № 4. С. 1179–1194. [Nosyreva I. G. Management of labor potential of the organization: strategic aspects. *Ekonomika truda*, 2018, 5(4): 1179–1194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39616>
22. Малахова А. А. Оценка персонала организации на основе компетентностного подхода. *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2016. № 4. С. 90–103. [Malakhova A. A. The assessment of personnel of the organization on the basis of competence approach. *The Social and economic and humanitarian magazine*, 2016, (4): 90–103. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xbdtfn>

23. Кривошеева В. М., Зайцева И. В. Эффективное управление трудовым потенциалом предприятия как фактор повышения его конкурентоспособности. *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-4. С. 754–758. [Krivosheeva V. M., Zaitseva I. V. Effective governance of labour potential of the enterprise as a factor of increasing its competitiveness. *Fundamental Research*, 2015, (2-4): 754–758. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tlqymr>
24. Ишмуратова Д. Ф. Оценка удовлетворенности трудом в контексте реализации человеческого капитала. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2019. № 3. С. 69–73. [Ishmuratova D. F. Evaluation of job satisfaction in the context of the implementation of human capital. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2019, (3): 69–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2019-0-3-69-73>
25. Гапоненко Т. В., Осадчая Н. А., Гавриленко С. А. Ценностно-ориентированное управление человеческим капиталом организации. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 40. С. 55–62. [Gaponenko T. V., Osadchaya N. A., Gavrilenko S. A. Value-based management of human capital of the organization. *Natural Humanitarian Research*, 2022, (40): 55–62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ovxiia>
26. Лазарева Е. И., Гаврилова Ю. В. Эффективное управление человеческим капиталом организации в условиях устойчиво-инновационного развития экономики. *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Т. 10. № 2. С. 737–746. [Lazareva E. I., Gavrilova J. V. Effective management of the organization's human capital in the context of sustainable and innovative development of the economy. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2020, 10(2): 737–746. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.100937>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sqzdeq>

Развитие медиахолдинга в контексте формирования дуального рынка медиауслуг

Горелкина Анастасия Викторовна

Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР), Россия, Москва
avgorelkina@mail.ru

Аннотация: Исследование национального медиарынка является особенно актуальным, поскольку на него оказывают большое влияние политические, информационные и производственные риски. Аккумулируя значительные материальные, трудовые и информационные ресурсы, медиарынок требует анализа текущего состояния, тенденций и перспектив развития. В научных трудах представлена теория медиабизнеса и его ключевых понятий, появилось новое научное направление *медиаэкономика*, изучающее экономические законы применительно к медиабизнесу. Однако до сих пор не существует единой методики оценки состояния медиарынка, в том числе и регионального, преимущественно анализируются рынки отдельных сегментов, например телеиндустрии, интернет-рекламы и др. В 2023 г. национальный медиарынок испытал подъем после кризисного 2022 г., прежде всего за счет рынка рекламы; на него повлияли такие факторы, как развитие электронной коммерции, появление новых брендов и каналов продвижения, цифровизация, конвергенция и диверсификация. Кроме макроэкономических факторов на развитие регионального медиарынка также влияют факторы региональные, обусловленные социально-экономическим развитием региона. Проведен анализ основных тенденций социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса, на основе которого выявлены факторы, влияющие на медиарынок: демографический фактор, агломерационный эффект (Северокузбасской и Южнокузбасской агломераций), промышленное производство и его размещение на территории, доходы населения. Анализ регионального медиарынка позволил дать оценку организациям, работающим в области информации и связи, сделать выводы о преимущественном развитии рынка рекламы, в том числе наружной, а также распространении радио и месте медиахолдинга «Кузбасская Медиа Группа» на медиарынке.

Ключевые слова: медиаиндустрия, дуальный медиарынок, медиапродукт, интернет-реклама, медиахолдинг, электронная коммерция

Цитирование: Горелкина А. В. Развитие медиахолдинга в контексте формирования дуального рынка медиауслуг. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-60-71>

Поступила 15.01.2024. Принята после рецензирования 27.02.2024. Принята в печать 29.02.2024.

full article

Development of Media Holding in the Context of the Dual Media Services Market Formation

Anastasia V. Gorelkina

Association of Communication Agencies of Russia (ACAR), Russia, Moscow
avgorelkina@mail.ru

Abstract: The study of the national media market is particularly relevant because it is heavily influenced by political, information and production risks. Accumulating significant material, labor and information resources, the media market requires an analysis of the current state, trends and development prospects. The scientific works present the media business theory and its key concepts as well as, a new scientific direction *media economics* that studies economic laws in relation to the media business. However, there is still no single methodology for assessing the state of the media market, including regional. The markets of individual segments are mainly analyzed, for example, the television industry, online advertising, etc. In 2023 the national media market experienced an upsurge after the crisis of 2022, primarily due to the advertising market; it was influenced by such factors as the development of e-commerce, the emergence of new brands and promotion channels, digitalization, convergence and diversification.

In addition to macroeconomic factors, the development of the regional media market is also influenced by regional factors due to the socio-economic development of the region. The analysis of the main socio-economic development trends of the Kemerovo region – Kuzbass uncovered the factors influencing the media market: demographic factor, agglomeration effect (North and South Kuzbass agglomerations), industrial production and its location income of the population. The analysis of the regional media market made it possible to assess organizations working in the field of information and communications, to draw conclusions about the predominant development of the advertising market, including outdoor advertising, and to determine the distribution of radio and the place of the Kuzbass Media Group in the market.

Keywords: media industry, dual media market, media product, online advertising, media holding, e-commerce

Citation: Gorelkina A. V. Development of Media Holding in the Context of the Dual Media Services Market Formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 60–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-60-71>

Received 15 Jan 2024. Accepted after peer review 27 Feb 2024. Accepted for publication 29 Feb 2024.

Введение

Медиаиндустрия как самостоятельная отрасль играет полноценную роль в жизни общества, оказывает влияние на развитие цифровой экономики и появление новых каналов коммуникаций, поэтому закономерно возникает интерес к теории медиаиндустрии и формированию понятийного аппарата *медиа*. Среди зарубежных исследователей, внесших вклад в развитие теории медиа и формирование концептуально-понятийного аппарата, следует отметить таких ученых, как L. Küng et al., G. Doyle, L. Matthews. В своей работе L. Küng et al. рассматривают медиаиндустрию как совокупность предприятий по распространению контента посредством медиатехнологий [1]. G. Doyle делает акцент на месте медиаиндустрии в производстве медиа товаров и медиауслуг, занимающих значительную долю в валовом внутреннем продукте [2]. L. Matthews также рассматривает медиаиндустрию как совокупность предприятий, передающих и распространяющих информацию и символический контент [3]. Медиаиндустрия рассматривается как самостоятельная отрасль, имеющая свои особенности – наличие медиатехнологий, сервисов, цифровых платформ, бизнес-моделей; постоянное изменение под воздействием экономических, технологических, политических факторов.

Среди трудов отечественных авторов прежде всего следует отметить работы Е. Л. Вартановой, в которых рассматривается теория медиа и основные ключевые категории [4; 5], а также работу Е. Л. Вартановой и др. [6], в которой уделяется внимание каждому сегменту медиаиндустрии. В. П. Коломиец в своем определении понятия *медиаиндустрия* указывает, что это бизнес, построенный на извлечении прибыли из производства, распространения, потребления *символических сообщений* [7]. История и теория

медиа излагаются И. В. Кирией, А. А. Новиковой [8]. По мнению С. С. Смирнова, исследование медиаиндустрии затруднено в связи с отсутствием статистических данных по отрасли [9]. В другой своей работе ученый, проанализировав принадлежность медиаиндустрии к сферам деятельности по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), отмечает, что российская медиаиндустрия не является статистически самостоятельной, что обусловлено самой структурой классификатора [10]. Наиболее полно обзор научных исследований в области медиаиндустрии приведен в работе А. Н. Фоминой [11]. Также автор приводит различные подходы к классификации медиаиндустрии и делает вывод, что, несмотря на большой объем зарубежных и отечественных исследований медиа, в научных работах отсутствует единый подход к этому концепту.

Обзор научных трудов позволяет выявить основные общие ключевые характеристики медиаиндустрии как отрасли национального хозяйства, которая производит, упаковывает и распространяет медиапродукт. В трудах отечественных ученых также исследуется понятие *медиапродукт* в различных аспектах. Например, в работе Н. Г. Войченко дается определение медиапродукта: в широком смысле слова это информация, в узком смысле слова – упакованная особым образом информация. Реклама как медиапродукт является частью содержания и с точки зрения потребления аудиторией относится к типу новостей. Ее информационная задача – донесение информации о предложении товаров и услуг до потребителя [12].

Проблематика национального медиарынка и отдельных его сегментов рассматривалась во многих работах отечественных ученых. Анализ тенденций

на рынке интернет-рекламы в 2023 г. и анализу конкурентов посвящены исследования В. В. Ткачева [13], А. К. Илюхина [14]. В работе Д. П. Фролова и Д. Е. Матицына анализируются тенденции на рынке телеиндустрии [15]. В. П. Кириленко и Е. Ю. Колобова рассматривают вопросы развития медиа в условиях цифровизации [16]. Цифровизация способствовала появлению и развитию *новых медиа*, которые связаны с дигитализацией, конвергенцией, сетевым пространством. Этой тематике посвящены работы Ю. Ю. Московкиной [17], С. Г. Носовец [18], С. Г. Борисовой и В. А. Бирюкова [19].

Большинство авторов отмечают, что медиабизнес быстро развивается и остро реагирует на изменения внешней и внутренней среды, появление новых технологий [20–22]. В 2022 г. медиабизнес России переживал кризис, связанный с политическими событиями и внешними рисками. В результате объявленных санкций российский рынок покинули несколько зарубежных электронных журналов, например, *Cosmopolitan*, *Men's Health*, *Esquire*, *Домашний очаг*. По данным реестра «Роскомсвобода», в РФ по разным причинам заблокировано почти 400 тыс. различных источников¹. Также, поскольку из-за санкций невозможно было приобрести оборудование для типографий, пришлось закрыть многие местные редакции, перейти от печатной продукции к электронной. С рынка ушли многие брендовые рекламодатели.

Свою роль сыграло и государственное регулирование медиарынка. Так, с сентября 2022 г. действуют поправки к Федеральному Закону «О рекламе», которые вносят новые требования для рекламодателей и распространителей рекламы². Теперь они обязаны передавать в Роскомнадзор информацию о своих рекламных кампаниях, каждая реклама должна была четко маркирована. В 2023 г. продолжилась работа государства по налоговым проверкам, усилению надзора за рынком рекламы. Все это создало дополнительную нагрузку на бухгалтерские и юридические отделы и привело к введению дополнительных комиссий.

Особенностью медиапродукта является его двойственный (дуальный) характер. С одной стороны, медиапродукт как товар СМИ своим контентом служит аудитории. С другой стороны, медиапродукт предоставляет аудиторию для рекламодателей,

поэтому зачастую говорят о *продаже аудитории*. Двойственность медиапродукта как рыночного товара (медиапродукт продается аудитории, аудитория продается рекламодателям) отмечают все исследователи, и в этом проявляется главная особенность медиапродукта.

С позиций двойственности также рассматривается медиарынок. Первый уровень медиарынка – рынок товаров, где в качестве товара выступает содержание, или информация, упакованная соответствующим образом (книги, журналы, фильмы, видеопродукция, радио и т.д.), доставляемая потребителю. Второй уровень рынка – рынок услуг, где аудитория является продуктом. На рынке услуг СМИ находят целевую аудиторию и предоставляют рекламодателям свои услуги по размещению рекламы. СМИ прежде всего продают рекламодателям доступ к аудитории, для большинства СМИ основным источником дохода является рынок услуг, а не товаров.

В научной литературе выделяют международные, национальные и региональные медиарынки. Эксперты чаще анализируют национальный медиарынок, так как по нему существует больше статистической отчетности. Однако, на наш взгляд, актуальным является исследование региональных рынков, поскольку они могут формироваться и развиваться под воздействием факторов, присущих конкретной территории, а не только под воздействием внешних факторов и рисков. Актуальность исследования связана с необходимостью выявления основных трендов развития медиарынка в условиях новых рисков и адаптации к изменяющимся условиям. Целью данной работы является обобщение результатов анализа развития регионального медиарынка Кузбасса как сегмента медиарынка России, выявление особенностей и тенденций его развития, обусловленных социально-экономическим развитием региона.

Научная новизна исследования заключается в том, что, исследуя региональный рынок, наряду с макроэкономическими факторами, характерными для медиарынка России, были выявлены региональные факторы, отражающие специфику экономического состояния региона. Теоретической базой исследования являются научные труды таких ученых, как Е. Л. Варганова, И. В. Кирия, А. А. Новикова, С. С. Смирнов и других авторов, внесших вклад

¹ Медиаландшафт в 2023 г.: аудитория, контент и генераторы повестки. *Скан-Интерфакс*. URL: <https://scan-interfax.ru/blog/medialandshaft-v-2023-godu-auditoriya-kontent-i-generatory-povestki/> (дата обращения: 21.12.2023); На основании ст. 7 ФЗ № 255-ФЗ от 14.07.2022 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», общественная организация «Роскомсвобода» была признана иностранным агентом решением Министерства юстиции РФ от 23.12.2022.

² О внесении изменений в ФЗ «О рекламе». ФЗ № 347-ФЗ от 02.07.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

в развитие теории медиабизнеса. При изучении вопросов рекламного бизнеса использовались труды В. П. Кириленко, Ю. Колобовой, Д. П. Фролова, Д. Е. Матицина, а также монографии и учебные пособия, посвященные медиаэкономике. Используются методы анализа и статистической обработки данных, представленных на сайтах Администрации Правительства Кузбасса и «Кузбасской Медиа Группы» (КМГ), справочных данных Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) и Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК).

Результаты

Основные изменения медиарынка России в 2023 г. Несмотря на негативные тенденции 2022 г., уже на следующий год наметились позитивные сдвиги. На смену ушедшим зарубежным электронным изданиям пришли новые – *The Voice*, *Men Today*, *Новый очаг*, *Правила жизни*. Объем российского рынка интернет-рекламы и маркетинга в 2023 г. достиг 478,8 млрд руб., что на 22 % больше по сравнению с предыдущим годом. Для распространения рекламы использовалось 49 тыс. площадок, включая сайты, мобильные приложения, социальные сети, мессенджеры и приложения на смарт-ТВ. Среди форматов рекламы наиболее популярными остались баннеры и текстово-графические блоки. Лидирующие позиции в рекламных системах удерживали площадки Яндекс и VK. Эксперты отмечают, что основная тенденция на рынке интернет-рекламы – это использование нейросетей. Например, VK Реклама запустила тестирование инструмента для генерации рекламных креативов. Яндекс представил опцию создания рекламных объявлений для предпринимателей с помощью нейросетей. МТС разработал технологию на базе искусственного интеллекта для управления рекламными кампаниями³.

С точки зрения контента, как показали итоги 2023 г., появилась тенденция к медиапроектам в сферах культуры, образования, дизайна, HR, туризма, поддержки предпринимательства. Эксперты отмечают рост капсульных подкастов, аудиоспектаклей, материалов о благотворительности, животных и др., которые создают позитивное настроение в обществе. К основным причинам, которые обусловили изменение рынка интернет-рекламы, можно отнести:

- рост рынка электронной коммерции. Его доля увеличилась и достигла 4 % медиапотребления⁴. Маркетплейсы начали предлагать продукцию российских брендов после ухода западных производителей, поэтому интерес к электронной коммерции возрос как у производителей, так и у потребителей;
- появление спроса на рекламу со стороны структур для продвижения своих проектов и малого и среднего бизнеса, который занял освободившиеся площадки.

Рассмотрим медиапотребление в России, включая интернет-рекламу. Около 100 млн человек используют Интернет ежедневно и проводят в нем более 4 часов в день. Четыре крупнейшие активности в Интернете по времени потребления – видео, соцсети, мессенджеры и игры. Пятая активность, электронная коммерция (e-com), в 2023 г. поднялась с 3 до 4 % медиапотребления. Крупнейшей социальной сетью является ВКонтакте. Telegram совмещает в себе функции мессенджера и социальной сети, поэтому его потребление увеличилось во всех возрастных группах.

Медиапотребление в каждой соцсети имеет свои особенности. Основной контент, просматриваемый ВКонтакте – видео: мультфильмы, фильмы, сериалы и пользовательский видеоконтент. В Telegram много читают новости, в Одноклассниках – играют. Что касается e-com, основные маркетплейсы, которые являлись лидерами по количеству покупок – Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет, AliExpress и Мегамаркет. Самый популярный маркетплейс по месячной аудитории – Ozon, по средней ежедневной аудитории лидером был Wildberries⁵.

Ключевые тенденции в распределении бюджетов на интернет-рекламу в 2023 г.:

- розничная и оптовая торговля лидирует по расходам на интернет-рекламу, составляя около 25 % от общего объема (около 119 млрд руб.);
- сфера связи и информации занимает 2 место с 19 % (около 90 млрд руб.);
- финансовый сектор и страхование инвестировали 9 % (около 43 млрд руб.);
- по 3 % (около 14 млрд руб.) приходится на строительство, недвижимость, здравоохранение и социальные услуги⁶.

³ Итоги года. Медиа. *AdIndex*. URL: <https://adindex.ru/specprojects/talks2023/media/market/overview.phtml> (дата обращения: 08.12.2023).

⁴ Тренды медиапотребления в России. *AdIndex*. URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2023/11/20/317349.phtml/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁵ Там же.

⁶ Как изменился рынок интернет-рекламы России в 2023 г.? *ADPASS*. URL: <https://adpass.ru/kak-izmenilsya-rynok-internet-reklamy-rossii-v-2023-godu/?ysclid=lrjqeuqi487361127> (дата обращения: 05.12.2023).

Телевидение по-прежнему остается основным каналом распространения медиапродукции, однако аудитория становится старше. Молодое поколение предпочитает получать информацию в социальных сетях и мессенджерах. По итогам 2023 г. первое место среди телеканалов занимает «Россия 1» с охватом аудитории 15,1 %. Второе место занимает НТВ с долей аудитории 8,8 %, третье – «Первый канал» с долей 8,1 %⁷. Что касается печатной продукции, то все издания опережает *Российская газета* со среднесуточным охватом 3,2 млн человек, также востребованы *Аргументы и факты* и *Комсомольская правда*⁸.

Рассмотрев тенденции на медиарынке России, можно сделать выводы об опережающем росте рынка услуг (рынок рекламы, прежде всего – интернет-рекламы) по сравнению с рынком товаров. На развитие рынка рекламы оказали влияние новые технологии, связанные с цифровизацией, развитие электронной коммерции, появление новых брендов и новых площадок. Также делаются попытки использования искусственного интеллекта в рекламном бизнесе.

Основные показатели развития Кемеровской области – Кузбасса

Для анализа регионального медиарынка Кемеровской области необходимо отразить специфику региона. Как сектор национального медиарынка, региональный рынок, безусловно, подвержен влиянию внешних рисков, как и национальный. Однако региональные особенности, связанные с социально-экономическим развитием, могут генерировать факторы, влияющие на развитие медиарынка региона. Социально-экономическая характеристика региона является базовой для выявления тенденций любого рынка, в том числе и медиарынка. Исходя из этого утверждения, рассмотрим основные социально-экономические показатели развития Кузбасса. В качестве статистической информации используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области.

Население Кузбасса на 01.01.2023 составляло 2568238 человек, из них 42,8 % – взрослые в возрасте 30–60 лет. Доля пожилых людей от 60 лет составляла 23,9 %⁹. Уникальность социально-экономического состояния региона проявляется в высокой плотности населения на относительно компактной для Сибири территории. В сочетании с хорошо развитой дорожной сетью это означает способность местных рынков быть высоко конкурентными и интегрированными. Кузбасс является одним из наиболее освоенных регионов Сибири с характерной для высоко-развитой промышленной области плотностью населения и уровнем урбанизации, на 2023 г. составлявшим 86,5 %. Население сосредоточено в городах и поселках городского типа, которых насчитывается 43. Города численностью от 500 тыс. человек составляют 4,7 % от общей численности городских поселений, однако в 2023 г. в них проживало чуть более 48 % населения¹⁰.

Кемеровская область является уникальной агломерацией. На оси 250 км находится 5 городов, население которых составляет не менее 1,5 млн человек. Транспортная доступность из Кемерово и Новокузнецка составляет порядка 1–1,5 часа до других городов с меньшей численностью населения. Транспортная доступность представляет собой достаточно важный параметр региона¹¹. В ареале Кемерово находятся Топки и Березовский, в ареале Новокузнецка – Прокопьевск, Киселевск, Осинники, Калтан, Мыски, Междуреченск. Ключевым преимуществом агломерации является наличие у населения возможности пользоваться товарами и услугами, более распространенными в средних, больших и крупных городах. При этом параметры или границы агломерации ограничиваются транспортным сообщением между населенными пунктами, а также доступностью центров. Ключевая особенность агломерации – маятниковая миграция жителей, позволяющая получать трудовые ресурсы дешевле. Данный фактор развития территории является одним из ключевых в принятии решений по размещению международных и федеральных бизнесов, ориентированных

⁷ Григорьев М. В. Mediascope назвал топ видеоканалов по доле аудитории в 2023 г. *Телеспутник*. URL: <https://telesputnik.ru/materials/content/news/mediascope-nazval-top-telekanalov-po-dole-auditorii-v-2023-godu> (дата обращения: 13.12.2023).

⁸ Медиаландшафт в 2023 г. ...

⁹ Рассчитано на основе: Население. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу*. URL: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/issWWW.exe/Stg/2022/4.%20население.htm> (дата обращения: 05.12.2023).

¹⁰ Рассчитано на основе: Группировка городов и поселков городского типа по численности населения. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу*. URL: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/issWWW.exe/Stg/2022/4.%20население.htm> (дата обращения: 08.12.2023).

¹¹ Рассчитано по: Административно-территориальное деление. *Администрация Правительства Кузбасса*. URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/territories.php> (дата обращения: 10.12.2023).

на потребителей (business-to-consumer, B2C), что в дальнейшем имеет косвенный эффект в размещении бюджетов крупнейших рекламодателей.

Главной единицей для формирования спроса на рынке B2C является домохозяйство с определенным уровнем доходов и расходов, которые определяют потребление. Данный факт необходимо принимать во внимание при прогнозировании объема рынков потребления товаров и услуг для домохозяйств. Среднедушевые денежные доходы населения в месяц в 2022 г. составили 32417 руб., рост по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. – 115,6 %. Среднедушевые потребительские расходы за тот же период составили 27200 руб. Основные расходы домохозяйств Кузбасса приходятся на продукты питания. В 2021 и 2022 гг. их доля в общей структуре составляла от 30,1 % и 28,5 % соответственно¹².

В отраслевой структуре экономики региона преобладают отрасли традиционной индустрии: черная металлургия, угольная промышленность, химия. Особенностью является высокий уровень концентрации промышленных производств на компактной территории. По данным Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области, индекс промышленного производства в январе – ноябре 2023 г. составил 98,9 % по сравнению с соответствующим периодом 2022 г. За этот же период рост в добыче полезных ископаемых составил 102,2 %, в остальных отраслях – менее 100 %. Показатели розничного товарооборота могут активно влиять на медиарынок. Оборот розничной торговли в сопоставимых ценах за 9 месяцев 2023 г. составил 535,8 млрд руб. или 110,8 % к январю – ноябрю предыдущего года. На рынке региона действуют федеральные и субфедеральные сети масс-маркет – Магнит, X5, Лента, Метро, Мария-Ра. Розничные сети из Кузбасса, которые 10 лет назад были крупнейшими рекламодателями, практически отсутствуют либо представляют собой локальные сети с шаговой доступностью. Доля розничных рынков составляет всего 0,9 % – сетевая торговля стала базовым каналом для покупок населения¹³.

По итогам анализа социально-экономических показателей Кузбасса можно выделить основные факторы, которые оказывают влияние на формирование регионального медиарынка и его структуру:

- демографическая ситуация и старение населения. Преобладание старшей возрастной группы является фактором, оказывающим влияние на медиапотребление, поскольку всем остальным видам СМИ старшее поколение предпочитает телевидение;
- агломерация и развитая транспортная сеть позволяют привлекать бизнес с последующим созданием рекламных площадок. Медиакомпании, оказывающие услуги другим организациям (business-to-business, B2B), являются генераторами экономического роста в Кузбассе, т.к. формируют занятость и среднюю заработную плату в отраслях, что, в свою очередь, отражается и на уровне жизни населения и формирует спрос на рынке B2C. Компании B2B формируют отдельные сегменты рынка, такие как event (мероприятия, форумы, ежегодные праздники регионального уровня, такие как День шахтера), видеопроизводство (корпоративные фильмы, видео) и gift (сувенирный) сегмент. Однако также они активно формируют бюджеты в Интернете, ориентируясь на такие показатели, как CR (conversion rate, показатель конверсии), CPL (cost per lead, цена за лид), CPA (cost per action, оплата за действие), ROI (return on investment, возврат инвестиций), LTV (lifetime value, пожизненная ценность клиента);
- плотность населения и высокая урбанизация региона позволяют сосредоточить организации оптовой и розничной торговли, маркетплейсы, организовать доступные пункты доставок, что привлекает потребителей и обеспечивает возможности для размещения рекламы.

Таким образом, несмотря на отрицательные тенденции, которые имели место в экономике Кузбасса, имеются факторы, которые влияют на формирование регионального медиарынка и обеспечивают потенциал его развития.

Анализ регионального медиарынка Кемеровской области – Кузбасса

Медиарынок Кемеровской области начал формироваться в 1990-е гг. и претерпел значительные изменения. К основным факторам, оказавшим влияние на региональный медиарынок, можно отнести:

¹² Индикаторы уровня жизни населения. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу*. URL: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/issWWW.exe/Stg/2022/6.%20уровень%20жизни%20населения.htm> (дата обращения: 11.12.2023).

¹³ Итоги социально-экономического развития Кемеровской области-Кузбасса за 9 месяцев 2023 г. URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/db0/thdvimuur9oi1gr1b101p4c2ia3j0zpq/Итоги%20социально-экономического%20развития%20Кемеровской%20области%20-%20Кузбасса%20за%209%20месяцев%202023%20года.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

- уровень развития локальных рынков (доля местных производителей в ассортименте ретейлеров и отрасли конечного потребления);
- уровень проникновения сети Интернет и цифровых технологий, или цифровое равенство (доля домохозяйств с широкополосным доступом к сети Интернет);
- доля бюджетов федеральных операторов в рекламных бюджетах (соотношение рекламных расходов в федеральном и локальном окнах);
- политика отраслевых регуляторов, в т.ч. относительно конкуренции в сфере наружной рекламы;
- поддержка малого и среднего предпринимательства в регионе.

Компании, осуществляющие деятельность на медиарынке, по классификатору ОКВЭД¹⁴ относятся к разделу J «Деятельность в области информации и связи» и включают издательскую деятельность; производство видеофильмов, кинофильмов, телевизионных программ, издание звукозаписей и нот; телевизионное и радиовещание; деятельность в сфере телекоммуникаций; разработку компьютерного программного обеспечения; деятельность в области информационных технологий. Деятельность рекламы и изучение конъюнктуры рынка представлены в разделе M «Деятельность профессиональная, научная и техническая», где рекламная деятельность включает проведение рекламных кампаний и размещение рекламы в периодических изданиях, газетах, на радио, телевидении или в других средствах СМИ, а также услуги в части дизайна видеороликов и сайтов в сети Интернет. Таким образом, при статистическом учете достаточно сложно корректно выделить

компании, которые работают на медиарынке. Динамику количества всех компаний в области информации и связи можно видеть на рисунке¹⁵.

К 2023 г. количество организаций, осуществляющих деятельность в сфере информации и связи, несмотря на общее снижение числа организаций, увеличилось на 3,1 %. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 г. на долю государственной и муниципальной собственности приходилось 7,4 % организаций, доля организаций в частной и смешанной форме собственности составила 90,6 % и 2 % соответственно. Однако данные расчеты относятся ко всем организациям в области информации и связи, поэтому доля компаний, работающих на медиарынке, фактически меньше.

Обратимся к распространению радио в Кузбассе. На территории создана уникальная сеть радиостанций под руководством КМГ. Это ребрендинг ООО «СДС Медиахолдинг Сибирь», которая входит в группу компаний «Сибирский деловой союз». Она была основана в 2006 г. путем слияния бизнесов, связанных с наружной рекламой и радиостанциями. Сейчас медиагруппа предоставляет услуги в таких направлениях, как радиореклама, наружная реклама, реклама в лифтах, ТВ-реклама, сувенирная продукция, аудио и видеопродакшн, печатные СМИ и организация мероприятий.

Покрытие радиостанциями, входящими в холдинг КМГ, включает основные агломерации – Кемерово с близлежащими территориями и Новокузнецкую агломерацию, представляющую один из крупнейших промышленных узлов Сибири, а также малые города в центральном промышленном узле (Белово,

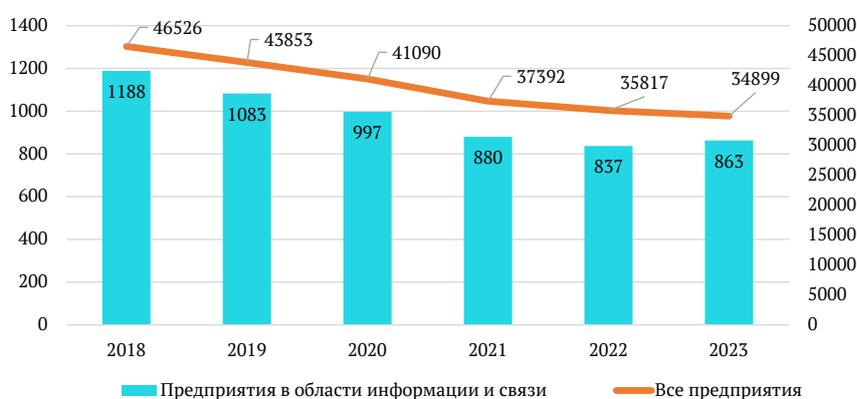

Рис. Динамика количества организаций в области информации и связи в Кемеровской области – Кузбассе, 2018–2023 гг.
Fig. Dynamics of the information and communications number of organizations in the field in the Kemerovo region – Kuzbass, 2018–2023

¹⁴ ОКВЭД2. *Профессиональные Стандарты*. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochniki-i-klassifikatory-i-bazy-dannykh/obshcherossiyskiy-klassifikator-vidov-ekonomicheskoy-deyatelnosti-okved/okved.php> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁵ Распределение учтенных в Статрегистре организаций Кемеровской области – Кузбасса по видам экономической деятельности (ОКВЭД2). *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу*. URL: [https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ОКВЭД2\(год\)\(2\).pdf](https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ОКВЭД2(год)(2).pdf) (дата обращения: 10.12.2023).

Беловский район, Полысаево и Ленинск-Кузнецкий). Сформирована сеть Европа плюс, совокупное покрытие которой составляет 1,5 млн человек. Именно большой портфель станций дает компании возможность устанавливать среднюю цену секунды размещения выше рынка в среднем на 25 %. Пул радиостанций представлен как радиостанциями «Европейской медиагруппы», «Русской медиагруппы», а также «Выбери радио». В таблице 1¹⁶ приведена сводная информация по имеющемуся портфелю радиостанций КМГ на июль – декабрь 2021 г.

Развивается сеть радиостанций в малых городах региона. Традиционно оценка рейтинга не производится, однако для коммерческой составляющей важно наличие сети. Рейтинг станций КМГ по городам присутствия приведен в таблице 2, где Reach Dly – накопленное суточное количество слушателей, выраженное в процентах от заданной целевой аудитории.

Рассмотрим рынок рекламы Кемеровской области. Проблемы статистического учета относятся к анализу рекламного рынка, поэтому для определения количества рекламных агентств и региональных медиахолдингов на территории Кузбасса были выбраны как региональные, так и федеральные сайты AllAdvertising: Рейтинги лучших агентств и студий¹⁷, Реклама Онлайн¹⁸.

По данным рейтингового издания AllAdvertising, в Кемеровской области выделяется всего 7 крупных игроков, попадающих под критерии рейтинга рекламных агентств России: Octo, Атвинта, Гермес, КМГ, Медиа Партнер, СибРеклама. В топ-100 лучших компаний в 2023 г. вошла КМГ, занявшая 59 место. Что касается конкуренции на рынке рекламы, то благодаря мониторингу, проведенному Советом по развитию конкуренции в Кемеровской области¹⁹, можно получить оценку уровня конкуренции

Табл. 1. Портфель радиостанций «Кузбасской Медиа Группы» в разрезе частот, объема и географии вещания

Tab. 1. The portfolio of Kuzbass Media Group LLC radio stations in terms of frequencies, volume and geography of broadcasting

Название станции, частота	Объем вещания	Охват, город	Охват, человек
Европа Плюс Кузбасс / 99,5	26 часов в неделю по каждому городу	Новокузнецк	552400
		Прокопьевск	196400
Европа Плюс Кузбасс / 88,0	26 часов в неделю	Кемерово	654300
Европа Плюс Кузбасс / 98,6	26 часов в неделю	Юрга	87800
Европа Плюс Кузбасс / 102,6	26 часов в неделю	Мариинск	40600
		Новокузнецк	553600
Радио Шансон Новокузнецк / 104,0	18 часов в неделю по каждому городу	Прокопьевск	194100
		Новокузнецк	553600
Русское Радио Кузбасс / 105,5	20 часов в неделю по каждому городу	Прокопьевск	194100
		Кемерово	627000
Русское Радио Кузбасс / 104,8	42 часа в неделю	Новокузнецк	552400
		Прокопьевск	98200
Дорожное радио Кемерово / 88,8	3 часа в неделю	Кемерово	571500
Хит FM в Кузбассе / 107,3	42 часа в неделю	Кемерово	617034
Ретро FM Кемерово / 107,9	26 часов в неделю	Кемерово	620243
Ретро FM Белово / 91,9	26 часов в неделю	Белово	348644
DFM Кемерово / 101,8	30 часов в неделю	Кемерово	623900
Калина Красная / 90,8	168 часов в неделю (плановое)	Ленинск-Кузнецкий	136600

¹⁶ Таблицы 1 и 2 составлены по источнику в закрытом доступе: Отчет «Оценка конкурентоспособности компаний "Медиа Группы Кузбасса"», 2021.

¹⁷ Рейтинги лучших агентств и студий. AllAdvertising. URL: <https://www.alladvertising.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

¹⁸ Реклама Онлайн. URL: <https://www.reklama-online.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

¹⁹ Состояние и развитие конкуренции на товарных рынках Кемеровской области – Кузбасса по итогам 2022 г. Федеральная анти-монопольная служба. URL: https://plan.fas.gov.ru/media/ckeditor/uploads/2023/06/08/42_-2022-1.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

Табл. 2. Рейтинг станций «Кузбасской Медиа Группы» по городам присутствия Кемеровской области – Кузбасса
Tab. 2. Rating of Kuzbass Media Group LLC stations by cities of presence in the Kemerovo region – Kuzbass

Радиостанции	Города	Reach Dly, %
Европа плюс	Кемерово, Новокузнецк, Юрга, Мариинск	14,4
Хит FM	Кемерово	5,0
DFM	Кемерово	4,5
Русское радио	Кемерово, Новокузнецк	10,6
Дорожное радио	Кемерово, Новокузнецк	12,6
Ретро FM	Кемерово	10,4
Шансон	Новокузнецк, Прокопьевск	8,2

на рынке наружной рекламы. Мониторинг проводился путем интернет-опроса предпринимателей и потребителей товаров, работ и услуг в 2022 г. В обследовании приняли участие жители 33 муниципальных образований Кузбасса. Общее число респондентов составило 11426. В их число вошли представители малого и среднего бизнеса, потребители товаров и услуг, а также 3045 хозяйствующих субъектов области.

По мнению респондентов, организации, осуществляющие деятельность в области наружной рекламы, находятся в достаточно плотной конкуренции, которая за счет увеличения числа организаций к 2022 г. только возросла (табл. 3). Оценка качества представителями бизнеса несколько снизилась в 2022 г., однако удовлетворенность ценой возросла (табл. 4). На 01.01.2022 в Кузбассе было зарегистрировано 295 рекламных конструкций. В настоящее время подготовлен дополнительный перечень малогабаритных рекламных конструкций – 65 стел, запланированных к включению в схему с целью поддержки малого бизнеса. Также на рассмотрении в управлении находятся 56 рекламных конструкций. В рамках аукциона были заключены договоры на установку и эксплуатацию 37 из них.

Что касается полиграфической продукции, то на 01.01.2022 в регионе было зарегистрировано 205 организаций, осуществляющих деятельность в области полиграфии, на 81,4 % выше, чем в предыдущем году. Из указанных организаций 63,4 % (130) являются юридическими лицами, остальные 36,6 % (75) – это индивидуальные предприниматели. В области наружной рекламы 100 % организаций имеют организационно-правовую форму частной собственности.

Табл. 3. Оценка состояния конкурентной среды на рынке наружной рекламы субъектами предпринимательской деятельности, голоса (доля, %)

Tab. 3. Assessment of the outdoor advertising market competitive environment by business entities, votes (share, %)

Год	Оценка числа конкурентов			
	Большое число	4–8	1–3	Нет
2020	17 (47)	27 (35)	7 (9)	7 (9)
2021	40 (18)	162 (72)	14 (6)	8 (4)
2022	101 (53)	2 (1)	84 (44)	4 (2)

Табл. 4. Оценка качества и цены на рынке наружной рекламы субъектами предпринимательской деятельности (предприниматели и самозанятые), голоса (доля, %)

Tab. 4. Assessment of the outdoor advertising market competitive environment by business entities, votes (share, %)

Год	Качество			Уровень цен		
	Удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
2022	499 (92)	37 (7)	9 (1)	497 (91)	36 (7)	12 (2)
2021	671 (93)	8 (1)	44 (6)	272 (38)	450 (62)	1 (0)

Отметим еще одну особенность регионального медиарынка – присутствие крупного медиахолдинга «Кузбасская Медиа Группа». Формирование медиахолдингов и построение эффективных бизнес-моделей рассматривались автором в работах [23; 24], в которых был сделан вывод об изменениях функционирования медиахолдингов под влиянием внешних и внутренних рисков. КМГ оказывает услуги по продаже рекламных эфиров на радио в 6 городах Кузбасса, имеет 150 наружных рекламных поверхностей в Кемерово, рекламу в более чем 1617 кабинках лифтов, производит сувениры, занимается полиграфией. Кроме того, компания занимается организацией и информационной поддержкой крупномасштабных мероприятий. Холдинг КМГ занимает 62 % рынка радиостанций в Кемерово и 54 % в Новокузнецке. На группу приходится 48 % аудитории в Кемерово и 38 % в Новокузнецке. Благодаря интегрированным проектам, КМГ имеет репутацию лидера рынка, предоставляя полный цикл рекламных услуг и услуг по комплексному продвижению.

Заключение

Медиаиндустрия, медиарынок, медиапродукт – ключевые понятия, которые исследуются отечественными и зарубежными учеными в различных аспектах. Выделение медиаиндустрии в отдельный бизнес привело к необходимости изучения его экономических основ и формированию направления *медиаэкономика*, которое сосредоточено на исследовании экономических законов в медиаиндустрии [22–24].

Рассматривая различные стороны медиапродукта, большинство авторов выделяют его двойственность (дуализм), который проявляется в том, что продается как информация, так и аудитория. Эта двойственность порождает дуализм на медиарынке, который влияет на рынок товаров (печатная продукция, фильмы, видеопродукция и др.) и рынок услуг (реклама).

Дуализм рынка проявляется в его анализе и статистическом учете. В соответствии с ОКВЭД2, организации, производящие медиапродукт, относятся к разным видам экономической деятельности, что не дает полного представления о числе организаций в сфере медиабизнеса. Тем не менее проводятся исследования национального рынка, выделяются основные тенденции и факторы, такие как влияние политических рисков, развитие сети Интернет, цифровизация, конвергенция и др.

Отметим, что введение санкций не уничтожило национальный медиарынок, все эксперты отмечают его рост. Среди факторов, обеспечивающих развитие, можно выделить рост электронной торговли; появление новых брендов; распространение интернет-рекламы через новые каналы; конвергенция (контент распространяется и тиражируется через несколько объединенных каналов) и т.д. Эти факторы также обусловили изменение медиапотребления, особенно на рынке услуг (рынок рекламы).

Региональные медиарынки практически не исследованы. Как сегменты национального медиарынка они подвержены всем макроэкономическим рискам,

однако при его анализе следует исходить из гипотезы, что региональные особенности и социально-экономические показатели влияют на его развитие. Анализ социально-экономического развития Кемеровской области выявил факторы, которые оказывают влияние на медиарынок:

- негативная демографическая ситуация и старение населения;
- плотность населения;
- наличие крупных городов и муниципальных образований;
- агломерации, доступная транспортная связь с городами Кемерово и Новокузнецк;
- преобладание промышленности в структуре экономики региона, его концентрация на территории;
- динамика доходов населения.

Эти факторы могут иметь противоречивое влияние на развитие медиарынка, но в совокупности обеспечивают агрегативный эффект.

Исследование показало, что на региональном медиарынке доминирует рынок рекламы, где своей деятельностью выделяется медиахолдинг КМГ, входящий в топ-100 рекламных агентств России. Наряду с макроэкономическими факторами медиарынка России были выявлены региональные факторы, отражающие специфику экономического состояния региона. В перспективе дальнейшие исследования должны быть направлены на формирование методики анализа региональных медиарынков с учетом местных факторов и дуальности медиарынка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. *The internet and the mass media*, eds. Küng L., Picard R., Towse R. L.: Sage, 2008, 200.
2. Doyle G. *Understanding media economics*. L.: Sage, 2013, 232.
3. Matthews L. Social media and the evolution of corporate communications. *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*, 2010, (1): 17–23.
4. Варганова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: МГУ, 2019. 224 с. [Vartanova E. L. *Media theory: domestic discourse*. Moscow: MSU, 2019, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kljsjod>
5. Варганова Е. Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018. Т. 15. № 2. С. 186–196. [Vartanova E. L. *Changing Russian media industry: theoretical approaches*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, 15(2): 186–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.203>

6. Вартанова Е. Л., Вырковский А. В., Makeenko М. И., Смирнов С. С. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир, 2017. 160 с. [Vartanova E. L., Vyrkovsky A. V., Makeenko M. I., Smirnov S. S. *Russian media industry: digital future*. Moscow: MediaMir, 2017, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytbqmt>
7. Коломиец В. П. Медиаисследования: индустриальные запросы и академические возможности. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2015. № 6. С. 50–63. [Kolomiets V. P. Media research: industrial demand and academic capability. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2015, (6): 50–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vfzqkh>
8. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 423 с. [Kiriya I. V., Novikova A. A. *History and theory of media*. Moscow: HSE, 2017, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjilmf>
9. Смирнов С. С. Медиаиндустрия России как внестатистический феномен. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2010. № 6. С. 178–187. [Smirnov S. S. Media industry in Russia as a phenomenon beyond statistics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2010, (6): 178–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nceueb>
10. Смирнов С. С. Медиахолдинги России: национальный опыт концентрации СМИ. М.: МедиаМир, 2014. 160 с. [Smirnov S. S. *Media holdings of Russia: national experience of media concentration*. Moscow: MediaMir, 2014, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wesmzd>
11. Фомина А. Н. Концептуализация понятия «медиаиндустрия». *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 1. С. 71–90. [Fomina A. N. Conceptualizing the concept of the media industry. *Kreativnaya ekonomika*, 2023, 17(1): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.17.1.116957>
12. Войченко Н. Г. Двойственная природа информационных медиапродуктов, их целевое назначение для читателей и для рекламодателей в условиях современного медиарынка. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2014. № 3. С. 46–53. [Voichenko N. G. The dual nature of the information media products, their designation for readers and advertisers under the conditions of the modern media market. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2014, (3): 46–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snrselj>
13. Ткачев В. В. Тенденции развития Российского рынка интернет-рекламы в 2023 году. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 5-5. С. 106–108. [Tkachev V. V. Trends in the development of the Russian internet advertising market in 2023. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, (5-5): 106–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-5-5-106-108>
14. Илюхин А. К. Анализ конкурентов в сфере интернет-рекламы. *Символ науки: международный научный журнал*. 2022. № 4-2. С. 45–50. [Iliukhin A. K. Analysis of competitors in the field of online advertising. *Symbol of Science: an international scientific journal*, 2022, (4-2): 45–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qajqyb>
15. Фролов Д. П., Матицын Д. Е. Посткризисные тренды развития телеиндустрии: новые вызовы для маркетинга и менеджмента. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. Т. 8. № 15. С. 25–30. [Frolov D. P., Matytsin D. E. Post-crisis trends of development of the tele-industry: new challenges for marketing and management. *National Interests: Priorities and Security*, 2012, 8(15): 25–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owkxhn>
16. Кириленко В. П., Колобова Е. Ю. Развитие медиабизнеса в условиях глобальной цифровизации. *Управленческое консультирование*. 2021. № 2. С. 127–142. [Kirilenko V. P., Kolobova E. Yu. Media business development in the context of global digitalization. *Administrative consulting*, 2021, (2): 127–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-127-142>
17. Московкина Ю. Ю. Новые медиа как средства массовой информации. *Молодой ученый*. 2018. № 52. С. 239–241. [Moskovkina Yu. Yu. New types of media as mass communication. *Molodoi uchenyi*, 2018, (52): 239–241. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysbivv>
18. Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия. *Коммуникативные исследования*. 2016. № 4. С. 39–47. [Nosovets S. G. New media: defining the notion. *Communication Studies*, 2016, (4): 39–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqtzrj>
19. Борисова С. Г., Бирюков В. А. Трансформация медиаиндустрии в условиях информационно-сетевой экономики. *Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела*. 2014. № 4. С. 122–130. [Borisova S. G., Biryukov V. A. Transformation of media industry in terms of information and network economy. *News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing*, 2014, (4): 122–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taactj>
20. Экономика и менеджмент СМИ, сост. Е. Л. Вартанова, С. М. Гуревич. М.: ВК, 2005. 20 с. [Economics and Media Management, comp. Vartanova E. L., Gurevich S. M. Moscow: VK, 2005, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quzkh1>

21. Климин А. И. Введение в медиаэкономику. СПб: СПбГИКиТ, 2020. 92с. [Klimin A. I. *Introduction to Media Economics*. St. Peterburg: SPUFT, 2020, 92. (In Russ.)]
22. Барсуков Д. П., Качук В. Н., Климин А. И. Медиаэкономика и основные тенденции развития современного телевидения. *Петербургский экономический журнал*. 2017. № 4. С. 84–93. [Barsukov D. P., Kachuk V. N., Klimin A. I. Media economics and major trends of modern television. *St. Petersburg Economic Journal*, 2017, (4): 84–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxxomr>
23. Горелкина А. В. Анализ методических подходов и инструменты формирования эффективной бизнес-модели функционирования медиахолдинга. *Экономика устойчивого развития*. 2013. № 4. С. 65–69. [Gorelkina A. V. Analysis of methodological approaches and tools for the formation of an effective business model of the functioning of the media holding. *Economics of Sustainable Development*, 2013, (4): 65–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zirlib>
24. Горелкина А. В. К вопросу формирования эффективной бизнес-модели на медиарынке. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 10-3. С. 19–22. [Gorelkina A. V. On the formation of an effective business model in the media market. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2019, (10-3): 19–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.903>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/thbqen>

Финтех как фактор улучшения корпоративных ESG-показателей

Ларионов Кирилл Александрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0009-0001-9535-3743>kirill_larionov@internet.ru

Аннотация: Рассматривается взаимосвязь между развитием финансовых технологий и показателями устойчивого развития на примере компаний развивающихся рынков. В то время как экологическое, социальное и корпоративное управление привлекает значительное внимание в дискуссиях о корпоративном устойчивом развитии, его реализация зависит от развития финансовых технологий. Механизмы, с помощью которых оно влияет на корпоративные показатели устойчивого развития в странах с развивающейся экономикой, остаются относительно неизученной областью. Актуальность исследования усиливается необходимостью понимания того, каким образом развитие финансовых технологий оказывает влияние на корпоративные сферы экологии, социальной ответственности и корпоративного управления. Это имеет большое значение для формирования эффективных стратегий устойчивого развития компаний. В исследовании использован комплексный методологический подход, включающий анализ данных о финансовых показателях компаний, оценку уровня развития финансовых технологий в различных регионах и анализ их влияния на корпоративные показатели устойчивого развития. Для получения более точных и объективных результатов использованы статистические методы анализа и математические модели, а также сравнительные исследования. Результаты свидетельствуют об очевидной взаимосвязи: компании, работающие в условиях меньших финансовых ограничений, демонстрируют заметно более высокие показатели устойчивого развития, особенно в регионах с развитыми экосистемами финансовых технологий. Работа позволяет получить развернутое представление о том, как применение финансовых технологий может способствовать повышению показателей устойчивого развития в компаниях на развивающихся рынках. Новаторство исследования проявляется в его глубоком анализе факторов, побуждающих развитие корпоративной устойчивости при воздействии финансовых технологий, что расширяет понимание их влияния на корпоративные показатели устойчивого развития и открывает новые перспективы для будущих исследований в данной сфере.

Ключевые слова: финтех, ESG, устойчивое развитие, зеленая экономика, индексы развития финтеха, развивающиеся рынки

Цитирование: Ларионов К. А. Финтех как фактор улучшения корпоративных ESG-показателей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 72–83. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-72-83>

Поступила 19.09.2023. Принята после рецензирования 20.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Fintech as a Factor of Improving Corporate ESG Indicators

Kirill A. Larionov

St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0009-0001-9535-3743>kirill_larionov@internet.ru

Abstract: The article considers the relationship between the financial technologies development and sustainable development indicators on the example of emerging markets' companies. While environmental, social and corporate governance attracts significant attention in discussions about corporate sustainability, its implementation depends on the development of financial technologies. The mechanisms by which the fintech development affects corporate sustainability indicators in emerging economies remain relatively unexplored. The necessity to understand how the development of financial technologies affects the corporate spheres of ESG reinforces the relevance

of the research since it is of great importance for the formation of effective sustainable development strategies. The study uses a comprehensive methodological approach, which includes analysis of data on companies' financial performance and assessment of the fintech development level in various regions, as well as analysis of its impact on sustainable development corporate indicators. The author uses statistical methods of analysis and mathematical models, as well as comparative studies to obtain more accurate and objective data. The results indicate an obvious relationship: companies operating under less financial constraints demonstrate noticeably higher indicators of sustainable development, especially in regions with developed fintech ecosystems. The research provides a detailed understanding of how the use of fintech can contribute to improving the indicators of sustainable development in emerging markets' companies. The scientific novelty of the study lies in its in-depth analysis of the factors driving the corporate sustainability development under the influence of fintech technologies, which expands the understanding of the fintech impact on corporate sustainability indicators and opens up new prospects for future research in this area.

Keywords: fintech, ESG, sustainable development, green economy, fintech development indices, emerging markets

Citation: Larionov K. A. Fintech as a Factor of Improving Corporate ESG Indicators. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 72–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-72-83>

Received 19 Sep 2023. Accepted after peer review 20 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

В свете современных мировых трендов в сфере экологии и устойчивого развития, различные государственные органы многих стран и общественные организации призывают компании принимать на себя социальную ответственность и активно заботиться об интересах других участников. В дополнение к стремлению максимизировать интересы акционеров, компаниям необходимо создавать благоприятные условия на рынке для обеспечения устойчивого социального развития. Современные инвесторы все чаще учитывают показатели ESG (от англ. environmental – экологическое, social – социальное, corporate governance – корпоративное управление) при оценке компаний для определения их потенциала устойчивого развития и инвестиционной ценности на рынке. Эти аспекты становятся основополагающими при принятии инвестиционных решений [1, р. 1597; 2; 3, р. 642; 4; 5]. В последние годы статистика международного рейтингового агентства *Ming Sheng* показывает, что ведущие индексы ESG на развивающихся рынках демонстрировали лучшие результаты по сравнению с индексами развивающихся рынков за период 2017–2022 гг. Эти показатели характеризовались более устойчивыми колебаниями и более высоким коэффициентом Шарпа, что способствовало заметному повышению общей прибыльности [6, р. 1513].

Китай, как крупнейший в мире развивающийся рынок, стал ключевым игроком в этой области. С 2018 г. Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая первой потребовала обязательного раскрытия информации об экологических, социальных

и корпоративных аспектах от зарегистрированных на бирже компаний. Устойчивое развитие приобрело статус глобального тренда, а критерии ESG, отражающие уровень корпоративной эффективности, стали основными ориентирами для инвестиционной деятельности [6, р. 1515; 7].

Основной академический фокус в области анализа влияния корпоративных показателей ESG сконцентрирован на изучении воздействия этих показателей на различные сферы бизнеса: финансовые затраты [8, р. 1794; 9], стоимость организации [10, р. 360; 11, р. 45; 12], ее эффективность [13], а также результаты корпоративных вложений [14, р. 649]. Однако зачастую для компаний существуют финансовые ограничения и отсутствуют достаточные стимулы для улучшения показателей ESG с целью максимизации интересов акционеров. На сегодняшний день многие организации сталкиваются с недостатком ресурсов и значительными расходами при внедрении практик ESG. Эти финансовые ограничения тормозят их стремление внедрить указанные практики. В связи с этим, для продвижения устойчивого развития важно активно решать вопросы, связанные с финансовыми ограничениями в корпоративной среде и стимулировать внутреннюю мотивацию организаций для вложений в ESG.

В первую очередь данное исследование представляет собой новый подход к изучению корпоративных показателей ESG. Оно объединяет анализ развития сектора финансовых технологий (финтех) и корпоративных показателей ESG в одну аналитическую рамку, рассматривая влияние развития финтеха на улучшение

корпоративных показателей ESG с точки зрения их создания и усовершенствования. На текущий момент отсутствуют исследования, посвященные поиску способов улучшения корпоративных показателей ESG. В связи с этим данная работа предлагает рассмотреть возможность оптимизации практик ESG в корпоративной сфере с применением инструментов финтех, что позволит расширить область исследований, связанных с корпоративным ESG, и открыть новые перспективы для компаний в области улучшения ESG-показателей. Также исследование акцентирует внимание на неэкономических последствиях, которые порождаются расцветом финтех-сектора, и дает дополнительную глубину в анализе экономических воздействий этой сферы. Предыдущие исследования в контексте финтех-индустрии в основном фокусировались на экономических аспектах, таких как риски, ассоциированные с банковскими операциями и корпоративными финансами, не уделяя достаточного внимания вопросу воздействия финтеха на устойчивое развитие предприятий. Поэтому данное исследование ставит перед собой задачу изучить воздействие развития финтеха на корпоративные показатели ESG, уделяя особое внимание неэкономическим аспектам. Кроме того, исследование частично раскрывает «черный ящик» причинно-следственных связей между развитием финтеха и корпоративными показателями ESG, предоставляя новые эмпирические данные, важные для развития концепции устойчивого развития.

Автором рассматриваются ключевые технологии, определяющие развитие финансового сектора: блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, аналитика больших данных, цифровые платежи и роботизированные консультанты (робо-советники). Блокчейн и криптовалюты гарантируют безопасность и прозрачность финансовых транзакций, содействуют борьбе с коррупцией и обеспечивают надежность данных. Искусственный интеллект и машинное обучение позволяют проводить анализ больших объемов данных, предсказывают тенденции рынка и способствуют созданию инновационных, персонализированных продуктов. Интернет вещей предоставляет данные о финансовых транзакциях и управлении активами, усиливая точность аналитики. Большие данные и аналитика позволяют

обрабатывать и анализировать огромные объемы информации, что важно для выявления трендов и эффективного принятия решений. Цифровые платежи и электронные кошельки создают новые, более удобные и эффективные методы проведения финансовых транзакций, способствуя финансовой инклюзии. Робо-советники автоматизируют процессы управления портфелем, оптимизируя стратегии инвестирования и повышая доступность финансовых консультаций. Эти технологии, объединенные в комплексный индекс, станут фокусом данного исследования.

Методы и материалы

В качестве исследовательской выборки используются данные компаний Шанхая и Шэньчжэня, акции которых котируются на бирже А, за период 2012–2022 гг. Выбор Китая для исследования обусловлен несколькими ключевыми факторами. Во-первых, Китай – один из ведущих мировых рынков финтех-инноваций с быстрым ростом компаний и технологий, что делает его привлекательным объектом для анализа влияния финтеха на устойчивость корпораций. Китай также предоставляет разнообразный и крупный рынок с различными секторами экономики, что позволяет исследовать взаимодействие разных видов компаний с финтех-трансформацией с точки зрения устойчивого развития. Регулирование и политика Китая в области финтеха также могут оказывать влияние на корпоративные показатели ESG, что делает страну интересным объектом для анализа. Кроме того, наблюдается рост внимания к Китаю со стороны мирового сообщества и инвесторов, которые анализируют корпоративные показатели ESG. Это делает Китай особенно актуальным для изучения воздействия финтеха на устойчивое развитие.

Исследовательский подход базируется на обработке и анализе финансовых и корпоративных данных, извлеченных из авторитетных источников, таких как база данных Wind ESG Rating¹. Для оценки эффективности компаний с учетом аспектов ESG дополнительно была использована информация из базы данных CSMAR².

При формировании выборки были установлены четкие критерии отбора:

¹ Wind ESG Rating. *Wind*. URL: <https://www.wind.com.cn/mobile/ESG/en.html>; часть данных находится в открытом доступе, часть предоставляется на время пробного периода или по подписке; для полноценной работы с историческими данными по рейтингу необходима установка терминала Wind: Wind Financial Terminal. *Wind*. URL: <https://www.wind.com.cn/mobile/WFT/en.html> (accessed 7 Jul 2023).

² CSMAR. URL: <https://data.csmar.com/>; вход в базу данных через сайт CSMAR бесплатно предоставляется только китайским университетам. Студенты могут получить к нему доступ через сервис WRDS. *Wharton Research Data Services*. URL: <https://wrds-www.wharton.upenn.edu/> (accessed 7 Jul 2023).

- исключение компаний, внесенных в листинг ST и *ST³ для обеспечения высокой стабильности и репутации исследуемых объектов;
- устранение данных с недостающими или выходящими за пределы нормы ключевыми показателями для обеспечения точности и надежности данных;
- исключение финансовых учреждений, чтобы сосредоточить анализ на корпоративных субъектах.

Этот подход позволил собрать обширный набор данных, состоящий из 10421 ежегодного наблюдения по 518 фирмам за период 2012–2022 гг. Для уменьшения влияния выбросов и экстремальных значений был применен метод верхнего и нижнего 1 % критериев Винсориза к микронепрерывным переменным.

Для изучения влияния финтеха на стоимость микропредприятий в качестве независимой переменной используется индекс развития цифровых инклюзивных финансов Китая, разработанный Пекинским университетом и компанией *Ant Financial Services Group*⁴. Для упрощения работы с огромным объемом данных индекс делится на 100.

В данном исследовании рассматривается воздействие ESG-показателей предприятий на различные переменные. Существует разнообразие методов оценки эффективности ESG, которые различаются по критериям оценки, используемым показателям и области применения. Предложенный исследовательский подход базируется на анализе эффективности организаций в контексте ESG, используя оценочный индекс Huazheng⁵.

Отличительной особенностью рейтинга Huazheng от других схем оценки ESG, доступных в Китае, является его более широкий охват и частые обновления – рейтинг обновляется ежеквартально и включает в себя все компании, котирующиеся на бирже. Индекс Huazheng выступает ключевым аналитическим инструментом для оценки уровня устойчивости и ответственности компаний на мировой арене. Он учитывает особенности китайского рынка капитала и разнообразие компаний, имеющих статус публичных акционерных обществ. Этот индекс играет значимую роль в контексте международных стандартов и требований в области устойчивости и социальной ответственности делового мира.

Понимание его методологии и результатов позволяет лучше оценить уровень интеграции принципов ESG в практики управления компаниями, что имеет большое значение для инвесторов и стейкхолдеров. В связи с этим он представляет собой ценное средство для более точного анализа воздействия ESG-показателей на организации и факторы их влияния.

Для проведения оценки были выбраны 26 ключевых показателей, на основании которых формируется рейтинг Huazheng, для расчета использовался метод средневзвешенного отраслевого среднего. Рейтинг был разделен на девять классов, отмеченных буквами от C до AAA. Чтобы выразить это численно, оценкам присваивались значения от 1 до 9. Например, при рейтинге C коэффициент устойчивого развития (КУР) = 1, при рейтинге CC КУР = 2 и т.д. Фирмы с лучшими показателями устойчивого развития занимают более высокие позиции.

В данном исследовании уделяется пристальное внимание контрольным переменным, которые учитывают разнообразные внутренние и внешние факторы, оказывающие воздействие на ESG-показатели компаний. Анализируются такие параметры, как темп прироста операционных доходов предприятия, уровень задолженности, размер организации, год основания компании, эффективность использования активов и доля акций, принадлежащих основному акционеру. Кроме того, учитывается влияние годовых и отраслевых постоянных факторов (табл. 1).

Финтех и ESG в корпоративной практике

Начало эры финтеха оказало глубокое воздействие на финансовый сектор, особенно на сферу корпоративного финансирования и практику устойчивого развития. Финтех, в отличие от старых финансовых методов, фокусируется на цифровых инновациях, что приводит к оптимизации распределения финансовых ресурсов и увеличению их доступности для всех участников микрорынка. Переход к финтеху трансформирует не только финансовую практику, но и обогащает концепцию устойчивых инвестиций, учитывая новые возможности и вызовы [15, р. 317; 16]. Революция в области финтеха привнесла значительные изменения в мировую экономическую систему, ее развитие

³ От англ. *special treatment*. Аббревиатура ST в Китае добавляется к тиккерам акций компаний, остающихся убыточными на протяжении последних 3 лет, а аббревиатура *ST – к акциям компаний, которые проходят процедуру делистинга.

⁴ The Peking University Digital Financial Inclusion Index of China (2011–2018). *Peking University*. URL: <https://en.idf.pku.edu.cn/docs/20190610145822397835.pdf> (accessed 7 Jul 2023).

⁵ Huazheng. *Wind*. URL: <https://www.wind.com.cn/portal/en/ESG/esgIndex.html?windcode=603186.SH&lan=en>; часть данных находится в открытом доступе, часть предоставляется на время пробного периода или по подписке; для полноценной работы с историческими данными по рейтингу необходима установка терминала Wind: Wind Financial Terminal. *Wind*. URL: <https://www.wind.com.cn/mobile/WFT/en.html> (accessed 7 Jul 2023).

Табл. 1. Определение используемых переменных

Tab. 1. Specification of the variables

Название переменной	Описание
КУР	В соответствии с оценкой ESG Huazheng, индекс этичности разбивается на девять уровней. Минимальный уровень соответствует 1, наивысший – 9
Натуральный логарифм КУР (lnКУР)	Подрейтинговые оценки устойчивости, социальной ответственности и эффективного управления организациями, имеющими публичное акционерное общество, представлены в логарифмической шкале
Финтех	Индекс финансовой инклюзивности Peking University / 100
Размер компании	Логарифм общего объема активов
Коэффициент активов к пассивам	Соотношение между активами и пассивами
Рентабельность активов	Коэффициент прибыли к общему объему активов
Темп рост прибыли	Скорость роста выручки от операционных действий
Денежный поток	Отношение чистого денежного потока от операционной деятельности к общей сумме активов
Год	Логарифм количества лет с момента создания компании
Крупнейший акционер	Процент акций, принадлежащих крупнейшему акционеру
Совет директоров	Логарифм размера совета директоров
Коэффициент независимости	Отношение независимых директоров к общему числу членов совета директоров

сопровождается интеграцией цифровых технологий в финансовую индустрию, что дает новые перспективы для эффективного управления финансовыми потоками и инвестиционными решениями. Одним из ключевых аспектов этого развития является его влияние на корпоративное финансирование и реализацию принципов устойчивого инвестирования, что требует более детального рассмотрения. Использование объемных данных, технологии блокчейн, облачных вычислений и других цифровых решений дает возможность расширить сферу действия традиционных финансовых операций и более эффективно устранить информационные разрывы в области финансовых ресурсов. Финтех также активно применяется для всесторонней оценки финансовых рисков, эффективного управления ими, расширения области распределения финансовых ресурсов и сокращения исключений, связанных с традиционными методами распределения финансовых ресурсов на микрорынке [17]. В результате, финтех способствует повышению доступности традиционных финансовых операций для всех участников и таким образом улучшает корпоративные показатели ESG [18, p. 537; 19, p. 453].

Более того, в контексте распределения финансовых ресурсов финтех может усилить информационные сигналы о распределении этих ресурсов на рынке. Развитие цифрового финансирования способствует

усилению поддержки и отбору инновационных организаций, предоставляя возможность использовать цифровые технологии и уменьшая информационные разрывы и расходы на финансирование этих фирм [20, p. 1227]. В результате развития финтеха появляется возможность более широкого доступа к кредитам, что снижает финансовые ограничения, которые часто препятствуют корпоративным инвестициям в ESG. Это, в конечном итоге, может улучшить практику ESG и повысить эффективность корпоративных инвестиций в ESG путем уменьшения финансовых ограничений [21, p. 89; 22; 23].

Исследование эффективности предприятия с учетом принципов ESG открывает перед нами инновационный метод оценки, который делает основной акцент на устойчивом развитии организации. Этот метод учитывает влияние предприятия на окружающую среду, его социальную ответственность и принципы управления корпорацией. Применение данного метода анализа в корпоративном контексте помогает более полно оценить вклад компании в социальную и экологическую сферы, а также оценить уровень эффективности управления предприятием. С учетом быстрого развития устойчивых инвестиций и растущего интереса к ESG-принципам анализ эффективности предприятия на основе этих принципов становится неотъемлемым инструментом для инвесторов, оценивающих потенциал компании

на рынке. Несмотря на то, что исследования в области ESG появились сравнительно недавно, они привлекают все большее внимание государственных органов и широкой общественности. В настоящее время исследования в области устойчивого развития проводятся в основном по трем основным направлениям: оценка рейтингов, анализ инвестиций и изучение более широкой практики устойчивого развития.

В области исследования страновых рейтингов ESG целью является определение баллов ESG и формулирование рейтинговых моделей. Основная методология оценки рейтингов ESG предполагает комплексную оценку нефинансовых рисков компании и ее развития, охватывающую элементы, связанные с природной средой, социальными показателями и управлением экономикой.

На оценке эффективности ESG специализируются несколько организаций, однако оценка значимых рейтингов ESG происходит по-разному. Различия обусловлены разными критериями оценки, отраслевыми корректировками и использованием разных источников данных. Другими словами, различные рейтинговые агентства не всегда одинаково оценивают показатели ESG, и эти оценки существенно влияют на принятие решений инвесторами. Исследование D. Avramov et al. показывает, что более высокий рейтинг ESG приводит к снижению ожидаемой доходности инвесторами [3, p. 644]. Однако широкий спектр рейтингов ESG, предоставляемых различными агентствами, снижает значимость некоторых из этих ожиданий доходности.

A. Riedl и P. Smeets предлагают объяснение, основанное на присущих инвесторам социальных ценностях и необходимости филантропической коммуникации [24, p. 2505]. Они утверждают, что интеграция концепции ESG в стратегию корпоративного управления и деятельность компании повышает долгосрочные показатели ESG и улучшает репутацию компании. В ходе исследования ESG-инвестиций L. Renneboog et al. отмечают, что инвестиционные фонды, ориентированные на социально ответственное инвестирование, не всегда демонстрируют более высокие финансовые показатели [25, p. 563].

Как уже было сказано ранее, исследования, ориентированные на анализ воздействия ESG на корпоративную сферу, главным образом сосредотачивались на изучении влияния показателей ESG на финансовую деятельность и стоимость предприятия. В соответствии с теорией заинтересованных сторон, предложенной R. E. Freeman в 1984 г. [26], множество исследований утверждают, что высокие показатели ESG могут способствовать укреплению доверия

и поддержки со стороны заинтересованных сторон. В результате наблюдается улучшение финансовых показателей компании, рост ее рыночной капитализации и снижение финансовых ограничений [27, p. 622; 28, p. 88; 29, p. 2550]. Некоторые научные исследования указывают на то, что корпоративные ESG-показатели могут оказывать ограниченное воздействие на финансовые показатели компаний или даже влиять на них отрицательно. В этом контексте они указывают на отсутствие связи между показателями ESG и корпоративной стоимостью [30, p. 182; 31, p. 315; 32, p. 3262]. Эти наблюдения подчеркивают важность более глубокого анализа взаимосвязи между корпоративной устойчивостью и финансовым успехом компаний. Они также поднимают вопрос о том, какие факторы могут быть ответственными за различия в результатах компаний при интеграции ESG-принципов. Третий аспект касается идеи о наличии порогового уровня эффективности ESG, влияющего на стоимость компании [33, p. 400]. В большинстве исследований, посвященных изучению ESG с корпоративной точки зрения, основное внимание уделяется экономическому воздействию, которое оказывает корпоративный подход к ESG. Однако в литературе практически не рассматриваются внешние факторы, которые также могут влиять на эффективность корпоративных практик ESG.

В наше время финансовая сфера переживает значительные изменения под влиянием инновационных технологий. Финтех представляет собой сектор финансовых инноваций, возникший в результате активного использования передовых информационных технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн, анализ больших данных и облачные вычисления. Эти передовые технологии способствуют формированию новых бизнес-моделей, разработке инновационных технологических решений и созданию финансовых продуктов и услуг, способных оказать существенное влияние на финансовые рынки, деятельность финансовых учреждений и методы предоставления финансовых услуг. В академической литературе, посвященной изучению влияния финтеха, исследуется его воздействие на корпоративное поведение, особенно с учетом рисков, связанных с падением стоимости акций, ограничениями в доступе к финансированию и влиянием на эффективность инвестиций. В работе G. Buchak et al. особое внимание уделяется влиянию финтеха на устранение информационной асимметрии между заемщиками и кредиторами [19, с. 456]. При этом уменьшение операционных издержек и улучшение опыта потребителей играют важную роль в этом процессе.

Следует отметить, что финтех, несмотря на свой быстрый рост, остается относительно небольшим участником на финансовом рынке. Даже в Китае, где финтех занимает ведущую позицию на рынке, его масштабы остаются сравнительно небольшими по сравнению с общим объемом финансового посредничества. L. Lu отмечает, что после мирового финансового кризиса [15, р. 319] банки стали избегать сделок, представляющих существенные финансовые риски, и малые и средние предприятия, составляющие 99,9 % бизнес-сектора Великобритании, получают всего лишь 17 % от общего объема бизнес-кредитов в банковской сфере. Вместе с этим появление цифрового финансирования год за годом направляет миллиарды фунтов стерлингов в сектор малых и средних предприятий, что становится обнадеживающим сигналом преодоления финансовых проблем, с которыми эти предприятия долгое время сталкиваются. Более того, в работе K. Gai et al. отмечается, что термин *финтех* может относиться к разнообразным технологиям, используемым в финансовых учреждениях, подразделениях ив организациях с различным спектром операций [34, р. 265]. В этих контекстах авторы акцентируют внимание на улучшении качества обслуживания благодаря применению информационных технологий.

Влияние развития финтеха на корпоративные показатели ESG

Развитие финтеха способно улучшить корпоративные показатели ESG путем смягчения ограничений на корпоративное финансирование. В первую очередь, следует отметить, что информационная асимметрия между финансовыми учреждениями и заемщиками долгое время оставалась одной из наиболее острых проблем на кредитных рынках [35, р. 633]. Финтех предлагает новые подходы для смягчения этой информационной асимметрии.

В некоторой степени развитие финтеха может сократить информационную асимметрию на рынках кредитования, объединить финансово отсталые и экономически уязвимые группы с основными потоками информации и расширить доступность финансовых услуг. Также финтех может способствовать более эффективному решению проблемы высоких затрат на финансовые операции. Применение технологии больших данных может снизить расходы на сбор и обработку информации, а также на устранение искажений, которые могут в ней присутствовать. Кроме того, финансовые учреждения, работающие в сфере финтеха, склонны предоставлять больше финансовых услуг, сохраняя при этом ту же ценовую политику [36, р. 8].

Искусственный интеллект способен значительно улучшить анализ больших объемов данных в финансовой сфере, осуществляя обработку информации и создавая модели для регулирования спроса и предложения. Этот подход позволяет оптимизировать процессы, экономя время и ресурсы, которые ранее требовались для человеческого вмешательства в кредитные операции.

Развитие финтеха имеет потенциал увеличить доступность корпоративных кредитов, смягчить ограничения в области корпоративного финансирования и способствовать более эффективному выполнению обязательств по корпоративной социальной ответственности. Это, в свою очередь, может привести к улучшению показателей ESG корпораций.

На основе проведенного анализа выдвинем следующую гипотезу: развитие финтеха может способствовать повышению эффективности деятельности компаний в области ESG.

Чтобы проверить гипотезу о влиянии финтеха на корпоративные показатели ESG, была построена следующая регрессионная OLS-модель:

$$KUR_{i,t} = \beta_0 + \beta_1 \text{Финтех}_{i,c,t} + \beta_2 \text{Финтех}_{i,t} + \sum \text{Год} + \sum \text{КН} + \varepsilon_{i,t} \quad (1)$$

где i – фирма, t – год, а c – город. Рассматриваемая зависимая переменная отражает уровень развития финтеха в конкретном местоположении компании i в определенный год t , в то время как независимая переменная представляет собой оценку ESG для данной компании i в этот же год t . Выбранные коэффициенты (переменные) играют важную роль в анализе воздействия различных переменных на индекс развития финтеха и оценку ESG. Учитывая их значения, мы можем получить глубокое понимание факторов, влияющих на инновационное развитие и уровень корпоративной ответственности в сфере финтех.

В соответствии с теоретическим анализом предполагается наличие значительного положительного влияния между развитием финтеха и улучшением корпоративных показателей ESG. Для лучшего понимания этой связи проведем более детальный анализ влияния указанных контрольных переменных на развитие финтеха и его вклад в улучшение корпоративной ответственности и управления. Анализ основан на эмпирических данных, позволяющих более точно определить, насколько сильно переменные могут влиять на указанные аспекты. Это даст возможность более подробно исследовать то, как финтех воздействует на корпоративные показатели ESG и разобраться в их механизмах.

В таблице 2 представлены характеристики ключевых переменных. Средний показатель *КУР* составляет 6,384, занимая место между рейтингами А и ВВВ. Это свидетельствует о том, что китайские компании имеют потенциал для улучшения своих ESG-показателей. Минимальное значение эталонного показателя *финтех* составляет 0,8519, в то время как среднее значение равно 2,2096 с дисперсией 0,4869. Максимальное значение этого показателя составляет 3,2154. Полученные данные свидетельствуют о различной степени развития финтеха в разных регионах Китая, при этом отмечается потенциал для развития этого сектора в стране.

Для дальнейшей проверки взаимосвязи между финтехом и корпоративными показателями ESG был проведен регрессионный анализ с использованием модели (1). В таблице 3 представлены результаты базовых регрессий. Результаты показывают, что при контроле за фиксированными эффектами года и отрасли коэффициент *финтех* относительно *КУР* составляет 0,352 и является статистически значимым на 1 % уровне (*t*-значение = 4,146), а коэффициент *финтех* относительно *lnКУР* составляет 0,265 и является статистически значимым на уровне 1 % (*t*-значение = 3,759). Это указывает на то, что степень развития финтеха в регионе значительно улучшает показатели *КУР*. Результаты, приведенные в таблице 3, полностью подтверждают исследуемую гипотезу.

Несмотря на то, что *финтех* является переменной на уровне города, в модели зависимой переменной, использующей показатели ESG компании в качестве базового уровня, в регрессии также могут возникнуть потенциальные проблемы эндогенности, такие как обратная причинно-следственная связь. Когда компании на региональном уровне достигают значительных показателей в сфере ESG, финтех имеет потенциал для более значительного прогресса и оперативного совершенствования. В работе проведена повторная оценка воздействия развития финтеха на ESG-показатели корпораций с использованием метода разницы в различиях (*difference in differences, DID*). В этом анализе использовали внедрение услуги 4G как экзогенное событие. Индикатор *4G_Внедрение* представляет собой условную переменную, заданную с целью анализа внедрения услуги 4G в тестовых зонах Китая. Если услуга 4G не была внедрена в тестовых зонах, переменной присваивается значение 0, а если была внедрена, то присваивалось значение 1.

В таблице 4 представлены результаты анализа, включая DID между воздействием развития финтеха и корпоративными показателями ESG. Заметный положительный коэффициент для переменной *4G_Внедрение* подчеркивает исходное утверждение. Данные играют ключевую роль в исследовании влияния финтеха на корпоративные аспекты устойчивости и социальной ответственности.

Табл. 2. Обобщенные показатели для основных переменных
Tab. 2. Generalized key variables indicators

Переменная	Средн.	СКО	Мин.	P25	P50	P75	Макс.	СКОС	Эксцесс
КУР	6,3849	1,1158	2,9995	4,9991	5,9990	6,9988	8,9985	1,2238	4,9086
lnКУР	1,9867	0,1630	0,6929	1,3628	1,9457	2,1326	2,3026	3,2064	14,4895
Финтех	2,2096	0,4869	0,8519	1,7647	2,3256	2,8425	3,2154	2,5996	10,8861
Размер компании	22,6461	1,3898	19,9966	21,3183	22,0462	24,6278	26,4655	2,2056	8,3099
Коэффициент активов к пассивам	0,5149	0,1990	0,0840	0,3559	0,5259	0,7429	0,9298	0,9848	1,9711
Рентабельность активов	0,0340	0,4999	-0,1490	0,0800	0,2900	0,1120	0,1890	1,5177	6,7971
Темп рост прибыли	0,1410	0,3939	-0,5199	0,0200	0,0790	1,5117	2,6046	0,2840	2,4186
Денежный поток	0,0470	0,0690	-0,1480	0,0180	0,0470	0,1630	0,2430	0,8569	3,6890
Год	13,5677	6,0480	0,9998	7,9986	13,9976	22,9961	28,9950	41,9168	4,3422
Крупнейший акционер	0,3919	0,1540	0,3619	0,3709	0,3849	0,5209	0,8898	-0,2170	4,2321
Совет директоров	2,2106	0,1990	1,0988	1,7537	2,1966	2,5616	2,9895	0,6029	3,1364
Коэффициент независимости	0,3699	0,0570	0,0910	0,2310	0,3329	0,5409	0,7999	2,6106	14,5985

Прим.: Средн. – среднее значение; СКО – среднеквадратическое отклонение; Мин. – минимальное значение; P25, P50, P75 – 25-й, 50-й, 75-й перцентили соответственно; Макс. – максимальное значение; СКОС – коэффициент асимметрии; Эксцесс – коэффициент эксцесса.

Табл. 3. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи между развитием финтеха и корпоративными показателями ESG
Tab. 3. Results of the fintech development and corporate ESG indicators relationship' regression analysis

Индикаторы	KYP	lnKYP
Финтех	0,352*** (4,146)	0,265*** (3,759)
Размер компании	0,240*** (4,978)	0,219*** (4,377)
Коэффициент активов к пассивам	0,648*** (3,798)	0,485 (1,434)
Рентабельность активов	-7,927*** (-4,922)	-13,073*** (-5,669)
Темп рост прибыли	0,160 (1,374)	0,387* (1,902)
Денежный поток	2,125** (3,103)	5,389*** (4,288)
Год	0,022*** (3,868)	0,028* (2,152)
Крупнейший акционер	0,008** (2,993)	0,017** (2,748)
Совет директоров	0,723*** (4,372)	1,160*** (4,237)
Коэффициент независимости	-0,626 (-0,833)	-0,717 (-1,712)
Константа	-6,520*** (-6,035)	-7,787*** (-6,849)
Период	Да	Да
Отрасль	Да	Да
N	10421	10421
Скорректированный R-квадрат	0,103	0,163

Табл. 4. Результаты теста на эндогенность
Tab. 4. Results of the endogeneity test

Тестируемые индикаторы	KYP	lnKYP
4G_Внедрение	0,049*** (4,251)	0,187*** (5,152)
Размер компании	0,200* (1,891)	0,127 (1,072)
Коэффициент активов к пассивам	0,137** (2,015)	0,095 (1,473)
Рентабельность активов	0,494*** (4,363)	0,263** (2,142)
Темп рост прибыли	-0,150 (-0,443)	-0,149 (-0,401)
Денежный поток	-0,021 (-0,638)	0,029 (0,943)
Год	0,001 (0,131)	-0,014 (-1,194)
Крупнейший акционер	-0,100 (-1,372)	-0,020 (-0,234)
Совет директоров	-0,092 (-0,344)	-0,126 (-0,446)
Коэффициент независимости	-0,537** (-2,407)	-0,752*** (-2,756)
Константа	-0,494 (-0,565)	-0,098 (-0,116)
Период	Да	Да
Отрасль	Да	Да
N	10,421	10,421
Скорректированный R-квадрат	0,182	0,195

Прим.: в таблицах 3 и 4 t-статистика представлена в скобках, надстрочные знаки ***, ** и * обозначают статистическую значимость на уровнях 1 %, 5 % и 10 % соответственно.

Результаты могут иметь важное значение для разработки стратегий, способствующих улучшению показателей ESG в корпоративном секторе, особенно в условиях быстро развивающихся финансовых технологий. Таким образом, развитие финтеха оказывает существенное влияние на корпоративные показатели ESG.

В свете всемирного признания тенденции к устойчивому развитию становится важным изучение конкретных путей и стратегий его продвижения. Исследование рассматривает влияние финтеха на ESG-показатели корпораций и разъясняет его действующие механизмы. Исследование подтверждает значительное положительное воздействие развития финтеха на корпоративные показатели ESG. Надежность ключевых выводов подтверждается рядом тестов на устойчивость и эндогенность.

Заключение

Работа вносит вклад в область изучения корпоративных показателей ESG, обращая внимание на воздействие финтех-инноваций как нового исследовательского объекта. Подчеркивается важность анализа факторов, способствующих улучшению корпоративной производительности в контексте ESG, с учетом влияния финтеха. Анализ помогает расширить горизонты исследований в области корпоративных ESG-показателей и обогатить понимание влияющих на них факторов. Сегодня финтех становится незаменимым инструментом для всех компаний, стремящихся к сбалансированному устойчивому развитию. Инновации в сфере финансов расширяют возможности управления эко-эффективностью и социальной ответственностью компаний, обогащая и усиливая их вклад в устойчивое будущее.

Специфические технологические инновации, включая развитие финансовых технологий, становятся одним из ключевых двигателей развития устойчивости компаний. Данный подход открывает новые возможности для бизнеса, способствует сокращению отрицательного влияния компаний на окружающую среду и улучшению социального взаимодействия. Сегодня мы стоим на пороге новой эпохи, в которой инновационные технологии играют важнейшую роль в формировании устойчивого бизнеса, а синергия между ESG-подходами и финтехом является ключевым элементом этого процесса.

Литература / References

1. Chatterji A. K., Durand R., Levine D. I., Touboul S. Do ratings of firms converge? Implications for managers, investors and strategy researchers. *Strategic Management Journal*, 2016, 37(8): 1597–1614. <https://doi.org/10.1002/smj.2407>

При исследовании воздействия развития финтеха на корпоративные показатели ESG были выявлены важные аспекты, свидетельствующие о положительной связи между уровнем развития финтеха и улучшением экологических, социальных и управленческих показателей в компаниях. Подробный анализ позволил выделить конкретные инновационные подходы и практики, используемые в секторе финтеха, которые способствуют укреплению стратегий устойчивого развития. Особое внимание было уделено неэкономическим аспектам, таким как социальная ответственность и управление, что позволило выявить конкретные меры и изменения, способствующие повышению уровня устойчивости компаний. Эти изменения включают в себя внедрение передовых технологий для улучшения прозрачности, повышения эффективности операций и развития социального взаимодействия.

Результаты подчеркивают важность дальнейших исследований и разработки стратегий, направленных на максимизацию положительного воздействия финтех-инноваций на ESG-показатели, особенно в области неэкономических аспектов. Развитие стандартов и стимулирование инноваций в сфере социальной ответственности обладают потенциалом для более широкой интеграции устойчивых практик в финтех-сектор, способствуя улучшению не только экономической, но и социальной и экологической устойчивости корпораций.

Результаты исследования могут оказать существенное воздействие на развитие стратегического менеджмента в компаниях и привлечь внимание научного сообщества к важности исследований корпоративных показателей ESG. Работа раскрывает влияние и механизмы воздействия финтех-инноваций на корпоративные ESG-показатели, предоставляя эмпирические данные о развитии финтех-сектора, а также корпоративных ESG-показателях на развивающихся рынках.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

2. Broadstock D. C., Chan K., Cheng L. T., Wang X. The role of ESG performance during times of financial crisis: evidence from COVID-19 in China. *Finance Research Letters*, 2021, 38. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101716>
3. Avramov D., Cheng S., Lioui A., Tarelli A. Sustainable investing with ESG rating uncertainty. *Journal of Financial Economics*, 2022, 145(2B): 642–664. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.09.009>
4. Tan Y., Zhu Z. The effect of ESG rating events on corporate green innovation in China: the mediating role of financial constraints and managers' environmental awareness. *Technology in Society*, 2022, 68. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101906>
5. Tang H. The effect of ESG performance on corporate innovation in China: the mediating role of financial constraints and agency cost. *Sustainability*, 2022, 14(7). <https://doi.org/10.3390/su14073769>
6. Zhai Y., Cai Z., Lin H., Yuan M., Mao Y., Yu M. Does better environmental, social, and governance induce better corporate green innovation: the mediating role of financing constraints. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022, 29(5): 1513–1526. <https://doi.org/10.1002/csr.2288>
7. Luke T. W. Investment and rapid climate change as biopolitics: Foucault and governance of the self and others through ESG. *Sustainability*, 2022, 14(22). <https://doi.org/10.3390/su142214974>
8. Goss A., Roberts G. S. The impact of corporate social responsibility on the cost of bank loans. *Journal of Banking & Finance*, 2011, 35(7): 1794–1810. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.12.002>
9. Eliwa Y., Aboud A., Saleh A. ESG practices and the cost of debt: evidence from EU countries. *Critical Perspectives on Accounting*, 2021, 79. <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2019.102097>
10. Ghou S. E., Guedhami O., Kim Y. Country-level institutions, firm value, and the role of corporate social responsibility initiatives. *Journal of International Business Studies*, 2017, 48: 360–385. <https://doi.org/10.1057/jibs.2016.4>
11. Fatemi A., Glaum M., Kaiser S. ESG performance and firm value: the moderating role of disclosure. *Global Finance Journal*, 2018, 38: 45–64. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2017.03.001>
12. Wu S., Li X., Du X., Li Z. The impact of ESG performance on firm value: the moderating role of ownership structure. *Sustainability*, 2022, 14(21). <https://doi.org/10.3390/su142114507>
13. Chang Y.-J., Lee B. H. The impact of ESG activities on firm value: multi-level analysis of industrial characteristics. *Sustainability*, 2022, 14(21). <https://doi.org/10.3390/su142114444>
14. Benlemlih M., Bitar M. Corporate social responsibility and investment efficiency. *Journal of Business Ethics*, 2018, 148: 647–671. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3020-2>
15. Lu L. Promoting SME finance in the context of the fintech revolution: a case study of the UK's practice and regulation. *Banking and Finance Law Review*, 2018, 33(3): 317–343.
16. Sun Y., Li S., Wang R. Fintech: from budding to explosion – an overview of the current state of research. *Review of Managerial Science*, 2023, 17: 715–755. <https://doi.org/10.1007/s11846-021-00513-5>
17. Chen M. A., Wu Q., Yang B. How valuable is fintech innovation? *Review of Financial Studies*, Forthcoming, 2018. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3106892>
18. Gomber P., Koch J. A., Siering M. Digital finance and fintech: current research and future research directions. *Journal of Business Economics*, 2017, 87: 537–580. <https://doi.org/10.1007/s11573-017-0852-x>
19. Buchak G., Matvos G., Piskorski T., Seru A. Fintech, regulatory arbitrage, and the rise of shadow banks. *Journal of Financial Economics*, 2018, 130(3): 453–483. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2018.03.011>
20. Wang Q., Yang J., Chiu Y.-H., Lin T.-Y. The impact of digital finance on financial efficiency. *Managerial and Decision Economics*, 2020, 41(7): 1225–1236. <https://doi.org/10.1002/mde.3168>
21. Demir A., Pesqué-Cela V., Altunbas Y., Murinde V. Fintech, financial inclusion and income inequality: a quantile regression approach. *The European Journal of Finance*, 2022, 28(1): 86–107. <https://doi.org/10.1080/1351847X.2020.1772335>
22. Ding N., Gu L., Peng Y. Fintech, financial constraints and innovation: evidence from China. *Journal of Corporate Finance*, 2022, 73. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2022.102194>
23. Wu Y., Huang S. The effects of digital finance and financial constraint on financial performance: firm-level evidence from China's new energy enterprises. *Energy Economics*, 2022, 112. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106158>
24. Riedl A., Smeets P. Why do investors hold socially responsible mutual funds? *The Journal of Finance*, 2017, 72(6): 2505–2550. <https://doi.org/10.1111/jofi.12547>

25. Renneboog L., Ter Horst J., Zhang C. Is ethical money financially smart? Nonfinancial attributes and money flows of socially responsible investment funds. *Journal of Financial Intermediation*, 2011, 20(4): 562–588. <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2010.12.003>
26. Freeman R. E. *Strategic management: a stakeholder approach*. Boston: Pitman, 1984, 276.
27. Edmans A. Does the stock market fully value intangibles? Employee satisfaction and equity prices. *Journal of Financial Economics*, 2011, 101(3): 621–640. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2011.03.021>
28. Deng X., Kang J.-K., Low B. S. Corporate social responsibility and stakeholder value maximization: evidence from mergers. *Journal of Financial Economics*, 2013, 110(1): 87–109. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2013.04.014>
29. Flammer C. Does corporate social responsibility lead to superior financial performance? A regression discontinuity approach. *Management Science*, 2015, 61(11): 2549–2568. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.2038>
30. Atan R., Alam M. M., Said J., Zamri M. The impacts of environmental, social, and governance factors on firm performance: panel study of Malaysian companies. *Management of Environmental Quality*, 2018, 29(2): 182–194. <https://doi.org/10.1108/MEQ-03-2017-0033>
31. Duque-Grisales E., Aguilera-Caracuel J. Environmental, social and governance (ESG) scores and financial performance of multilatinas: moderating effects of geographic international. *Journal of Business Ethics*, 2021, 168: 315–334. <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04177-w>
32. Garcia A. S., Orsato R. J. Testing the institutional difference hypothesis: a study about environmental, social, governance, and financial performance. *Business Strategy and the Environment*, 2020, 29(8): 3261–3272. <https://doi.org/10.1002/bse.2570>
33. Nollet J., Filis G., Mitrokostas E. Corporate social responsibility and financial performance: a non-linear and disaggregated approach. *Economic Modelling*, 2016, 52: 400–407. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2015.09.019>
34. Gai K., Qiu M., Sun X. A survey on fintech. *Journal of Network and Computer Applications*, 2018, 103: 262–273. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2017.10.011>
35. Sufi A. Information asymmetry and financing arrangements: evidence from syndicated loans. *The Journal of Finance*, 2007, 62(2): 629–668.
36. Nguyen V. H., Agbola F. W., Choi B. Does corporate social responsibility enhance financial performance? Evidence from Australia. *Australian Accounting Review*, 2022, 32(1): 5–18. <https://doi.org/10.1111/auar.12347>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lflnwq>

Трансформация рынка труда и запрос на новый тип ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики

Надеждина Светлана Дмитриевна
Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск

Чистякова Ольга Александровна
Сибирский университет потребительской кооперации,
Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0002-5325-1239>
chistiakowa.ol@yandex.ru

Чистяков Алексей Андреевич
Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН, Россия, Новосибирск
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Россия, Новосибирск

Аннотация: В статье представлены основные тренды рынка труда с точки зрения запроса на новый тип ИТ-специалистов в цифровой экономике. Сформировано комплексное представление о тенденциях развития рынка труда ИТ-специалистов в условиях трансформации цифровой экономики и их взаимодействии с образовательными учреждениями путем приобретения новых профессиональных компетенций. Для определения актуальности темы научной статьи и выявления ключевых задач проведен многомерный библиометрический анализ публикационной активности по шести базовым терминам и их сочетаниям. Проведен статистический обзор численности ИТ-кадров в мире и России. Оценены изменения форм занятости и требования к профессиональным компетенциям в соответствии с парадигмой Индустрии 4.0. Подтверждена гипотеза о недостаточной гибкости и адаптивности системы высшего образования с точки зрения запросов на новый тип ИТ-специалистов. Доказана необходимость трансформации рынка труда и адаптации к новым реалиям как со стороны ИТ-компаний, так и специалистов сферы. Исследование служит предпосылкой для прогнозирования кадровой потребности и выявления структурных изменений цифровых навыков работников информационных компьютерных технологий.

Ключевые слова: библиометрический анализ, цифровая экономика, рынок труда, ИТ-специалисты, Индустрия 4.0, профессиональные компетенции

Цитирование: Надеждина С. Д., Чистякова О. А., Чистяков А. А. Трансформация рынка труда и запрос на новый тип ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 84–94. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-84-94>

Поступила 28.09.2023. Принята после рецензирования 20.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Labor Market Transformation and Demand for a New Type of IT Specialists in Digital Economy Trend

Svetlana D. Nadezhdina
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Russia, Novosibirsk

Olga A. Chistyakova
Siberian University of Consumer Cooperation, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0002-5325-1239>
chistiakowa.ol@yandex.ru

Alexey A. Chistyakov
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk
Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk

Abstract: The article presents the main trends of the labor market in terms of the demand for a new type of IT specialists in the digital economy. The article forms a comprehensive understanding of the trends in the IT specialists' labor market development in the context of the digital economy transformation and trends' interaction with educational institutions through the acquisition of new professional competencies. To determine the relevance of the topic

and identify key objectives, the authors performed a multidimensional bibliometric analysis of publication activity using six basic terms and their combinations. The article presents a statistical review of the IT personnel number in the world and Russia, the changes in the employment forms and the requirements for professional competencies in accordance with the Industry 4.0 paradigm, and confirms the hypothesis of insufficient flexibility and adaptability of the higher education system in terms of requests for a new type of IT specialists. The authors confirm the necessity for transforming the labor market and adapting to new realities on the part of both IT companies and specialists in the field. The study serves as a prerequisite for forecasting personnel needs and identifying structural changes in the digital skills of information and computer technology workers.

Keywords: bibliometric analysis, digital economy, labor market, IT-specialists, Industry 4.0, professional competencies

Citation: Nadezhkina S. D., Chistyakova O. A., Chistyakov A. A. Labor Market Transformation and Demand for a New Type of IT Specialists in Digital Economy Trend. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 84–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-84-94>

Received 28 Sep 2023. Accepted after peer review 20 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

Четвертая промышленная революция характеризуется переходом к цифровой системе функционирования общественной жизни, обусловленным развитием научно-технического прогресса, формированием информационной экономической системы, развитием глобальных коммуникаций с применением интернет-среды. Следовательно, сквозной характер цифровых технологий предопределяет взаимопроникновение и взаимодополнение факторов развития информационного общества [1].

Индустрия 4.0 породила новые парадигмы развития информационного общества. К особенностям его формирования можно отнести:

1) определение качества общественного развития по информации, поступающей из цифровых и традиционных источников;

2) формирование единого цифрового пространства, обеспечивающего доступность мировых информационных технологий при взаимодействии людей;

3) рост удельной составляющей специалистов, занятых в ИТ-сферах, коммуникациях, создание информационных услуг и продуктов;

4) распространение цифровых инноваций производственной сферы, сферы образования, управленческой деятельности, общественной и личной жизни населения [2].

До перехода к Индустрии 4.0 отечественный рынок труда ИТ-специалистов не рассматривал проблемы занятости в условиях цифровой экономики. В настоящее время человеческий и социальный капитал приобрел новый смысл и рассматривается с точки зрения цифровых компетенций [3].

Ключевой тенденцией данного периода на сегодняшний день является то, что экономика существует в условиях демографического кризиса при отсутствии кадров. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2022 г., экономическим субъектам не хватает более миллиона специалистов в области ИТ-технологий, а к 2027 г. по прогнозам этот показатель увеличится в два раза, что связано не только с релокацией за границу, но и с трудностями в образовательном секторе¹.

Рынок труда ИТ-специалистов столкнулся с необходимостью решения возникающих проблем:

1) сокращение доли молодежи в общей численности сотрудников, начавшееся с 2008 г.;

2) дефицит кадров, обусловленный уменьшением выпускников с высшим образованием по ИТ-специальностям;

3) приостановление деятельности большинства международных ИТ-компаний на территории РФ;

4) изменение потребностей двух ключевых сторон рынка труда: работодатели сконцентрировались на найме кандидатов middle и senior уровней для закрытия тактических задач, кандидаты сосредоточились на стабильности и надежности, предпочитая устойчивые, зарекомендовавшие себя компании начинающим стартапам;

5) резкое повышение заработной платы в ИТ-сфере в условиях демографического кризиса.

В этой связи одним из основных направлений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.² является модернизация отношений рынка труда ИТ-специалистов

¹ «Уже некого набирать»: Россия столкнулась с новой проблемой. *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20230508/trudoustroystvo-1870029905.html> (дата обращения: 06.09.2023).

² О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017. *СПС Гарант*.

в целях предупреждения глобальных экономических вызовов и угроз. Действенным инструментом является определение эффективной занятости населения в качестве одной из задач в сфере трудовых отношений и развития человеческого потенциала в тренде цифровой экономики [4].

Целью исследования является оценка трансформации рынка труда ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) провести многомерный библиометрический анализ публикаций по шести соответствующим тематике научной статьи базовым терминам и их сочетаниям;

2) осуществить анализ статистической информации об обеспеченности индустрии цифровой экономики и информационных технологий специалистами;

3) выявить основные тренды трансформации ИТ-специалистов в контексте цифровой экономики.

Методы и материалы

Для создания библиографического обзора, выявления трендов трансформации рынка труда и наличия запроса на новый тип ИТ-специалистов в цифровой экономике, прогнозирования направления развития исследований авторами выбран метод библиометрического анализа. Развитие количественных

исследований в последние десятилетия во многом обусловлено доступностью современных библиометрических баз данных, предоставляющих информацию о публикациях и их цитировании. Целесообразность выбранного временного отрезка (2010–2023 гг.) для проведения библиометрического анализа подтверждается изданием многочисленных утвержденных нормативно-правовых актов³.

Многомерный библиометрический анализ публикаций системы eLIBRARY.ru с использованием методологии, созданной в Новосибирском Государственном Университете и Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН [5], позволил выбрать и индексировать шесть терминов, соответствующих теме статьи. Затем был проведен поиск в базе данных eLIBRARY.ru с учетом морфологии по всем видам работ и по употреблению терминов в названиях, аннотациях и ключевых словах.

На конец 2010 г. зафиксирована 3521 публикация с шестью изучаемыми терминами (табл.). На первом месте по частоте употребления были термины P1 и P2 с долей 73 %, на втором месте – термины A1 и A2, доля которых составила 27 %. На третьем месте оказались термины Ц1 и Ц2, обнаруженные в трех научных статьях. В сентябре 2023 г. число работ, содержащих данные термины, увеличилось до 19974, и их доля в общем объеме научных публикаций

Табл. Результаты анализа публикационной активности по шести соответствующим тематике научной статьи базовым терминам и их сочетаниям

Tab. The results of the analysis of publication activity by six basic terms corresponding to the subject of the scientific article and their combinations

Термины	Годы				Темп изменения, %		
	2010	2015	2020	2023	2015 / 2010	2020 / 2015	2023 / 2020
Рынок труда (P1)	2495	5143	9849	9998	2,06	1,91	1,01
Трансформация рынка труда (P2)	61	168	428	739	2,75	2,54	1,72
Информационные технологии (A1)	519	1023	9093	9972	1,97	8,88	1,09
Специалисты информационных технологий (A2)	446	863	1366	1568	1,93	1,58	1,14
Цифровизация (Ц1)	–	–	1166	9978	–	–	–
Цифровая экономика (Ц2)	3	19	6035	9996	6,33	317,63	1,65
P1 + A1	5	22	56	79	4,40	2,54	1,41
P1 + A2	1	6	11	17	6,00	1,83	1,54
P1 + Ц1	–	–	175	455	–	–	2,60

³ О государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Распоряжение Правительства РФ № 1815-р от 20.10.2010 (ред. от 26.12.2013); Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 2036-р от 01.11.2013 (ред. от 18.10.2018); О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017; Об утверждении программы «Цифровая экономика РФ». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. *СПС КонсультантПлюс*.

Термины	Годы				Темп изменения, %		
	2010	2015	2020	2023	2015 / 2010	2020 / 2015	2023 / 2020
P1+Ц2	–	–	215	366	–	–	1,70
P2 + A1	–	–	2	2	–	–	1,00
P2 + A2	–	–	–	–	–	–	–
P2 + Ц1	–	–	23	60	–	–	2,60
P2 + Ц2	–	–	39	72	–	–	1,84
Ц1 + A1	–	–	75	189	–	–	2,52
Ц1 + A2	–	–	3	3	–	–	1,00
Ц2 + A1	1	1	179	268	1,00	179,00	1,49
Ц2 + A2	–	–	2	3	–	–	1,50
P1 + A1 + Ц1	–	–	–	–	–	–	–
P2 + A2 + Ц2	–	–	–	–	–	–	–
P1 + A1 + Ц2	–	–	1	1	–	–	1,00
P2 + A2 + Ц1	–	–	–	–	–	–	–
P1 + A2 + Ц1	–	–	–	–	–	–	–
P2 + A2 + Ц2	–	–	–	–	–	–	–
P2 + A1 + Ц2	–	–	–	–	–	–	–
P1 + A2 + Ц2	–	–	–	–	–	–	–

составила 47 % (первое место). Термины A1 и A2 заняли второе место, их доля увеличилась до 28 %. Удельный вес публикаций с терминами P1 и P2 уменьшился по сравнению с 2010 г. на 48 % и составил 25 %. Интересным является тот факт, что и в 2010, и в 2023 гг. работы по последним пяти словоформам отсутствуют.

Многомерный библиометрический анализ включает не только статистическую обработку сведений о публикациях, но и их содержательное рассмотрение. Опираясь на научные труды М. А. Аксеновой, Е. В. Максютинной, Д. Н. Десятко и др., И. А. Денисенко и др., определены внешние и внутренние факторы, влияющие на рынок труда ИТ-сферы [6–9]. В трудах Е. Г. Гавриной, Г. Н. Гужиной и В. Г. Ежковой, Е. Н. Лищук и др., Г. Г. Головенчик, К. Л. Томашевского рассмотрены ключевые позиции, способствующие формированию систематического потенциала цифровизации рынка труда [10–14]. Процессы глобализации в цифровой экономике, формирующие изменение экономической парадигмы в части риск-ориентированного подхода для сегмента рынка труда и занятости различных групп населения, представлены в трудах зарубежных ученых [15–18]. В результате анализа работ, в различной степени

затрагивающих тематику трансформации рынка труда в части запроса на специалистов ИТ-сферы, авторы пришли к выводу об отсутствии исследований, в которых данная проблематика была проанализирована при помощи совокупности современных методов библиометрии.

В исследовании использованы общенаучные и специальные методы: анализ и синтез, сравнение, индукция и дедукция. Также применялись графический и эмпирический метод, а также метод экспертных оценок, что позволило обеспечить глубину и обоснованность выводов.

Информационной базой послужили данные, представленные Министерством труда и социальной защиты РФ, Ассоциацией предприятий компьютерных и информационных технологий, рекрутинговым агентством HeadHunter, системой электронной библиотеки eLIBRARY.ru.

Результаты

Согласно прогнозному исследованию потребности в кадрах, проведенному Аналитическим центром Real-IT по инициативе Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий в 2007–2010 гг., прогнозировалась существенная

нехватка ИТ-специалистов с перспективой кадрового коллапса в случае непринятия мер по существенному увеличению подготовки ИТ-кадров в системе высшего образования⁴.

С 2010 г. наблюдался относительно медленный поступательный рост ИТ-специалистов в системе высшего образования. Были выполнены основные плановые кадровые показатели, указанные в Стратегии развития отрасли ИТ в Российской Федерации⁵. Подготовлено более 350 тыс. специалистов в области информационных технологий, из них около 125 тыс. с высшим образованием, полученным на бюджетных местах.

Удельный вес занятых в ИКТ в мире в течение последних пяти лет постоянно растет: если в 2019 г. он находился на уровне 53,2 млн человек, то в 2020 г. он составил 55,3, в 2023 г. – 62,0 млн человек⁶. Рассматривая этот показатель в качестве одного из критериев трансформации рынка труда, можно отметить, что это в первую очередь связано с пандемией, развитием технологий искусственного интеллекта и интернета вещей. Более детально долю занятых ИКТ-специалистов можно рассмотреть по странам Европейского Союза (ЕС) за 2022 г. (рис. 1⁷).

Среднеевропейское значение занятых ИКТ-специалистов составляет 5 %. При этом статистика численности ИКТ-кадров мировой цифровой экономики демонстрирует положительную динамику. По данным Евростата за 2022 г., все европейские государства (кроме Греции и Румынии) имеют 4 % или более специалистов в области ИКТ от общей численности работающих.

Численность ИКТ-специалистов в России также растет. В 2017 г. она составляла 1078 тыс. человек, в 2018 – 1100 тыс., в 2019 – 1146 тыс., в 2020 – 1239 тыс. человек. На конец 2021 г. численность достигла 1267 тыс. человек⁸. Рост количества занятых в отечественном ИТ-секторе свидетельствует об устойчивости занятости в данной сфере и тенденции ее увеличения ввиду особой востребованности.

Выявлены основные тренды трансформации ИТ-специалистов в контексте цифровой экономики:

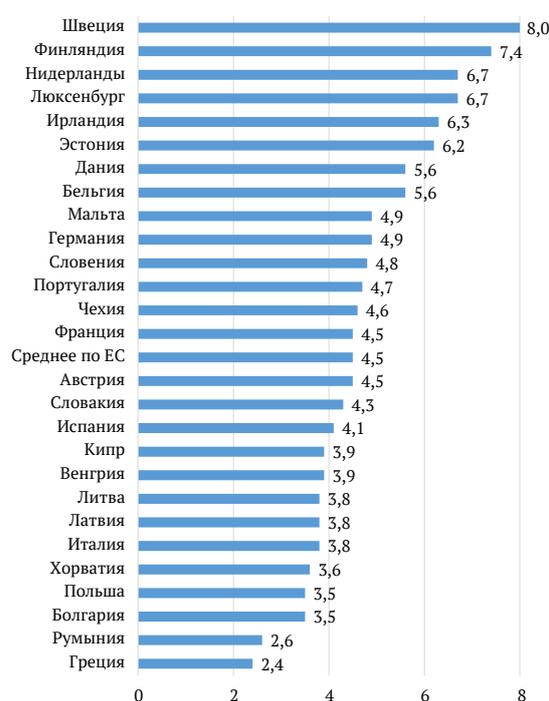

Рис. 1. Доля ИКТ-специалистов в общей численности занятых в странах ЕС, 2022 г., %

Fig. 1. Share of employed ICT specialists in the total number of employed in the EU countries, 2022, %

- появление новых форм занятости;
- сокращение рабочих мест;
- развитие отрасли образования ИТ-специалистов и изменение роли преподавателя;
- изучение потребности в новых навыках и компетенциях ИТ-специалистов.

Занятость в области ИКТ приобретает новую направленность, предоставляя индивиду многочисленные преимущества. В октябре 2021 г. Министерство труда и социальной защиты России дало следующие прогнозы на 2030 г.: рост самозанятых увеличится в 8 раз, их число составит 10–11 млн человек⁹. При этом произойдет сокращение более чем на 12 % численности работающих на основании трудового договора, масштабы теневой занятости сократятся почти в 3 раза, с 9,8 до 3,4 млн человек (рис. 2¹⁰).

⁴ О подготовке прогноза потребности в ИТ-специалистах до 2024 г. Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий. URL: <https://apkit.ru/p19.pdf?ysclid=lmg7ixu524801559564> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵ Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных...

⁶ IT Services. Statista. URL: <https://www.statista.com/markets/418/topic/483/it-services/#overview> (accessed 2 Sep 2023).

⁷ Share of Information Communication Technology (ICT) professionals in total workforce of European Union member states in 2022. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1371732/eu-digitalization-ict-professionals-share-workforce/> (accessed 2 Sep 2023).

⁸ Number of employees in the information and communications technology (ICT) industry in Russia in 2021, by sector. Statista. URL: www.statista.com/statistics/1155906/ict-employees-by-sector-russia/ (accessed 2 Sep 2023).

⁹ Минтруд представил прогноз по количеству самозанятых. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210902/samozanyatyie-1748269847.html?ysclid=lspxtaps145325178> (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁰ Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Волкова Г. Л., Гохберг Г. М. Индикаторы цифровой экономики: 2020. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.

Рис. 2. Структурные сдвиги форм занятости в 2020 и 2030 гг., млн человек
Fig. 2. Structural shifts in forms of employment in 2020 and 2030, million people

Все ИТ-специалисты различных уровней образования, в т.ч. имеющие смежные специальности в области инженерии, будут полностью востребованы. Главная тенденция рынка труда ИТ-специалистов – выполнение работы дистанционно из любой точки мира вместо работы в офисе, согласно локальному документу организаций, правилам внутреннего трудового распорядка. В результате исчезает территориальная и организационная «привязка» работника к работодателю, что и приведет к появлению новых альтернативных форм занятости:

- Самозанятость. Самозанятые – это «физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд»¹¹. С 2020 г. по настоящее время по данным ФНС, количество лиц, получивших статус самозанятого возросло до 6 млн человек¹².

- Временные контракты – форма занятости, при которой сотрудник принят на ограниченный срок, как правило, не более 6 месяцев. Такая форма трудоустройства применяется, когда предприятиям необходимы работники на короткий срок, например для выполнения определенного проекта или при закрытии сезонных работ. Особенность временного трудоустройства заключается в том,

что работник привлекается на определенный срок и не имеет гарантий на долгосрочное трудоустройство. К тому же, он не получает те же льготы и преимущества, что и работники с постоянным трудоустройством, такие как больничный, отпуск и выплаты при увольнении¹³.

- Проектная работа – категория, объединяющая совершенно разные подходы к организации деятельности. Например, выделяются традиционный проектный подход, а также группа гибких методологий управления проектами (agile-методологии) [19].

В этом контексте целесообразно выделить развитие самозанятости ИТ-специалистов, причинами которой стали пандемия и введение специального налогового режима с 1 июля 2020 г. Такая смена трудовых установок обусловила распространение удаленного режима работы, что является наиболее оптимальным вариантом как для сотрудников, так и для работодателей. Работодатели могут оптимизировать свои расходы, что позволит им в дальнейшем увеличить прибыльность своего предприятия. Данная тенденция послужит наиболее гибкой адаптацией экономической системы в рамках нестабильной ситуации. В этом случае возникает возможность мобильности трудового потенциала, что обусловлено привлечением специалистов из других регионов. В 2022 г. тенденция набрала обороты даже в тех сферах деятельности, в которых такой формат работы был не характерен. По прогнозам экспертов ProPersonnel, «уровень самозанятых увеличится на 30–40 %, рост альтернативных форм занятости приведет к снижению доходов удаленных и внештатных специалистов на 10–20 %»¹⁴.

Одна из главных особенностей временного трудоустройства – работник является наймодателем, а не работодателем. Именно он решает, какими проектами ему хочется заняться и сколько времени потребуется для их реализации. Как правило, сотрудник, работающий по временному контракту, получает оплату за выполненную работу, а не за фиксированный период. Это позволяет как работнику, так и нанимателю экономить время и средства, а также осуществлять более гибкие и быстрые решения в проектах [20].

Однако, несмотря на все преимущества, временное трудоустройство имеет и свои недостатки.

¹¹ Налоговый кодекс РФ (часть первая) № 146-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 19.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). Ст. 83.

¹² 6 млн самозанятых зарегистрированы в России. Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12722528/?ysclid=lspsy44nt32277110728 (дата обращения: 03.09.2023).

¹³ Преимущества и недостатки временной работы. Электронный журнал «Я – специалист по кадрам». URL: https://www.spok.by/izdaniya/ya-spok/preimushchestva-i-nesostatki-vremennoi-r_0000000 (дата обращения: 03.09.2023).

¹⁴ ProPersonnel: 5 главных трендов рынка труда России в 2021 г. Inthepress.ru. URL: <http://inthepress.ru/press/p445121.html> (дата обращения: 03.09.2023).

Работники могут чувствовать нестабильность и беспокойство, опасаться, что они останутся без работы после завершения контракта. Для предприятий может быть несколько сложнее строить планы на долгосрочную перспективу.

Основные принципы временного трудоустройства:

1. Гибкость – позволяет работодателям гибко управлять своими кадрами в соответствии с изменяющимися потребностями бизнеса. Работники также могут экспериментировать с разными видами работ, накапливать опыт и узнавать, что больше всего подходит их навыкам и интересам.

2. Экономия – может быть выгодным для предприятий, которые не могут позволить себе постоянную наемную рабочую силу. Это также сокращает издержки, связанные с оплатой отпусков, больничных и прочих социальных льгот.

3. Многопрофильность – временные работники могут быть заняты на разных должностях в различных отраслях, что обеспечивает многопрофильность и предоставляет возможность расширить кругозор, узнав больше об отраслях, в которых они заняты.

Существует много факторов, стимулирующих молодежь к проектной работе как одной из основных форм взаимодействия с работодателем. При наличии возможности самостоятельного планирования своего времени, интенсивности труда и смены вида деятельности вузам необходимо проводить мониторинг трудоустройства выпускников, особенно в контексте возможной зависимости контрольных цифр приема по различным направлениям ИТ-подготовки от количества трудоустроенных по специальности выпускников и уровня их доходов [1].

К альтернативным типам форм занятости для специалистов ИКТ можно также отнести фриланс, аутсорсинг, аутстаффинг, краудстаффинг, краудфандинг, работа в облаке, телеработа. В некоторых случаях указанные атипичные виды дублируют и дополняют друг друга [21]. Из приведенных видов и типов форм занятости, в рамках каждого из них происходит не только количественное, но и качественное преобразование адаптационных способностей ИТ-специалистов к новым реалиям времени.

Сокращение рабочих мест. Выделяются следующие условия формирования цифрового рынка труда: применение робототехники нового поколения; развитие интернета вещей; развитие информационных технологий, обуславливающих формирование новой системы производственной деятельности; аддитивное производство; развитие системы сквозных

технологий; применение электрических транспортных средств; использование робомобилей; система распределенного реестра (блокчейн); использование биотехнологий в промышленности; применение технологий виртуальной реальности.

Данные факторы оказывают значительное влияние на рынок труда, что может вызвать некоторые затруднения в части сокращения рабочих мест. По мнению О. И. Клименко и др., цифровые технологии послужат формированию проблемных аспектов рынка труда, в частности, возрастет уровень безработицы, т.к. цифровая грамотность населения находится на низком уровне [22]. Это может привести к тому, что человек будет чувствовать свою ненужность, отстраненность, повлечь за собой депрессию и психологический стресс. С точки зрения развития производства сократится или вовсе прекратится уплата отдельных видов налогов, что является проблемой региона страны.

Развитие отрасли образования ИТ-специалистов и изменение роли преподавателя. Новые технологии, влияющие на развитие рынка труда в процессе цифровизации экономики, позволяют заполнять вакантные места в формирующемся национальном ИТ-секторе и приводят к возникновению дисбаланса системы образования и потребностей рынка труда. Зарубежные исследователи отмечают, что преподавание трансформировалось в сторону нетрадиционных форм обучения [23]. В российских вузах преподаватель информационных дисциплин выполняет роль посредника, проверяя расчетно-графические работы на онлайн-платформах. Другая роль заключается в модераторстве знаний обучающихся с помощью онлайн-курсов и итоговых экзаменов.

Минцифры РФ разрабатывает стандарты подготовки специалистов информационной безопасности, поскольку в условиях изменений геополитической обстановки организации и государственные структуры чаще подвергаются хакерским нападениям, эксплуатирующим уязвимости и приводящим к утечкам персональных данных.

Изучение потребности в новых навыках и компетенциях ИТ-специалистов. Образовался переизбыток ИТ-специалистов начального уровня. По данным платформы HeadHunter, количество откликов на ИТ-вакансии в России в первом квартале 2023 г. увеличилось до 23,4 млн (на 44 %) по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. При этом количество размещенных вакансий возросло до 274,9 тыс. (на 7 %) за тот же период¹⁵.

¹⁵ Рынок труда в России (ИТ и телеком). TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/a/117015> (дата обращения: 05.09.2023).

Сочетание мер государственной поддержки и удаленного характера работы привело к тому, что значительная масса молодежи устремилась на дистанционные курсы обучения ИТ-специальностям. Именно они в первую очередь являются соискателями позиций ИТ-специалистов. В результате наблюдается переизбыток кандидатов на позиции junior с завышенными ожиданиями к заработной плате при низкой квалификации, не позволяющей принимать их на работу. Проблема не столько в мотивации молодых людей к обучению программированию, сколько в том, что необходимо стимулировать учебные центры ИТ-компаний довести уровень прошедших обучение на дистанционных курсах до уровня junior+.

Как показывает современная действительность, структура рынка труда ИТ-специалистов изменилась. Быстро исчезают многие традиционные профессии, появляются новые, носящие межпрофессиональный характер [24]. Условия труда на рабочих местах ИТ-специалистов требуют развития новых навыков – общих компетенций:

- поведенческие компетенции: планирование, организация времени; ответственность за результат; стрессоустойчивость, гибкость; активность в самообучении;
- цифровые компетенции: применение профессиональных и универсальных программ; обработка больших массивов данных; системный анализ и оценка информации; информационная безопасность;
- коммуникативные компетенции: работа в команде, сотрудничество; готовность обучать других; ведение деловой переписки; ведение переговоров;
- общепредметные компетенции: основы проектной деятельности; основы охраны и безопасности труда; основы цифровой грамотности; основы бережливого производства; основы финансовой грамотности.

Формы занятости меняются, возрастает сложность профессиональных задач в ИТ-отрасли. Приведенные авторами значимые общие компетенции выделены на основе анализа данных Агентства

стратегических инициатив¹⁶, Партнерства за обучение 21-го века, или P21¹⁷, Научного центра Европейского Союза DigComp¹⁸. Общим для зарубежных и отечественных экспертов является нацеленность на подготовку специалиста, обладающего поведенческими, цифровыми, коммуникативными, общепредметными компетенциями, которые отвечали бы вызовам будущего. Развитие искусственного интеллекта позволит изменить некоторые профессиональные компетенции сотрудников и обусловит формирование новых производственных заданий, оптимизируя трудовую деятельность. Основные навыки сотрудников будут нацелены на формирование стратегических задач и развитие критического мышления вместо рутинной работы.

По прогнозу Всемирного экономического форума, в сфере ИТ останутся востребованными бизнес-аналитики, аналитики по информационной безопасности, специалисты в области искусственного интеллекта и машинного обучения, Big Data, цифровой трансформации¹⁹. На взгляд авторов, данный прогноз применим и для цифровой трансформации рынка труда ИТ-специалистов в РФ.

Заключение

Цифровизация рынка труда и предъявление новых навыков и компетенций к ИТ-специалистам рассматривается как важная составляющая экономического роста. В процессе трансформации рынка труда появились альтернативные формы занятости, которые отвечают запросам нового типа специалистов ИКТ.

В исследовании рассмотрены основные тренды трансформации рынка труда ИТ-специалистов. На основе данных многомерного библиометрического анализа и статистических сборников выявлена динамика в процессе структурных вызовов и смены трудовых установок. Так как человеческий труд в ИТ-сфере стали заменять технологии машинного обучения, иммерсивной реальности и облачных вычислений, то структура рынка труда находится в активном процессе трансформации. Структурные изменения коснулись характера трудовой деятельности посредством предъявления совершенно новых навыков и компетенций. Очень важно

¹⁶ Атлас новых профессий. URL: https://atlas100.ru/future/crossprofessional_skills/rabota-v-usloviyakh-neopredelennosti/?ysclid=lp9512z8d6753258116 (дата обращения: 19.08.2023).

¹⁷ Образовательный проект P21: ключевые компетенции XXI в. *LGEG*. URL: <https://lgeg.ru/articles/tpost/zpuc9rro31-obrazovatelniiproekt-p21-klyuchevie-kom?ysclid=lp958pe9nq275083992> (дата обращения: 17.08.2023).

¹⁸ DigComp Framework. *EU Science Hub*. URL: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/digcomp/digcomp-framework_en (accessed 19 Sep 2023).

¹⁹ Всемирный экономический форум назвал востребованные профессии на ближайшие 5 лет. *Timeweb.com*. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/vsemirnyy-ekonomicheskij-forum-nazval-vostrebovannyye-professii-na-blizhayshie-5-let> (дата обращения: 13.09.2023).

осознавать, что в предстоящем десятилетии многие виды работ могут оказаться под влиянием автоматизации, что приведет к существенному изменению требуемых от специалистов навыков. С учетом ускоряющегося развития технологий особое внимание будет уделяться способности работников к постоянной адаптации и усвоению новых навыков и подходов в разнообразных контекстах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. Д. Надеждина – определение основных трендов трансформации ИТ-специалистов в контексте цифровой экономики, их эмпирический анализ. О. А. Чистякова – структурное описание проблем научной статьи и описание возможностей их решения, структурный анализ рынка труда и выявление значимых общих компетенций для ИТ-специалистов, по которым имеется потребность

в развитии. А. А. Чистяков – многомерный библиометрический анализ публикационной активности по шести базовым терминам и их сочетаниям, соответствующим тематике научной статьи, анализ статистической информации по указанным информационным базам.

Contribution: S. D. Nadezhdina discovered the main trends in the transformation of IT specialists in the context of the digital economy and carried out their empirical analysis. O. A. Chistyakova proposed a structural description of the scientific article's problems and the methods to solve them, performed a structural analysis of the labor market and identified the significant common competencies for IT specialists in need for development. A. A. Chistyakov carried out a multidimensional bibliometric analysis of publication activity for six basic terms and their combinations corresponding to the subject of the article, analyzed statistical data.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01298 «Рынок труда в цифре».

Funding: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01298 "Digital Labor Market".

Литература / References

1. Коновалова Т. Л. Российский рынок труда в условиях цифровой трансформации. *Профессиональная ориентация*. 2019. № 2. С. 15–20. [Konovalova T. L. The Russian labor market in the context of digital transformation. *Professionalnaia orientatsiia*, 2019, (2): 15–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbdprz>
2. Шевякова А. Л., Петренко Е. С., Уразбеков А. К. Развитие компетенций для Индустрии 4.0: квалификационные требования и решения. *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Т. 10. № 1. С. 85–102. [Shevyakova A. L., Petrenko E. S., Urazbekov A. K. Competences development for Industry 4.0: qualification requirements and solutions. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2020, 10(1): 85–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100690>
3. Ларионова Н. И., Юрьева О. В., Бурганова Л. А. Рынок труда в условиях трансформации экономики. *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 4. С. 90–97. [Larionova N. I., Yurieva O. V., Burganova L. A. The labor market in the context of digital transformation of the economy. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2022, (4): 90–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/toaiwp>
4. Лохтина Т. Н., Метелица В. И. Рынок труда и социально-экономические проблемы населения России. *Вестник евразийской науки*. 2019. Т. 11. № 1. [Lokhtina T. N., Metelitsa V. I. Labor market and socio-economic problems of the Russian population. *The Eurasian Scientific Journal*, 2019, 11(1). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hxseot>
5. Лычагин М. В., Лычагин А. М. Экосистемы в научной литературе по бизнесу и экономике с позиции многомерного библиометрического анализа. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2021. Т. 14. № 6. С. 7–28. [Lychagin M. V., Lychagin A. M. Ecosystems in scientific literature on business and economics from the perspective of multidimensional bibliometric analysis. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2021, 14(6): 7–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/Е.14601>
6. Аксенова М. А. Рынок труда в структуре задач реализации Национального Проекта «Производительность труда и поддержка занятости». *Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции*: XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Липецк, 17 апреля 2019 г.) Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина,

2019. С. 69–74. [Aksenova M. A. The labor market in the structure of tasks for the implementation of the National Project "Labor Productivity and Employment Support". *Global transformation of Russia in the era of digitalization: problems, features, trends*: XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Lipetsk, 17 Apr 2019. Yelets: Bunin Yelets State University, 2019, 69–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zasulr>
7. Максютин Е. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда. *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 3. С. 203–207. [Maksyutina E. V. New technologies and their impact on the labor market. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2020, (3): 203–207. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.040>
 8. Десятко Д. Н., Рапоф В. Б., Лушкин А. Ю. Технологические изменения и новые тренды занятости. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020. № 4. С. 17–23. [Desyatko D. N., Rapof V. B., Lushkin A. Yu. Technological changes and new trends of employment. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2020, (4): 17–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jkpfyl>
 9. Денисенко И. А., Кузубов А. А., Шашло Н. В. Основные траектории трансформации рынка труда и трудовых ресурсов в условиях цифрового и поствирусного трендов преобразования общества. *Право и управление. XXI век*. 2021. Т. 17. № 3. С. 52–61. [Denisenko I. A., Kuzubov A. A., Shashlo N. V. The main trajectories of transformation of the labor market and labor resources in the context of digital and post-viral trends in the transformation of society. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2021, 17(3): 52–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-52-61>
 10. Гаврина Е. Г. Влияние цифровой экономики на развитие современного рынка труда. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2017. Т. 9. № 4. С. 28–40. [Gavrina E. G. Impact of the digital economy on the development of modern labor market. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, 2017, 9(4): 28–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2017-9-4-28-40>
 11. Гужина Г. Н., Ежкова В. Г. Трансформация рынка труда под влиянием цифровой экономики. *Инновации и инвестиции*. 2019. № 9. С. 56–59. [Guzhina G. N., Ezhkova V. G. Transformation of the labor market under the influence of the digital economy. *Innovations and Investments*, 2019, (9): 56–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mkxqkx>
 12. Лищук Е. Н., Капелюк С. Д., Чистякова О. А. Рынок труда в эпоху цифровизации. *Эффективность сферы товарного обращения и труда: VIII Писаренковские чтения*. (Гомель, 20 октября 2022 г.) Гомель: БТЭУ, 2022. С. 53–56. [Lishchuk E. N., Kapelyuk S. D., Chistyakova O. A. Labor market in the digitalization era. *Efficiency of the sphere of commodity circulation and labor: Proc. VIII Pisarenkov readings, Gomel, 20 Oct 2022*. Gomel: BTEU, 2022, 53–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bvrhit>
 13. Головенчик Г. Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике. *Цифровая трансформация*. 2018. № 4. С. 27–43. [Goloventchik G. G. Transformation of the labor market in the digital economy. *Cifrovaja transformacija*, 2018, (4): 27–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yxtojv>
 14. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020. Т. 11. № 2. С. 398–423. [Tomashevski K. L. Digitalization and its impact on the labour market and employment relations (theoretical and comparative legal aspects). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, 11(2): 398–423. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
 15. Bögenhold D. From hybrid entrepreneurs to entrepreneurial billionaires. Observations on the socioeconomic heterogeneity of self-employment. *American Behavioral Scientist*, 2019, 63(2): 129–146. <https://doi.org/10.1177/0002764218794231>
 16. Lee N., Clarke S. Do low-skilled workers gain from high-tech employment growth? High-technology multipliers, employment and wages in Britain. *Research Policy*, 2019, 48(9). <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.05.012>
 17. López-Igual P., Rodríguez-Modroño P. Who is teleworking and where from? Exploring the main determinants of telework in Europe. *Sustainability*, 2020, 12: 1–15. <https://doi.org/10.3390/su12218797>
 18. Watermeyer R., Crick T., Knight C., Goodall J. COVID-19 and digital disruption in UK universities: afflictions and affordances of emergency online migration. *Higher Education*, 2021, 81(3): 623–641. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00561-y>
 19. Пряженников М. О. Проектная занятость в трудовом законодательстве России и стран Северо-Восточной Азии (Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея). *Ежегодник трудового права*. 2021. № 11. С. 277–287. [Pryzhennikov M. O. Project employment in the labor legislation of Russia and the countries of North-East Asia (People's Republic of China, Japan, Republic of Korea). *Russian Journal of Labour & Law*, 2021, (11): 277–287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eqptua>

20. Кройтор С. Новые модели бизнеса и нетрадиционные формы занятости в условиях цифровой трансформации: взгляд социолога. *Общество и экономика*. 2019. № 3. С. 136–154. [Kroitov S. New business models and non-standard forms of employment in conditions of digital transformation: sociologist's perspective. *Society and Economics*, 2019, (3): 136–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020736760004295-3>
21. Орехова И. М. Альтернативные формы занятости как способ адаптации к изменениям экономической ситуации на российском рынке труда. *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 24. С. 108–112. [Orekhova I. M. Alternate forms of employment as a way of adaptation to economic changes in the Russian labour market. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, (24): 108–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcojqr>
22. Клименко О. И., Безуглова Ю. В., Иголкина Т. Н. Рынок труда в тренде цифровой трансформации. *Вестник Белгородского университета потребительской кооперации, экономики и права*. 2023. № 1. С. 90–99. [Klimenko O. I., Bezuglova Yu. V., Igolkina T. N. Labor market in the trend of digital transformation. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, 2023, (1): 90–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2023-1-90-99>
23. Avis J. Socio-technical imaginary of the fourth industrial revolution and its implications for vocational education and training: a literature review. *Journal of Vocational Education & Training*, 2018, 70(3): 337–363. <https://doi.org/10.1080/13636820.2018.1498907>
24. Колоскова Н. В., Чистякова О. А. Трансформация финансового рынка и запрос на новый тип специалистов. *Финансы и кредит*. 2020. Т. 26. № 10. С. 2290–2309. [Koloskova N. V., Chistyakova O. A. Financial market transformation and demand for a new type of specialists. *Finance and Credit*, 2020, 26(1): 2290–2309. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/fc.26.10.2290>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/grbnro>

Формирование системы оценки эффективности бизнес-процессов на базе SMART-подхода

Новичкова Инна Алексеевна

Московский государственный университет спорта и туризма,
Россия, Москва<http://orcid.org/0009-0001-6681-2066>

Удалов Денис Эдуардович

Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Россия, Москва<http://orcid.org/0000-0002-9248-3470>

Платов Алексей Владимирович

Московский государственный университет спорта и туризма,
Россия, Москва<http://orcid.org/0000-0002-8039-9992>aplato@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования определяется необходимостью объективной оценки эффективности деятельности предприятий и их отдельных бизнес-процессов в условиях турбулентности макросреды бизнеса. Агрессивные и изменчивые условия определяют необходимость изучения и использования инновационных и прогрессивных парадигм менеджмента, которые в состоянии обеспечивать конкурентоспособность предприятий на целевых рынках. Предмет исследования – совокупность принципов оценки эффективности бизнес-процессов хозяйствующего субъекта на основе системы определенных показателей. Цель – разработать методику оценки эффективности бизнес-процессов предприятия на основе SMART-подхода. Авторы представили свое видение групп показателей, с помощью которых определяется эффективность бизнес-процессов. Для отражения требований к показателям эффективности бизнес-процессов использован SMART-подход, способствующий правильному формулированию желаемого результата и обеспечивающий понимание направления. На базе синтеза концепций сбалансированной системы показателей, функционально-стоимостного анализа и ключевых факторов успеха создана оригинальная модель оценки эффективности бизнес-процессов.

Ключевые слова: показатель эффективности, бизнес-процесс, SMART-подход, оценка, функционально-стоимостной анализ, система сбалансированных показателей

Цитирование: Новичкова И. А., Платов А. В., Удалов Д. Э. Формирование системы оценки эффективности бизнес-процессов на базе SMART-подхода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 95–105. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-95-105>

Поступила 04.01.2024. Принята после рецензирования 14.02.2024. Принята в печать 15.02.2024.

full article

Developing a System for Evaluating the Business Processes' Effectiveness Based on the SMART Approach

Inna A. Novichkova

Moscow State University of Sports and Tourism, Russia, Moscow
<http://orcid.org/0009-0001-6681-2066>

Denis E. Udalov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow<http://orcid.org/0000-0002-9248-3470>

Alexey V. Platov

Moscow State University of Sports and Tourism, Russia, Moscow
<http://orcid.org/0000-0002-8039-9992>aplato@yandex.ru

Abstract: Aggressive and volatile business environment determines the need to study and use innovative and progressive management paradigms that are able to ensure the competitiveness of enterprises in target markets.

The subject of the study is a set of theoretical and applied principles for evaluating the effectiveness of economic entity's business processes based on a system of certain indicators. The purpose of the study is to develop a methodology for evaluating the effectiveness of enterprise's business processes based on the SMART approach. The authors present their vision of the groups of indicators that can be used to determine the effectiveness of business processes. The study uses a SMART approach to setting goals, which helps to correctly formulate the desired result and provides an understanding of the direction. The authors propose an approach to evaluating the business processes' effectiveness based on six criteria: process efficiency, efficiency of providing the necessary resources, product cost, resource productivity, length of one technological cycle, adaptability of the process. Based on the synthesis of concepts such as the balanced scorecard, functional and cost analysis, and key success factors the authors create an original model for evaluating the effectiveness of business processes.

Keywords: performance indicator, business process, SMART approach, evaluation, function cost analysis, balanced scorecard

Citation: Novichkova I. A., Platov A. V., Udalov D. E. Developing a System for Evaluating the Business Processes' Effectiveness Based on the SMART Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 95–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-95-105>

Received 4 Jan 2024. Accepted after peer review 14 Feb 2024. Accepted for publication 15 Feb 2024.

Введение

Агрессивность и турбулентность макросреды современных предприятий требует постоянного совершенствования процесса управления. Такая ситуация диктует необходимость исследования и применения инновационных и прогрессивных парадигм управления, обеспечивающих конкурентоспособность хозяйствующих субъектов на целевом рынке. Однако прежде чем эффективно управлять чем-либо, следует оценить это определенным образом, а затем обосновать конкретные цели, которые должны быть достигнуты, основываясь на таком анализе. Структуру системы бизнес-процессов современной компании необходимо непрерывно актуализировать в связи с очень высокой динамичностью внешней рыночной среды [1]. Таким образом, соответствующая система показателей оценки эффективности бизнес-процессов становится существенным фактором поддержания конкурентоспособности компании. Подобная система обеспечит компании возможность своевременно обнаруживать отклонения и использовать механизм реинжиниринга для бизнес-процессов, продемонстрировавших малую эффективность [2].

Способ оценки эффективности бизнес-процессов следует рассматривать как метод определения их ключевых параметров с учетом их взаимосвязи друг с другом, а также внешние факторы воздействия [3]. Процессный подход к управлению основан на бизнес-процессах, которые представляют собой динамическую картину того, как предприятие создает продукты или услуги [4]. Система управления предприятием должна иметь целью рост эффективности

функционирования, что делает необходимым наличие механизмов анализа эффективности и качества принятия решений. Такой анализ поможет выявить существующие несоответствия и устранить их причины, а также предотвратить их возможное возникновение. Именно процессный подход является эффективным и актуальным средством достижения конкурентных преимуществ, поскольку он фокусирует деятельность предприятия на бизнес-процессах и ориентирует систему общего менеджмента предприятия на управление каждым бизнес-процессом в отдельности и их совокупностью в целом и / или в рамках определенных проектов, которые реализуются предприятием [5–7].

В настоящее время динамика бизнес-процессов резко возрастает под влиянием трансформаций потребностей рынка, ориентации товаров и услуг на индивидуальные потребности клиентов, постоянного совершенствования технических и технологических возможностей. Именно поэтому диагностика уровня эффективности бизнес-процессов стала одной из приоритетных задач, требующих решения как в научных исследованиях, так и в бизнесе. Применение моделей оценки эффективности бизнес-процессов позволяет привести их в соответствие с бизнес-стратегией, которая предусматривает выбор показателей эффективности в зависимости от типа предприятия и его специфики хозяйственной деятельности [8].

Соответствие между приоритетами предприятия и целями бизнес-процессов является необходимым условием эффективного и перспективного

развития [9]. Политика управления процессами определяется ключевыми бизнес-стратегиями, содержащими векторы деятельности организации. Н. М. Santos et al. подчеркивают, что критическим фактором является необходимость измерения в управлении процессами [10]. Поэтому становится необходимым использовать инструменты, отслеживать эффективность процессов, способствуя проверке того, насколько хорошо эти процессы соответствуют поставленным стратегическим целям [11]. P. Trkman утверждает, что вопросы, связанные с показателями эффективности и определением того, что следует измерять, должны быть напрямую связаны со стратегическими приоритетами каждой организации [12]. Инициативы, выдвигаемые в рамках менеджмента процессов, необходимо оценивать, чтобы проверить соответствие между стратегическими, тактическими и операционными аспектами процессов, что позволит проверить результаты на соответствие намеченным целям. Бизнес-процессы должны разрабатываться администрацией после установления показателей эффективности, которые должны отражать желаемое направление и служить основой для контроля процессов [13].

Процесс управления предприятием должен основываться на обоснованных и осознанных управленческих решениях, которые позволят рационализировать и обновить его систему. Специфика и измеримость целей требуют введения определенных количественных показателей, с помощью которых можно отслеживать и измерять процессы, а также оценивать общую эффективность организации. Исходя из вышеизложенного, анализ существующих подходов и методов оценки эффективности бизнес-процессов хозяйствующих субъектов с использованием определенных показателей является весьма актуальным и требует всестороннего исследования. Цель исследования – разработать методику оценки эффективности бизнес-процессов предприятия на основе результатов теоретических исследований подходов к процессному управлению и бизнес-процессов.

Результаты

Правильный выбор показателей, с помощью которых наиболее целесообразно оценивать бизнес-процессы, является основой для разработки и эффективного применения способа их оценки. Чтобы более точно определить основные характеристики бизнес-процессов, их следует сгруппировать на качественные и количественные, а также на характеризующие бизнес-процесс в целом и оценивающие отдельные компоненты: продукт, ресурсы, клиента и т. д. [14].

При создании общей системы показателей для оценки бизнес-процессов целесообразно придерживаться ряда рекомендаций. Количество показателей должно быть ограниченным, но достаточным для полного управления бизнес-процессом. Каждый из показателей должен поддаваться измерению, затраты на измерение бизнес-процесса не должны превышать управленческий эффект от его использования. Необходимо разработать набор показателей для оценки всех аспектов бизнес-процесса (финансовых, технических, времени выполнения, качества, структуры) и, кроме того, сформировать интегрированный показатель для комплексной оценки эффективности бизнес-процессов. Обобщенная система показателей должна быть тщательно структурирована для того, чтобы определить, какая часть бизнес-процесса содержит проблему.

Количественные показатели бизнес-процесса подчиняются ряду требований, выполнение которых дает четкое представление об оцениваемом компоненте бизнес-процесса. По мнению авторов, лучше всего эти требования удовлетворяет методология разработки SMART-целей [15], которая может быть преобразована и использована для выбора показателей эффективности бизнес-процесса. В соответствии с критериями выбора показателей эффективности бизнес-процессов приведены их основные атрибуты с учетом вектора оценки (табл.).

В соответствии с вышеупомянутыми требованиями к показателям бизнес-процессов мы предлагаем провести оценку в соответствии с установленным методом из шести критериев:

1) Эффективность процесса. Оценка эффективности бизнес-процесса имеет фундаментальное значение и включает в себя измерение количества входных ресурсов и ресурсов, потребляемых в ходе оптимального процесса в соответствии с установленными стандартами (нормами, регламентами). В соответствии с этим требованием каждый бизнес-процесс должен содержать цель (определение целевого клиента и его потребностей, которые необходимо удовлетворить); уникальный способ сочетания ресурсов для достижения заданной цели; целевую рентабельность предприятия.

2) Эффективность предоставления необходимых ресурсов. Этот элемент определяет способность предприятия полностью обеспечить бизнес-процесс необходимыми ресурсами в определенные сроки. Если процесс не может быть ресурсоемким, это приведет к результирующей асимметрии данных.

3) Стоимость продукта, получаемого в результате конкретного бизнес-процесса. Этот показатель дает возможность оценить общие затраты на производство

Табл. Атрибуты показателей эффективности бизнес-процессов на основе требований SMART-подхода
 Tab. Attributes of business process performance indicators based on the SMART approach requirements

Количественное поперечное сечение				
Specific (конкретная)	Четко определены с возможностью оценки их динамических изменений	Четко определены с полным пониманием их достижимости предприятием	Показатель должен отражать уровень достижимости цели	Четко определены временные рамки для достижения определенного показателя
Способность квалифицированно измерять четко определенные показатели	Measurable (измеримая)	Предельные значения показателей должны быть достижимы при оптимальном использовании ресурсов предприятия	Изменение показателя должно отражать уровень достижимости цели	Возможность определения и измерения показателя в любое время
Четко определенные цели с полным пониманием их достижимости предприятием	Предельные значения экспертных показателей оценки должны отражать максимально достижимый результат при оптимальном использовании ресурсов предприятия	Achievable (достижимая)	Способность достигать целей	Ограничение по времени на достижение целей
Показатель должен отражать достижимость цели	Изменение показателя должно коррелировать с уровнем достижимости цели	Способность достигать целей	Relevant (значимая)	Способность достигать показателей эффективности в определенные сроки
Четко определенные временные рамки для достижения определенного показателя	Возможность проведения экспертной оценки в любое время	Ограничение по времени достижения целей	Способность достигать целей в определенные сроки	Time-bound (ограниченная во времени)
Качественное поперечное сечение				

и поставку товаров заказчикам процесса. Затраты, связанные с проданными товарами, определяются для бизнес-процесса, независимо от того, прямо или косвенно он участвует в производстве определенных товаров.

4) Производительность ресурсов, задействованных в бизнес-процессе. Этот элемент позволяет определить соотношение между стоимостью произведенных товаров и ресурсами, потребляемыми процессом, включая материальные или нематериальные ресурсы, затраты на рабочую силу и другие виды ресурсов, потребляемых в бизнес-процессе.

5) Время, необходимое для завершения одного технологического цикла. Характеризуется временным интервалом между вводом (мобилизацией ресурсов), их преобразованием и получением требуемого результата.

6) Адаптивность процесса. Характеризуется соответствием определенного процесса целевым потребностям клиента в определенные сроки (соответствие определенным нормативным актам и стандартам качества, экологичности, безопасности).

Оценка этих критериев бизнес-процесса дает возможность определить соответствие между потребительским спросом и результатами, получаемыми предприятием.

При анализе бизнес-процессов наиболее важными являются их внутренние параметры, поскольку их анализ позволяет сформировать представление о внутреннем потенциале предприятия, ориентированном на повышение эффективности бизнеса. Мы предлагаем рассматривать внутренние показатели эффективности бизнес-процессов с четырех точек зрения, в зависимости от объекта (рис. 1).

Рис. 1. Векторы внутренних показателей эффективности бизнес-процессов
Fig. 1. Vectors of internal business process performance indicators

Оценка эффективности бизнес-процессов не всегда позволяет анализировать их с использованием исключительно количественных показателей из-за невозможности охватить несколько характеристик и результатов бизнес-структуры. В данном случае используются качественные показатели, оценка которых в некоторой степени субъективна, основана на экспертных методах наблюдений за реализацией бизнес-процессов и полученными результатами. В предложенной модели в ходе оценки бизнес-процессов опираются не только на количественные показатели, но и на качественный срез внутренних показателей эффективности бизнес-процессов.

Финансовые показатели отражают количество ресурсов, использованных в процессе, и полученный результат. Временные показатели подчеркивают эффективность использования времени в процессах, позволяют обнаруживать избыточные функции и определять количество простоев. Показатели гибкости и адаптивности должны включать характеристику особенностей оборудования, технологий и имеющегося персонала, используемых в процессе, а также их способность изменяться в соответствии с рыночными условиями. Группа качественных показателей отражает уровень соответствия товаров предприятия эталонному продукту, ожидаемому на рынке.

Применение методологических подходов к качественному анализу бизнес-процессов предоставляет возможность структурировать их, устранить «узкие места» и определить порядок улучшения. Методы качественной оценки бизнес-процессов основаны на сравнительных характеристиках, визуальном изучении графиков, а также на экспертных оценках. Однако существующие методы качественного анализа характеризуются субъективностью и определенной размытостью получаемой информации, что не позволяет принимать взвешенные стратегические управленческие решения.

В отличие от качественных методов оценки бизнес-процессов, количественные методы позволяют избежать субъективных оценок и неверных интерпретаций, полученных из-за отсутствия формализации выводов экспертов или руководителей бизнеса. Поскольку объективность результатов является важным аспектом оценки бизнес-процессов, по нашему мнению, преимущественно должны использоваться количественные методы оценки бизнес-процессов с учетом сбалансированного подхода. Он заключается в выборе и описании всех существующих бизнес-процессов предприятия; определении экономической эффективности трудовых, материальных, финансовых и других ресурсов; определении комплексного показателя эффективности бизнес-процессов; сравнении эффективности бизнес-процессов с аналогичными бизнес-процессами других предприятий.

На наш взгляд, наиболее важным фактором для измерения эффективности бизнес-процессов организации является менеджмент бизнес-процессами (МБП) [16], который рассматривает бизнес-процессы как активы, подлежащие управлению. В частности, организация может более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, повышая эффективность и продуктивность способов их объединения. При основании в начале 21 в. эта концепция была представлена как новейший подход, основной сутью которого была автоматизация бизнес-процессов и управления ими с комплексным учетом ключевых элементов политики предприятия и бизнес-модели (стратегия, ценности, культура, организационная структура).

Основной целью процессно-ориентированного управления является создание стабильного механизма постоянного совершенствования бизнес-процессов предприятия; обеспечение оптимального использования ресурсов, необходимых для эффективного функционирования бизнес-процессов; создание предпосылок для устойчивого развития системы бизнес-процессов компании.

Дальнейшее изучение этой системы приводит к разделению ее содержания на три области применения МБП:

1. Улучшение бизнес-процесса следует рассматривать как разовую инициативу (проект), направленную на его оптимизацию в соответствии со стратегией компании и ожиданиями клиентов.

2. Управление корпоративными процессами следует рассматривать как компонент применения принципов, методов и процессов МБП в конкретной организации, обеспечивающий соответствие портфеля бизнес-процессов и их архитектуры стратегии предприятия и имеющимся ресурсам.

3. Оптимизация – это долгосрочный подход к повышению эффективности и продуктивности конкретных процессов, основанный на постоянно функционирующей системе управления с обратной связью.

Такой подход позволяет рассматривать бизнес-процессы как элемент, который обладает определенными характеристиками ресурса, используемого предприятием, а именно:

- *экономические отношения* определяют взаимоотношения между участниками бизнес-процесса относительно преобразования входных данных (ресурсов) в выходные данные (товары) по цепочке производства, распределения, обмена и потребления определенных благ в течение определенного периода времени;
- *возможности* определяют потенциал предприятия по производству товаров и оказанию услуг, измеряемый количественными и качественными параметрами. В то же время целесообразно рассматривать бизнес-процессы не только как возможности, но и как ограничения. Это ограничение является относительным и характеризуется оптимизацией бизнес-процесса. Из-за ограничений конкретного бизнес-процесса общая эффективность бизнеса также может быть снижена;
- *объект собственности и затрат* характеризуется правом определенных субъектов (предприятий) на использование бизнес-процесса (если данный объект уникален, то это придает определенную уникальность компании и повышает ее конкурентоспособность на рынке) и суммой затрат на функционирование этого бизнес-процесса, отраженной в ресурсах, используемых в бизнес-процессе, которые могут быть измерены в течение определенного периода времени;
- *объект инвестирования* представляет собой высвобождение капитала для оптимизации бизнес-процесса с учетом изменений во внешней и внутренней среде предприятия;

- *взаимодополняемость* предполагает, что эффективное функционирование бизнеса зависит от выбора и правильного сочетания бизнес-процессов для обеспечения большей эффективности;
- *взаимозаменяемость* характеризуется возможностью замены бизнес-процесса новым или его улучшенной версией (с использованием современных ИТ-технологий) для достижения целей компании.

Эффективность использования бизнес-процесса может быть оценена. Проведя анализ литературы, рассматривающей данный аспект [17–19], мы выделили методы оценки эффективности бизнес-процессов, которые мы считаем наиболее эффективными в их сочетании.

Наиболее известной многомерной моделью для измерения эффективности предприятия в целом и бизнес-процессов в частности является *сбалансированная система показателей* (ССП), разработанная R. S. Kaplan и D. P. Norton [20]. Основным отличием СПП от традиционных методов оценки эффективности бизнеса является использование набора показателей (финансовых и нефинансовых), отобранных для охвата всех значимых (с точки зрения стратегии) аспектов деятельности организации, отражающих движение компании по созданию своей будущей ценности за счет инвестиции в персонал и долгосрочное взаимодействие с клиентами [21]. Эта система применяет четырехмерный подход к оценке эффективности: финансы, клиенты, обучение и развитие, внутренние бизнес-процессы [22].

ССП – это универсальный и гибкий инструмент, который позволяет трансформировать стратегию организации в набор целей для каждого из четырех подходов, отвечающих конкретным бизнес-задачам, которые могут быть измерены с помощью показателей эффективности (рис. 2).

Рис. 2. Сбалансированная система показателей
Fig. 2. Balanced scorecard

Гибкость этой системы заключается в способности легко и мгновенно модифицироваться или трансформироваться, однако это возможно только при соблюдении определенных принципов работы с базовой информацией для построения системы. Во-первых, информация должна быть рациональной, т.е. собираться для обеспечения соответствующего процесса принятия решений, анализироваться, выделяя только стратегически важные вопросы. Во-вторых, цели должны быть сбалансированными и адекватными, т.е. достижение только определенного направления в ущерб другим не должно быть главной задачей разработки и использования этой системы; каждый блок этой системы тесно связан с другими. Следовательно, сосредоточение внимания только на одном направлении исказит результаты анализа потенциального роста компании за счет использования сбалансированной системы показателей. Показатели, включенные в систему, должны удовлетворять потребностям всех пользователей, а система показателей должна охватывать все основные процессы, формирующие состояние и тенденции развития предприятия в условиях рыночной экономики, повышая практическую ценность прогнозируемой информации для руководства. В-третьих, показатели оценки каждого направления (блока) системы должны иметь измеримую основу, т.е. определенное количественное выражение, позволяющее оценить данный показатель в динамике.

Более широкий взгляд на менеджмент дает объективную картину состояния компании, позволяет провести анализ возможностей, конкурентоспособности. Сбалансированная система показателей обеспечивает оценку и управление специфическими для каждого предприятия показателями, что позволяет выявлять и устранять недостатки на предприятии до того, как они приведут к ухудшению финансовых показателей, а также рассматривать деятельность предприятия с точки зрения создания ценности, что приводит к повышению конкурентоспособности.

Функционально-стоимостной анализ (ФСА) – это вспомогательный организационный инструмент, который дает возможность приблизиться к оптимальному соотношению между затратами и качеством бизнес-процесса с помощью последовательных, заранее определенных алгоритмов действий. Основным принципом ФСА является необходимость определения и устранения тех дополнительных операций в рамках бизнес-процесса, которые не являются непосредственно функциональными для клиента, но увеличивают затраты, связанные с бизнес-процессом [23]. ФСА бизнес-процессов

проводится с целью выявления неэффективных последовательностей операций и поиска решений по их оптимизации с целью повышения производительности, минимизации затрат, улучшения качества товаров и услуг. Для этого применяется анализ стоимости бизнес-процессов предприятия; определение функций, выполняемых участниками бизнес-процессов с целью преобразования ресурсов в продукты; выявление всех функциональных издержек бизнес-процесса, особенно неэффективных; сравнительный анализ вариантов снижения затрат по типам бизнес-процессов путем сокращения количества и оптимизации функций, выполняемых участниками бизнес-процесса [24].

Это означает, что ФСА обеспечивает представление бизнес-процесса (а также его компонентов) с точки зрения полезности, которую он имеет или должен иметь. ФСА – это процесс сбора и обработки информации, позволяющий рассматривать объект как набор функций, которые он должен выполнять. В соответствии с этим были определены основные этапы сбора информации:

1. Построение функциональной бизнес-модели. Этот этап включает сбор информации о процессах предприятия, построение и утверждение функциональной модели;

2. Формирование информационной поддержки процессов. Подразумевает построение организационной структуры предприятия, определение статей затрат и распределение расходов в соответствии с организационной структурой;

3. Перенос ценностей в функциональную модель. Происходит согласование организационной структуры с функциональной моделью процессов, а также определение стоимости функции;

4. Анализ результатов и разработка рекомендаций. Проводится анализ полученной на предыдущих этапах информации по совершенствованию процессов.

Основной целью данного анализа является выявление возможностей снижения затрат за счет создания эффективных вариантов производства и улучшения соотношения между потребительской ценностью продукта и затратами на его изготовление (рис. 3).

Таким образом, данный метод может быть использован для изучения различных направлений деятельности предприятия и предоставляет возможность структурировать функциональные задачи бизнес-процесса, что значительно облегчает исследование и выявление избыточных функций.

Ранжирование по ключевым факторам успеха (КФУ). Эффективность системы бизнес-процессов

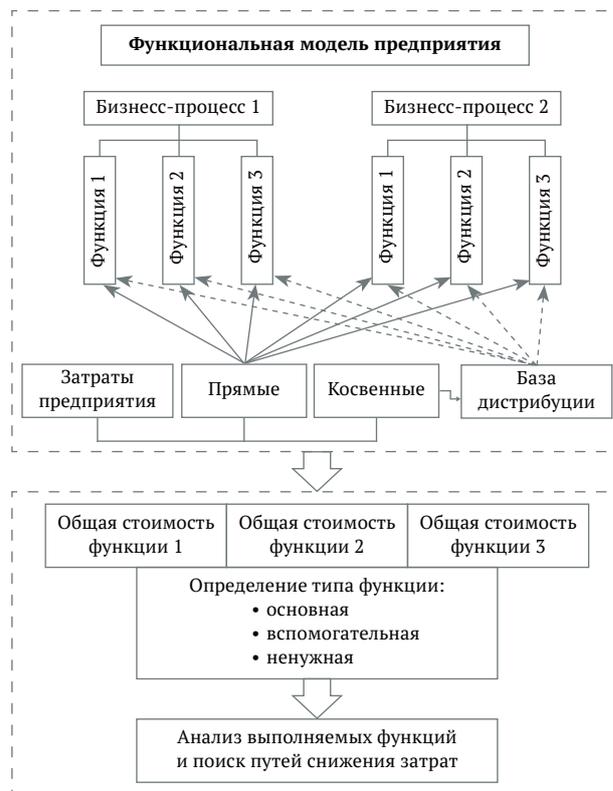

Рис. 3. Алгоритм реализации функционально-стоимостного анализа бизнес-процессов

Fig. 3. Algorithm for the function cost analysis of business processes

может быть оценена с помощью системы ключевых факторов успеха, которые являются элементами, обеспечивающими эффективное и целенаправленное управление бизнесом [25]. Именно по ним можно проверить, соответствуют ли процессы определенным потребностям компании и приводят ли к достижению ее стратегических целей [26]. Данный метод направлен на разработку показателей, отражающих качественное состояние системы бизнес-процессов, путем введения качественных показателей, основанных на решениях экспертов.

Сочетание этих методов позволяет разрабатывать SMART-индикаторы эффективности бизнес-процессов (рис. 4). Полученное описание показателей эффективности, в свою очередь, позволяет оценить показатели бизнес-процессов и сделать выводы о существующих проблемах в системе бизнес-процессов.

Заключение

Выявлен ряд требований к эффективности бизнес-процесса, реализация которых дает четкое представление об оцениваемом компоненте бизнес-процесса, а именно: специфичность, измеримость, достижимость, актуальность.

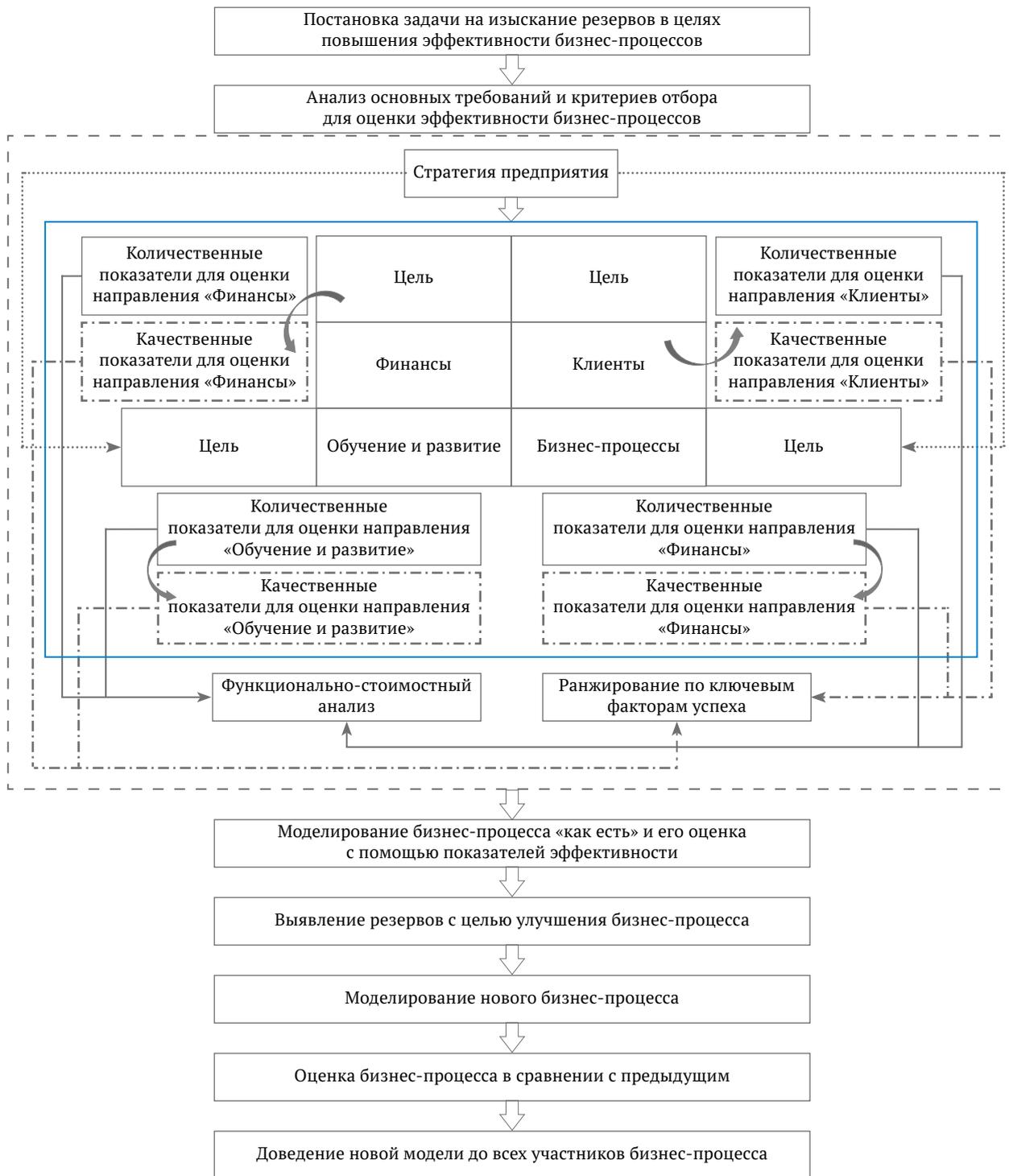

Рис. 4. Модель оценки эффективности бизнес-процесса
 Fig. 4. Business process efficiency assessment model

Определено, что наиболее важным элементом анализа бизнес-процесса являются его внутренние параметры, позволяющие оценить внутренний потенциал повышения эффективности предприятия. Важным аспектом эффективной оценки является объективность результатов, поэтому мы считаем, что количественные методы должны преобладать. Идентификация и выбор показателей может производиться комбинацией методов оценки эффективности бизнес-процессов: сбалансированной системой показателей, функциональным анализом затрат и анализом ключевых факторов успеха.

Разработан авторский подход к оценке эффективности бизнес-процессов предприятия и их улучшению. Целью дальнейших исследований авторы видят разработку методологического подхода к оценке, который позволит всесторонне анализировать бизнес-процессы компаний, независимо от сферы и специфики их деятельности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. А. Новичкова – научное руководство проектом. А. В. Платов – сбор и анализ статистических данных, создание визуализации, написание статьи. Д. Э. Удалов – концептуализация, формирование методологии исследования, редактирование текста статьи.

Contribution: I. A. Novichkova managed the project. A. V. Platov collected and analyzed data, created visualization, wrote the article. D. E. Udalov conceptualized the research idea, chose the research methodology, and edited the article.

Литература / References

- Zuhaira B., Ahmad N. Business process modeling, implementation, analysis, and management: the case of business process management tools. *Business Process Management Journal*, 2021, 27(1): 145–183. <https://doi.org/10.1108/BPMJ-06-2018-0168>
- Dewi K. C., Ayuni N. W. D. Business process re-engineering of tourism e-marketplace by engaging government, small medium enterprises and tourists. *Bulletin of Electrical Engineering and Informatics*, 2021, 10(5): 2866–2874. <https://doi.org/10.11591/eei.v10i5.3159>
- Mendes T., Santos S. A Procedural approach for evaluating the performance of business processes based on a model of quantitative and qualitative measurements. *Enterprise Information Systems: Proc. 18th Intern. Conf. on Enterprise Information Systems*, Rome, 25–28 Apr 2016. Cham: Springer, 2017, 515–534. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62386-3_23
- Wang M., Wang H. From process logic to business logic – a cognitive approach to business process management. *Information & Management*, 2006, 43(2): 179–193. <https://doi.org/10.1016/j.im.2005.06.001>
- Hung R. Y.-Y. Business process management as competitive advantage: a review and empirical study. *Total quality management & business excellence*, 2006, 17(1): 21–40. <https://doi.org/10.1080/14783360500249836>
- Gupta J., Chaturvedi S., Prasad R., Ananthi N. *Principles and practice of management*. Bhopal: AG publishing house (AGPH Books), 217.
- Draheim D. *Business process technology: a unified view on business processes, workflows and enterprise applications*. Heidelberg: Springer Berlin, 2014, 306. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-01588-5>
- Lederer M., Schott P., Huber S., Kurz M. Strategic business process analysis: a procedure model to align business strategy with business process analysis methods. *S-BPM ONE – Running Processes: Proc. 5th Intern. Conf. on Subject-Oriented Business Process Management*, Deggendorf, 11–12 Mar 2013. Heidelberg: Springer Berlin, 2013, 247–263. https://doi.org/10.1007/978-3-642-36754-0_16
- Jeston J. *Business process management. Practical guidelines to successful implementations*. London: Routledge, 2014, 688. <https://doi.org/10.4324/9780203081327>
- Santos H. M., Alves C. F., Valença G. A., Santana A. F. Critical success factors of BPM initiatives in Brazilian public organizations. *Innovation Vision 2020: Sustainable growth, Entrepreneurship, and Economic Development: Proc. 19th Intern. Business Information Management Association Conf.*, Barcelona, 12–13 Nov 2012. Barcelona: IBIMA, 2012, 1806–1816.
- Билалова И. М., Сулейманова Д. Б. Проблемы оценки эффективности бизнес-процессов и пути их решения. *Фундаментальные исследования*. 2017. № 5. С. 131–136. [Bilalova I. M., Suleimanova D. B. The problems

- of assessing the effectiveness of business processes and the ways of their resolving. *Fundamental research*, 2017, (5): 131–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrpijv>
12. Trkman P. The critical success factors of business process management. *International Journal of Information Management*, 2010, 30(2): 125–134. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2009.07.003>
 13. Powell S. G., Schwaninger M., Trimble C. Measurement and control of business processes. *System Dynamics Review*, 2001, 17(1): 63–91. <https://doi.org/10.1002/sdr.206>
 14. Del-Río-Ortega A., Resinas M., Ruiz-Cortés A. Defining process performance indicators: an ontological approach. *On the Move to Meaningful Internet Systems: Proc. OTM Confederated Intern. Conf.*, Hersonissos, 25–29 Oct 2010. Heidelberg: Springer Berlin, pt. 1, 555–572. https://doi.org/10.1007/978-3-642-16934-2_41
 15. Doran G. T. There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives. *Management Review*, 1981, 70(11): 35–36.
 16. Dumas M., La Rosa M., Mendling J., Reijers H. A. *Fundamentals of business process management*. Heidelberg: Springer Berlin, 2018, 527. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-56509-4>
 17. Van Looy A., Shafagatova A. Business process performance measurement: a structured literature review of indicators, measures and metrics. *SpringerPlus*, 2016, 5(1). <https://doi.org/10.1186/s40064-016-3498-1>
 18. Brin P., Prokhorenko O., Nehme M., Trabulsi H. Strategic contribution of a business process to company's performance. *Journal of Information Technology Management*, 2020, 12(3): 82–99. <https://doi.org/10.22059/jitm.2020.76296>
 19. Pourbafrani M., Gharbi F., Van der Aalst W. M. P. A tool for business processes diagnostics. *Service-Oriented Computing – ICSOC 2022 Workshops: Proc. Intern. Conf. on Service-Oriented Computing*, Sevilla, 29 Nov – 2 Dec 2022. Cham: Springer, 350–354. https://doi.org/10.1007/978-3-031-26507-5_31
 20. Kaplan R. S., Norton D. P. The balanced scorecard – measures that drive performance. *Harvard Business Review*, 1992, 70(1): 71–79.
 21. Tawse A., Tabesh P. Thirty years with the balanced scorecard: what we have learned. *Business Horizons*, 2023, 66(1): 123–132. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2022.03.005>
 22. Madsen D. Ø., Stenheim T. The balanced scorecard: a review of five research areas. *American Journal of Management*, 2015, 15(2): 24–41.
 23. Барановская Т. П., Вострокнутов А. Е. Методика и модели функционально-стоимостной оценки бизнес-процессов. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2021. № 11. С. 107–116. [Baranovskaya T. P., Vostroknutov A. E. Methodology and models of functional-cost evaluation of business processes. *Modern Economics: Problems and Solutions*, 2021, (11): 107–116. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.17308/meps.2021.11/2718>
 24. Mineeva T. A., Kuznetcova N. A., Norkina O. S., Popova E. V. Improve business process efficiency by value engineering. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, 971. <http://dx.doi.org/10.1088/1757-899X/971/5/052015>
 25. Castro B. K. D. A., Dresch A., Veit D. R. Key critical success factors of BPM implementation: a theoretical and practical view. *Business Process Management Journal*, 2020, 26(1): 239–256. <https://doi.org/10.1108/BPMJ-09-2018-0272>
 26. Mektadir M. A., Kumar A., Ali S. M., Paul S. K., Sultana R., Rezaei J. Critical success factors for a circular economy: implications for business strategy and the environment. *Business strategy and the environment*, 2020, 29(8): 3611–3635. <https://doi.org/10.1002/bse.2600>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/eukuul>

Стратегический анализ реализации пациент-ориентированного подхода к развитию здравоохранения Кузбасса

Бадло Светлана Васильевна

Территориальный фонд обязательного медицинского страхования
 Кемеровской области – Кузбасса, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0009-0006-3049-8788>
svetlanabadlo@yandex.ru

Табашникова Ольга Львовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0009-0003-3478-6507>

Аннотация: Достижение стратегических целей Российской Федерации по сохранению населения и обеспечению здоровья и благополучия людей подразумевает наличие эффективной системы здравоохранения, способной обеспечить доступность необходимых медицинских услуг и технологий, возможность системно обучать жителей правильному образу жизни и профилактике заболеваний. Для этого необходим переход к пациент-ориентированной медицине на основе стратегирования, которое обеспечит координацию федеральных, ведомственных и региональных программ, направленных на улучшение качества медицинской помощи и общего здоровья населения. Материалы: законодательные, нормативные, организационные документы и статистические данные федерального, регионального и ведомственного уровня. Проведен анализ статистических показателей здравоохранения в Сибирском федеральном округе и его субъектах в динамике, OTSW-анализ по методологии стратегирования, сравнительный анализ долгосрочных целей России и Кузбасса по развитию здравоохранения. Установлена целесообразность применения стратегического планирования и управления при переходе к пациент-ориентированной медицине, обнаружены взаимосвязи между стратегиями различного уровня, определены стратегические задачи региона по трансформации сферы здравоохранения и условия эффективности их реализации. Выявлены возможности реализации стратегии развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе на основе сильных сторон региона. Идентифицированы вероятные угрозы и риски, которые могут возникнуть в случае недостижения целей, сформулированы предложения по их снижению. Подтверждена важность соблюдения согласованности стратегий всех уровней и проявления инициативы в рамках соответствующего контура приоритетов; аргументировано наличие в Кузбассе потенциала для развития пациент-ориентированной медицины.

Ключевые слова: пациент-ориентированная медицина, стратегирование, методология стратегирования, стратегические цели, развитие медицины, OTSW-анализ

Цитирование: Бадло С. В., Табашникова О. Л. Стратегический анализ реализации пациент-ориентированного подхода к развитию здравоохранения Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 106–119. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-106-119>

Поступила 19.09.2023. Принята после рецензирования 27.12.2023. Принята в печать 26.01.2024.

full article

Implementation of Patient-Oriented Approach to the Health Care Development in Kemerovo Region – Kuzbass: Strategic Analysis

Svetlana V. Badlo

Territorial Fund of Compulsory Medical Insurance of the Kemerovo
 region – Kuzbass, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0009-0006-3049-8788>
svetlanabadlo@yandex.ru

Olga L. Tabashnikova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0009-0003-3478-6507>

Abstract: Achieving the strategic goals of the Russian Federation for preserving the population and ensuring the health and well-being of people requires an effective health care system that can provide necessary medical services and technologies and systematically train residents in healthy lifestyle and disease prevention.

This necessitates a transition to patient-oriented medicine based on strategizing, which will ensure the coordination of federal, departmental and regional programs aimed at improving the medical care quality and the population health. The article analyses legislative, regulatory, organizational documents and statistical data at the federal, regional and departmental levels. The authors perform analysis of healthcare statistical indicators in the Siberian Federal District and its subjects in dynamics; OTSW analysis on the strategizing methodology; comparative analysis of long-term healthcare development goals. The expediency of applying strategic planning and management in the transition to patient-oriented medicine is established; interrelations between strategies of different levels are discovered; region's strategic objectives for the healthcare sector transformation and the conditions for their implementation effectiveness are defined. The authors consider possibilities of implementing a strategy for the patient-oriented medicine development in Kuzbass on the basis of region's strengths, identify the threats and risks of not achieving strategic objectives and formulate the proposals for their reduction. The article confirms the importance of strategies' coherence and proactivity within the appropriate priorities; argues the potential for the patient-oriented medicine development in Kuzbass.

Keywords: patient-oriented medicine, strategizing, strategizing methodology, strategic objectives, medicine development, OTSW-analysis

Citation: Badlo S. V., Tabashnikova O. L. Implementation of Patient-Oriented Approach to the Health Care Development in Kemerovo Region – Kuzbass: Strategic Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 106–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-106-119>

Received 19 Sep 2023. Accepted after peer review 27 Dec 2023. Accepted for publication 26 Jan 2024.

Введение

Повышение уровня здравоохранения для достижения одной из пяти стратегических целей развития Российской Федерации¹, *сохранение населения, здоровье и благополучие людей*, подразумевает наличие в стране эффективной системы, которая способна обеспечить доступность для всего населения необходимых медицинских услуг и технологий, а также предусматривает возможность системно обучать жителей правильному образу жизни и профилактике заболеваний. Наиболее эффективным подходом для создания такой системы в масштабах страны является стратегирование, поскольку именно оно позволяет обеспечить координацию разрабатываемых в настоящее время различными ведомствами на федеральном и региональном уровне программ, направленных на улучшение качества медицинской помощи и общего здоровья населения.

Стоит отметить, что с недавнего времени в российской действительности активно используется термин *пациент-ориентированность*. Так, по мнению И. В. Шахובה и др., Н. Н. Зубаревой, М. Ю. Шерешевой и А. А. Костянина, сегодня пациент становится клиентом рынка медицинских услуг, который должен быть ориентирован на его удовлетворенность. При этом для пациента реализуется возможность

самостоятельного выбора врача и клиники, возрастает доступность для него медицинских услуг [1–3]. В концепции развития пациент-ориентированной медицины фигура пациента рассматривается как ключевая. Это предъявляет новые требования к медицинской услуге: она становится не только индивидуальной, но и прозрачной, регулируемой, планируемой и ориентированной на каждого пациента [4].

Отметим, что за последнее десятилетие в России начал внедряться целый ряд нововведений в области здравоохранения, направленных на трансформацию медицины с ориентацией на пациента. Так, создано правовое поле по внедрению единого цифрового контура на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)², что является важным компонентом пациент-ориентированной медицины [5]. С конца 2021 г. проводится модернизация государственной информационной системы обязательного медицинского страхования (ГИС ОМС), разработанной для учета информации о предоставлении медицинской помощи и обеспечения ее оперативности и качества. Данная тенденция, по мнению С. Б. Чолояна и др., О. С. Кобяковой и др., Ю. А. Морозовой,

¹ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.06.2020 г. *СПС Гарант*.

² О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (вместе с «Положением о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения»). Постановление Правительства РФ № 140 от 09.02.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

направлена на совершенствование ГИС ОМС как инструмента решения задач управления в здравоохранении, который позволяет аккумулировать информацию обо всех параметрах, характеризующих здоровье жителей региона, и факторах, оказывающих влияние на их здоровье. Иначе говоря, развитие информационно-аналитических технологий способствует успешному решению задач по сохранению и поддержанию здоровья населения [6–9].

Как считают А. М. Харисов и др., трансформация российского здравоохранения с ориентацией на пациента, обеспечивая расширение возможности потребителя медицинских услуг, фокусирование на отношениях пациента и медицинской организации и максимальное соответствие целям пациента, требует соблюдения следующих условий:

- 1) приверженность руководителя пациент-ориентированной медицине;
- 2) наличие обратной связи от пациентов, определение перспектив и выяснение того, что наиболее важно для пациентов и их семей;
- 3) вовлечение, инкультурация и обучение персонала для интеграции практики пациент-ориентированности в свою деятельность;
- 4) сосредоточение на нововведениях.

В то же время недопустимо оставлять без внимания такие факторы, как согласование ролей и ожиданий персонала; соответствие организационной структуры выполняемым процессам и процедурам, которые могут затруднить внедрение ориентированной на потребности пациентов медицинской практики; окружающая среда, которая может как способствовать, так и препятствовать взаимодействию пациента и поставщика медицинской помощи [10].

Дальнейший трансформационный переход к пациент-ориентированной медицине требует проведения целого ряда преобразований с использованием стратегического планирования, стратегического управления и, что немаловажно, стратегического мышления [11]. По мнению Ю. А. Морозовой, повышению уровня здоровья граждан и снижению финансовой нагрузки на здравоохранение будет способствовать учет отраслевых и региональных трендов развития здравоохранения в соответствующих стратегических документах и возможность использования апробированных успешных моделей в схожих по условиям территориальных образованиях [12].

Современное здравоохранение стремится к пациент-ориентированности, что требует стратегических преобразований не только в основной, но и в смежных и обеспечивающих отраслях: в системе высшего и среднего медицинского образования, научных исследованиях в области медицины и фармакологии,

производстве современного медицинского оборудования и медикаментов, обязательном и добровольном медицинском страховании и др. Такого рода преобразования необходимы и внутри каждого региона РФ при условии централизованной координации, межрегиональной и межведомственной интеграции и синхронизации всех процессов преобразований.

Обзор отдельных направлений трансформации отечественного здравоохранения подтверждает, что достижение стратегических целей развития РФ по сохранению населения и обеспечению здоровья и благополучия людей и переход к пациент-ориентированной медицине невозможно осуществить без стратегирования. При этом особую актуальность приобретает стратегическое планирование и стратегическое управление в данной сфере, которые обусловлены стратегическим мышлением. Наиболее перспективной для развития здравоохранения Кемеровской области на каждом из этапов перехода к пациент-ориентированной медицине, на наш взгляд, должна стать методология стратегирования доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта, академика, иностранного члена РАН.

Цель статьи – исследование перспектив и потенциальных препятствий для осуществления стратегических преобразований в здравоохранении Кузбасса при переходе к пациент-ориентированной медицине. Задачи исследования:

1. Изучение теоретических обоснований своевременности и целесообразности внедрения пациент-ориентированного подхода в здравоохранении.
2. Анализ текущего состояния здравоохранения в Кузбассе.
3. Выявление проблем и оценка эффективности проводимых в здравоохранении России, Сибирского федерального округа (СФО) и Кузбасса стратегических преобразований.

4. Выявление возможностей и угроз, которые могут возникнуть при реализации Стратегии развития здравоохранения Кузбасса при переходе к пациент-ориентированной медицине.

Объектом исследования выступают процессы, связанные с трансформацией здравоохранения как в масштабах страны, так и на уровне региона, в частности СФО и Кемеровской области – Кузбасса.

В работе исследуются особенности внедрения пациент-ориентированного подхода в здравоохранении Кузбасса на основе стратегического видения и определения контура приоритетов, зафиксированных в Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г., разработанной в 2018 г. с опорой на методологию стратегирования академика В. Л. Квинта. Кроме того,

рассматриваются ключевые задачи, поставленные перед Центром развития здравоохранения Кузбасса, в т.ч. извещение населения о потенциальных эпидемиологических угрозах и методах поддержания здоровья; проведение ежегодных медицинских обследований населения, включая обследования на дому; мониторинг здоровья людей, находящихся в зонах риска заболеваний, которые могут потребовать госпитализации; мероприятия по расширению региональной цифровой медицинской платформы и др.³

Сделан вывод о том, что наиболее перспективной для развития здравоохранения Кузбасса на каждом из этапов перехода к пациент-ориентированной медицине должна стать методология стратегирования. Определение стратегических задач региона по развитию здравоохранения неотделимо от общего вектора социально-экономического развития как глобального, так и национального уровня. Поэтому проведен сравнительный анализ стратегических целей и задач развития отрасли здравоохранения на федеральном и региональном уровне с целью выявления взаимосвязей стратегий национального и территориального уровней как необходимых предпосылок для стратегических преобразований в данной сфере. В рамках обеспечения реализации стратегических целей развития здравоохранения Кузбасса в качестве одной из приоритетных задач определено внедрение проектного менеджмента или комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на планирование, организацию и реализацию поставленных целей.

Для выявления слабых мест и проблем, мешающих переходу к пациент-ориентированной медицине, рассмотрены статистические показатели, характеризующие состояние системы здравоохранения в СФО и России в целом. Рассмотрены примеры реализации первых шагов к пациент-ориентированному подходу в здравоохранении Кузбасса, выявлены факторы повышения качества и доступности медицинской помощи, а также улучшения управления медицинскими ресурсами; перечислены прямые признаки пациент-ориентированной медицины, наблюдаемые в медицинских учреждениях Кемеровской области – Кузбасса.

Для выявления возможностей и угроз при реализации Стратегии развития здравоохранения Кузбасса и перехода к пациент-ориентированной медицине, проведен OTSW-анализ по методологии академика В. Л. Квинта [13], в результате которого:

- определены основные возможности и угрозы, связанные с реализацией Стратегии развития здравоохранения и переходом к пациент-ориентированной медицине;
- проанализированы сильные и слабые стороны системы здравоохранения Кузбасса, которые могут оказывать влияние на эффективность реализации стратегии перехода к пациент-ориентированному подходу;
- выявлены внешние факторы, которые могут повлиять на реализацию стратегии перехода к пациент-ориентированной медицине;
- произведена оценка рисков, связанных с реализацией Стратегии развития здравоохранения и переходом к пациент-ориентированной медицине;
- разработаны предложения по успешному внедрению пациент-ориентированного подхода в здравоохранении Кузбасса.

Результаты и обсуждение

В контексте данного исследования термины *пациент-ориентированный подход в здравоохранении* и *пациент-ориентированная медицина*, по мнению авторов, тесно коррелируют между собой, т.к. имеют одну философскую основу. Их различия можно сформулировать следующим образом:

- *пациент-ориентированный подход в здравоохранении* подразумевает, что медицинские решения и лечение должны быть согласованы с пациентом, учитывая его ценности и приоритеты. Данная терминология не связана с какой-либо конкретной моделью или методом, а представляет собой общую философию заботы о пациенте.
- *пациент-ориентированная медицина* описывает философию и практическую медицину, ориентированные на пациента, а не только на болезни и симптомы, и включает в себя все аспекты медицинской практики, в т.ч. диагностику, лечение, взаимодействие с пациентом и учет его уникальных потребностей.

Трансформация здравоохранения с ориентированием на пациента как в масштабах страны, так и на уровне Кемеровской области – Кузбасса представляет собой сложный и долгосрочный процесс. Стратегическое планирование и управление целенаправленными изменениями в сфере здравоохранения региона выступает одним из ключевых направлений, без которого невозможно установить долгосрочные цели развития территории и решить

³ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г.». Закон Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ от 23.12.2020. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202012290012?index=151> (дата обращения: 17.08.2023).

комплексные задачи, направленные на увязку имеющихся ресурсов и мероприятий с декларируемой миссией и контуром ценностей [14]. Проблема возникает в тот момент, когда имеющиеся знания необходимо преобразовать в действенные стратегии, которые приведут к желаемому результату – пациент-ориентированной медицине. Путеводителем к выверенным приоритетам и целям, по мнению В. Л. Квинта, выступает стратегия, которая строится на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции, и является результатом системного анализа среды [15; 16].

Для выработки стратегии развития здравоохранения отдельного региона при переходе к пациент-ориентированной медицине целесообразно рассматривать долгосрочные цели социально-экономического развития на уровне региона в неразрывной связи и соответствии со стратегией развития региона, общенациональными и глобальными стратегиями развития. С другой стороны, также необходимо принимать во внимание отраслевые (включая собственную сферу здравоохранения, а также смежные, обеспечивающие и другие отрасли), корпоративные (на уровне участников здравоохранения) и личные (на уровне работников сферы здравоохранения) стратегии [17; 18].

Подчеркнем, что определение стратегических задач региона по трансформации здравоохранения неотделимо от общего вектора социально-экономического развития региона как глобального масштаба, так и на уровне национальных интересов, а их воплощение призвано стать фактором обеспечения эффективности реализации национальных и глобальных стратегий. Взаимосвязь стратегий различного уровня в развитии здравоохранения представлена на рисунке 1⁴.

Следуя концепции стратегирования академика В. Л. Квинта, предлагается рассмотреть взаимосвязь стратегий различного уровня в развитии здравоохранения, руководствуясь глобальными и национальными тенденциями, ориентированными на рост качества жизни, связанного с показателями ожидаемой продолжительности жизни и уровнем развития системы здравоохранения. Эффективность реализации региональных и отраслевых стратегий зависит от их согласованности с общей системой стратегических приоритетов на федеральном уровне. В иерархии стратегий развития здравоохранения глобальные и национальные стратегии транслируются на каждый из нижестоящих уровней. В то же время личные и корпоративные стратегии аккумулируются на уровне отраслевых и региональных стратегий, определяя общенациональный и глобальный вектор развития. При этом существуют широкие возможности для формирования собственных стратегических инициатив внутри региона в зависимости от имеющихся условий [20].

Для выявления взаимосвязей стратегий национального и регионального уровней как необходимых предпосылок стратегических преобразований проведен сравнительный анализ стратегий развития отрасли здравоохранения РФ и Кемеровской области. Так, перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2035 г. в области здравоохранения включает в себя:

- санитарный щит страны – безопасность для здоровья (предупреждение, выявление, реагирование);
- первичное звено для каждого;
- оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация;
- медицинская наука для человека⁵.

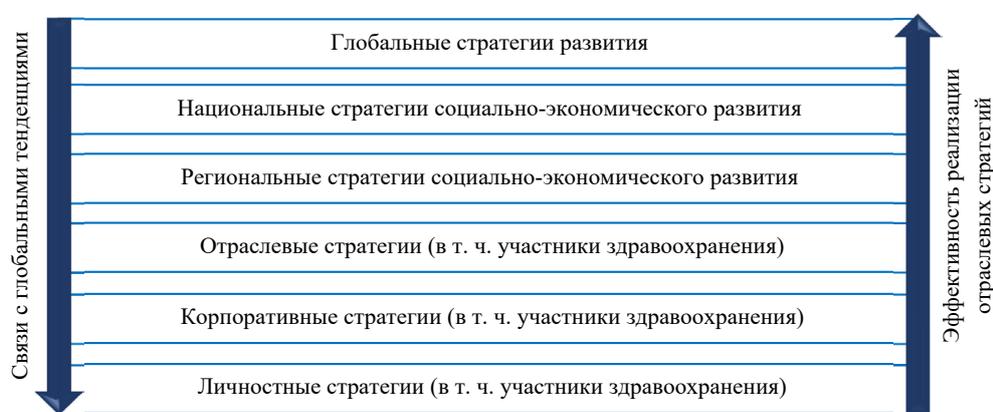

Рис. 1. Взаимосвязь стратегий различного уровня в развитии здравоохранения
 Fig. 1. Interrelation of healthcare development strategies at various levels

⁴ Модель разработана авторами на основе концепции стратегирования В. Л. Квинта, см. [19].

⁵ Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 2816-р от 06.10.2021. *СПС Гарант*.

Стратегия развития Кузбасса до 2035 г. в области здравоохранения представлена следующими долгосрочными целями:

- создание центра развития здравоохранения Кузбасса;
- проведение ежегодного обследования здоровья населения и обследований на дому;
- мониторинг здоровья граждан, находящихся в зоне риска возникновения заболеваний, требующих госпитализации;
- информирование населения о возможных эпидемиологических угрозах и о способах поддержания здоровья;
- внедрение и развитие региональной цифровой медицинской платформы⁶.

Рассматривая взаимосвязь национальной и региональной стратегии в области здравоохранения отметим, что перечень инициатив социально-экономического развития РФ ориентирован на общенациональные задачи и сосредоточен на санитарной безопасности страны в целом. Национальная стратегия стремится обеспечить оптимальное здоровье для всех граждан и уделяет внимание исследованиям в области медицинской науки. Региональная стратегия фокусируется на конкретном субъекте (Кузбасс) и ориентирована на региональное здравоохранение. Ее целью является поддержание здоровья населения в данном регионе и создание региональной цифровой медицинской платформы.

По области действия национальная стратегия охватывает всю страну и имеет более широкий масштаб, затрагивает вопросы общенациональной медицинской безопасности. Стратегия Кузбасса ограничена региональными рамками и сосредотачивается на решении проблем, специфичных для конкретного субъекта.

По методам применения национальная стратегия акцентирует внимание на исследованиях, разработке медицинских технологий и стратегиях общественного здоровья. Региональная стратегия включает в себя более практические действия, такие как проведение обследований, мониторинг состояния здоровья, информационные кампании и внедрение цифровых решений.

Национальная стратегия уделяет больше внимания общественному здоровью, научным исследованиям и предупреждению заболеваний, в то время как стратегия Кузбасса более сосредоточена на оказании медицинской помощи, обследованиях и реагировании на текущие вызовы в регионе.

Выбор между этими двумя стратегиями зависит от конкретных целей и задач, а также от ресурсов, доступных для их реализации. Первая стратегия более подходит для страны в целом, в то время как вторая стратегия ориентирована на региональные потребности.

Для выявления взаимосвязей стратегий развития здравоохранения общероссийского и регионального уровней проведен сравнительный анализ стратегических целей и задач развития здравоохранения Российской Федерации и Кемеровской области – Кузбасса (табл. 1⁷).

Сравнительный анализ наглядно демонстрирует направленность страны и региона на повышение качества и доступности оказания медицинской помощи. Кроме того, важно отметить, что стратегия развития здравоохранения Кемеровской области опирается на национальные приоритеты страны и одновременно обусловлена региональными особенностями.

Так, ключевой целью развития российского здравоохранения является *увеличение численности населения, продолжительности жизни, продолжительности здоровой жизни, снижение уровня смертности и инвалидности населения*⁸. Достижение данной цели на региональном уровне зафиксировано в Стратегии развития здравоохранения Кузбасса на 2014–2025 гг.⁹ и предусматривает ее декомпозицию через решение десяти задач. Стратегическая цель государственного уровня по обеспечению *соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья* трансформировалась в региональную как *реализация государственной политики в сфере ОМС*. Каждая из ключевых задач федерального уровня конкретизируется на региональном уровне с точки зрения наличия в нем вредных и опасных производств. В частности, задача федерального уровня по созданию условий для повышения доступности и качества медицинской помощи на уровне региона декомпозирована на подзадачи.

⁶ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г. Закон Кемеровской области № 122-ОЗ от 26.12.2018. *СПС Гарант*.

⁷ О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ № 254 от 06.06.2019 г. *СПС Гарант*; Государственная программа Кемеровской области – Кузбасса «Развитие здравоохранения Кузбасса» на 2014–2025 гг. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области № 443 от 15.10.2013 г. *Министерство здравоохранения Кузбасса*. URL: <https://kuzdrav.ru/work/program/docs-images/r443.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

⁸ О Стратегии развития здравоохранения в РФ...

⁹ Государственная программа Кемеровской области – Кузбасса...

Табл. 1. Сравнительный анализ стратегических целей и задач развития здравоохранения России и Кузбасса

Tab. 1. Comparative analysis of strategic goals and objectives of healthcare development in Russia and Kemerovo region – Kuzbass

Россия	Кузбасс
Стратегические цели развития здравоохранения	
1. Увеличение численности населения, продолжительности жизни, продолжительности здоровой жизни, снижение уровня смертности и инвалидности населения	1.1. Совершенствование системы охраны здоровья граждан в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему доступной и качественной медицинской помощи
	1.2. Снижение смертности от туберкулеза, повышение продолжительности и качества жизни лиц, инфицированных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), гепатитами В и С, увеличение сроков краткосрочной и долгосрочной ремиссии наркологических больных, развитие комплексной системы профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при психических расстройствах
	1.3. Обеспечение граждан эффективными и безопасными лекарственными препаратами и медицинскими изделиями
	1.4. Совершенствование и перспективное развитие системы обеспечения здравоохранения Кемеровской области медицинскими кадрами
	1.5. Увеличение продолжительности и качества жизни
	1.6. Создание условий для оказания доступной и качественной медицинской помощи детям и матерям
	1.7. Снижение материнской, младенческой и детской смертности
	1.8. Повышение эффективности управления отраслью и качеством медицинской помощи
	1.9. Повышение социальной защищенности населения
	1.10. Совершенствование оказания специализированной медицинской помощи
2. Соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий	2.1. Реализация государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования (ОМС)
Задачи развития здравоохранения	
3. Создание условий для повышения доступности и качества медицинской помощи	3.1. Обеспечение приоритета профилактики в сфере охраны здоровья, развития первичной медико-санитарной помощи
	3.2. Повышение доступности и качества медицинской помощи матерям и детям
	3.3. Обеспечение и развитие реабилитационной помощи и санаторно-курортного лечения
	3.4. Развитие специализированной медицинской помощи матерям и детям
	3.5. Совершенствование и развитие неонатальной и фетальной хирургии
	3.6. Снижение уровня первичной инвалидности детей
	3.7. Оказание бесплатной медицинской помощи гражданам в рамках территориальной программы ОМС
	3.8. Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий населения
4. Профилактика заболеваний	4.1. Реализация дифференцированного подхода к профилактическим осмотрам и диспансеризации населения, в т. ч. детей
5. Предотвращение распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих	5.1. Раннее выявление лиц, инфицированных ВИЧ, острыми вирусными гепатитами В и С

Россия	Кузбасс
6. Разработка, внедрение и применение новых медицинских технологий и лекарственных средств	–
7. Совершенствование системы контроля в сфере охраны здоровья граждан, включая государственный контроль (надзор) в сфере обращения лекарственных средств, государственный контроль за обращением медицинских изделий	Создание системы контроля качества и безопасности медицинской деятельности
8. Обеспечение биологической безопасности	
9. Совершенствование системы федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора	
–	Совершенствование системы подготовки медицинских и фармацевтических работников, повышение престижа профессии
–	Внедрение элементов проектного менеджмента в отрасли

Важно подчеркнуть, что часть региональных задач сконцентрирована на *формировании условий повышения доступности и качества медицинской помощи*. Для реализации данных целей запланировано проведение ежегодного обследования здоровья населения и обследований на дому. Задача по *профилактике заболеваний*, установленная на федеральном уровне, планируется к реализации в Кузбассе через дифференцированный подход к профилактическим осмотрам и диспансеризации населения, в т. ч. детей.

Задача федерального уровня по *предотвращению распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих*, в качестве региональной задачи предусматривает раннее выявление лиц, инфицированных ВИЧ, острыми вирусными гепатитами В и С.

В стратегическом развитии здравоохранения РФ реализация задачи по *разработке, внедрению и применению новых медицинских технологий и лекарственных средств* не предусмотрена. Подчеркнем, что отсутствие внимания к этой проблеме на уровне региона может негативно сказаться на качестве медицинской помощи и состоянии здоровья его жителей. Этот аспект требует доработки и отражения в Стратегии развития здравоохранения Кемеровской области.

Отдельными задачами региона в Стратегии развития здравоохранения Кузбасса на 2014–2025 гг. определены *совершенствование системы подготовки медицинских и фармацевтических работников,*

повышение престижа профессии и внедрение элементов проектного менеджмента в отрасли. Это обусловлено присущими региону проблемами, связанными с дефицитом кадров в здравоохранении.

Можно сделать вывод, что в общей концепции, ориентированной на рост численности населения и продолжительности жизни в Кузбассе, основные акценты направлены на реализацию ряда задач, а именно: *развитие первичной медико-санитарной помощи; обеспечение мер по социальной поддержке населения; оказание медицинской помощи матерям и детям; решение кадровых вопросов здравоохранения*.

В рамках обеспечения реализации стратегических целей развития здравоохранения Кузбасса в качестве одной из приоритетных задач определено внедрение элементов проектного менеджмента, другими словами, комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на планирование, организацию и реализацию поставленных целей.

Все перечисленное можно идентифицировать как необходимые, но недостаточные условия для развития пациент-ориентированного подхода в здравоохранении региона. Наличие факторов, способствующих переходу к пациент-ориентированной медицине играет существенную роль, но мало просто надеяться на их эффективность. Для успешного перехода к пациент-ориентированной медицине необходимо дополнить стратегию развития здравоохранения региона специальной программой, которая будет включать в себя конкретные шаги, а именно:

- 1) анализ и оценку текущей ситуации в области здравоохранения с целью выявления слабых мест (зон роста) и проблем, мешающих переходу к пациент-ориентированной медицине;
- 2) разработку целевых показателей и стратегии перехода на пациент-ориентированную медицину, включая определение ключевых этапов и сроков реализации;
- 3) обучение и поддержку медицинского персонала, в т. ч. проведение курсов и тренингов, направленных на формирование навыков и компетенций в области пациент-ориентированной медицины;
- 4) создание информационных инструментов и систем, которые будут способствовать улучшению коммуникации между пациентами и медицинским персоналом, а также обеспечивать доступность и прозрачность информации о медицинских услугах;
- 5) проведение мониторинга и оценки результатов реализации программы с целью корректировки и повышения ее эффективности.

Таким образом, для успешного перехода к пациент-ориентированной медицине необходимо не только наличие факторов, содействующих этому процессу, но и разработка и последовательная реализация комплексной программы, охватывающей все его аспекты.

В качестве примера оценки и анализа текущей ситуации в области здравоохранения региона для выявления слабых мест и проблемных точек рассмотрены статистические показатели, характеризующие в динамике состояние системы здравоохранения в России и СФО и позволяющие оценить доступность и качество медицинской помощи в регионе.

Поскольку одной из стратегических целей в области здравоохранения Кемеровской области является развитие первичной медико-санитарной помощи, целесообразно провести сравнительный анализ динамики мощности амбулаторно-поликлинических организаций, которая измеряется количеством посещений в смену (рис. 2)¹⁰.

В сравнении со средними показателями по России за 2005–2021 гг. потребность в медицинской помощи в Кемеровской области – Кузбассе высока и с каждым годом, особенно в последнее время, увеличивается. Так, количество посещений в смену в 2019 г. составляло 294,2, и если в 2020 г. этот показатель несколько снизился (до 292,1 посещения в смену), то в 2021 г. вырос до 301,8 посещений в смену. Приходится констатировать, что необходимость в оказании медицинских услуг в Кемеровской области – Кузбассе на 9,7 (3,3 %) выше среднего показателя по России, максимальное значение которого в 2021 г. составило 292,2 посещения в смену.

Что касается сравнительного анализа амбулаторно-поликлинических организаций Кузбасса с организациями других регионов Сибирского федерального округа, в последние годы по данному показателю его опережают только Республика Хакасия, Красноярский и Алтайский края. Именно поэтому акценты, расставленные руководством региона и нашедшие отражение в Стратегии развития здравоохранения Кузбасса по реализации задач расширения первичной медико-санитарной помощи, кажутся вполне оправданными. Сложившуюся в регионе ситуацию необходимо учитывать и при разработке мероприятий, направленных на внедрение пациент-ориентированного подхода.

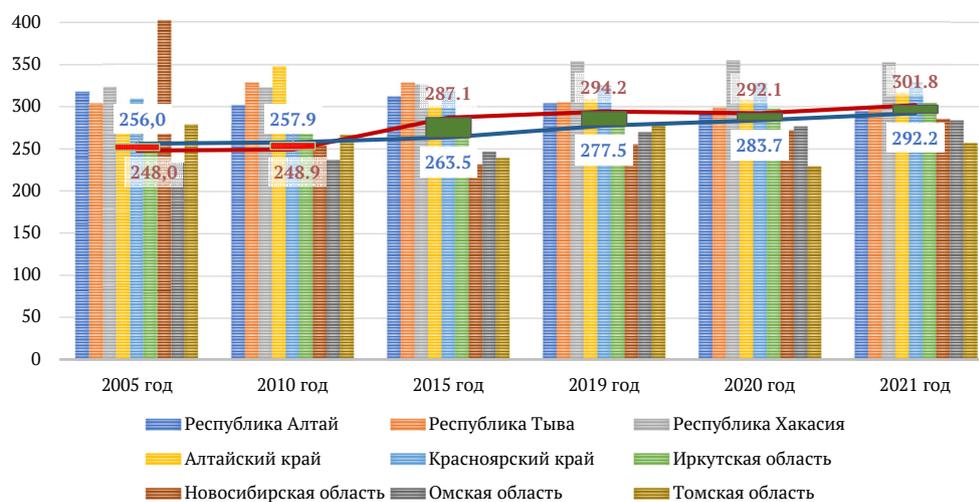

Рис. 2. Динамика мощности амбулаторно-поликлинических организаций СФО, 2005–2021 гг., посещений в смену
 Fig. 2. Dynamics of outpatient polyclinic organizations' capacity in the Siberian Federal District, 2005–2021, visits per shift

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2022. С. 366–414.

Кроме того, статистика показывает, что кадровый дефицит врачей в Кузбассе высок и за последние годы не снижается (рис. 3¹¹). Так, в 2021 г. Кемеровская область имела один из самых низких показателей численности врачей среди субъектов СФО – около 44 человек на 10 тыс. населения, что составило 86,3 % от среднего показателя по России (51 человек). Самые высокие показатели среди регионов СФО в 2021 г. показали Томская и Новосибирская область (59,3 и 56,7 % соответственно).

Проблема кадрового дефицита в Кузбассе может стать существенным препятствием при переходе к пациент-ориентированной медицине, и решать ее необходимо путем совершенствования системы медицинского образования, повышения уровня оплаты труда работников здравоохранения, создания программ привлечения специалистов из других регионов, а также повышения престижа профессии.

Таким образом, анализ статистических показателей региона позволяет выявить проблемные точки, требующие особого внимания при разработке стратегии развития здравоохранения Кузбасса в условиях перехода к пациент-ориентированной медицине.

При формировании стратегии развития пациент-ориентированного подхода в Кузбассе использование стратегического видения и определение контура приоритетов в сфере здравоохранения позволят лучше подготовить регион к появлению возможностей, которые могут быть более эффективно использованы при наличии внутреннего потенциала. В то же время именно стратегическое видение открывает не только возможности оптимального использования внезапно открывающихся перспектив. Оно также позволяет своевременно предупредить развитие событий по негативному сценарию, предпола-

гая наличие потенциальных угроз, а также сильных и слабых сторон в сфере здравоохранения региона, которые могут либо усилить позиции на пути успешной реализации поставленных целей, либо усугубить ситуацию, существенно осложнив достижение запланированных целей в установленные сроки.

Для выявления возможностей и угроз при реализации Стратегии развития здравоохранения Кузбасса и перехода к пациент-ориентированной медицине проведен OTSW-анализ по методологии академика В. Л. Квинта [см. 21; 22]. Результаты проведенного исследования представлены в таблице 2.

Изменение приоритетов в исследовании стратегии развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе в пользу изучения возможностей и угроз с последующим рассмотрением (уже с точки зрения перспектив и потенциальных препятствий) сильных и слабых сторон социально-экономического развития в большей степени соответствует формированию стратегического видения, разработки контура приоритетов и целеполагания, т.к. позволяет предусмотреть и более эффективно подготовиться к их неожиданному возникновению.

Обнаружение новых возможностей развития объекта стратегирования является приоритетным и оказывает первостепенное воздействие на целенаправленное преобразование здравоохранения региона. Так, государственные федеральные программы развития здравоохранения и социально-экономического развития; дополнительное финансирование в рамках единой комплексной политики, осуществляемой в сфере охраны здоровья федеральными органами исполнительной власти и субъектами РФ; развитие научно-технического прогресса, внедрение телемедицины и других новейших

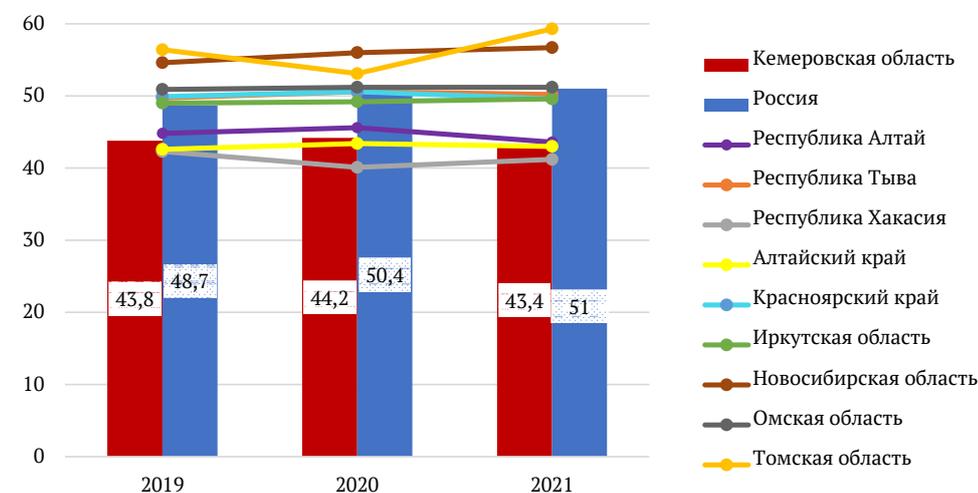

Рис. 3. Численность врачей всех специальностей на 10 тыс. человек, 2019–2021 гг., человек
Fig. 3. Number of doctors of all specialties per 10 thousand people, 2019–2021, people

¹¹ Регионы России... С. 366–414.

Табл. 2. OTSW-анализ стратегии развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе

Tab. 2. OTSW analysis of the patient-oriented medicine development strategy in Kemerovo region – Kuzbass

Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<ul style="list-style-type: none"> Программа социально-экономического развития Российской Федерации Программа развития здравоохранения РФ Дополнительное финансирование в рамках комплексной стратегии, реализуемой в сфере охраны здоровья совместно федеральными органами исполнительной власти и субъектами РФ Внедрение телемедицины и других новейших технологий в здравоохранении 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие единого подхода к внедрению пациент-ориентированной медицины в России Отсутствие в нормативной базе объективных показателей и критериев оценки пролеченными качества медицинской помощи Отсутствие в образовательных программах медицинских ВУЗов, академий и колледжей дисциплин по обучению технологиям взаимодействия с коллегами и с пациентами
Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<ul style="list-style-type: none"> Наличие Стратегии развития здравоохранения на региональном уровне Успешный опыт реализации проекта «Бережливая поликлиника» на территории Кузбасса Имеющиеся мощности и потенциал медицинских организаций Кузбасса Система сбора и анализа обращений пациентов на базе Фонда ОМС-Кузбасс 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие комплексности в реализации пациент-ориентированного подхода к здравоохранению в Кузбассе Неадаптированность организационных структур и процессов медицинских организаций к пациент-ориентированной медицине Кадровый дефицит медработников в Кузбассе

технологий в здравоохранении благодаря наличию Стратегии развития здравоохранения открывают существенные перспективы для развития пациент-ориентированной медицины в регионе при условии их корреляции с программами федерального уровня.

Благодаря функционированию ведущих клиник с современным оборудованием, работе квалифицированных специалистов с богатым опытом в диагностировании и лечении различных заболеваний, а также успешной реализации на территории Кузбасса проекта «Бережливая поликлиника» открываются благоприятные возможности для дальнейшего внедрения информационных технологий, развития телемедицины и др. Для этого может быть привлечено дополнительное финансирование в рамках единой комплексной политики, реализуемой в сфере охраны здоровья федеральными органами исполнительной власти и субъектами РФ.

К сильным сторонам стратегии развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе отнесена и сформированная на базе Фонда ОМС-Кузбасс система приема и анализа обращений пациентов. Ее можно рассматривать не только как индикатор, указывающий на необходимость формирования пациент-ориентированного подхода в сфере здравоохранения [23], но и как способ выявления направлений развития пациент-ориентированной медицины на основе обратной связи, отражающей потребности пациента, которые необходимо реализовать [24] с использованием возможностей, указанных в таблице 2.

Анализ возможных угроз выявил отсутствие единого подхода к внедрению пациент-ориентированной медицины, объективных показателей и критериев оценки пролеченными качества медицинской помощи на федеральном уровне, а также дисциплин по обучению технологиям взаимодействия с коллегами и пациентами в образовательных программах медицинских ВУЗов, академий и колледжей.

Риски для стратегии развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе, обусловленные угрозами, могут быть лишь частично снижены за счет сильных сторон. В то же время риски существенно возрастают в случае отсутствия комплексного подхода, неадаптированности организационных структур и процессов медицинских организаций к пациент-ориентированной медицине, а также нарастания кадрового дефицита медицинских работников в Кузбассе.

В стратегии социально-экономического развития Кузбасса принцип эффективной реализации отраслевых стратегий согласован с общей системой стратегических приоритетов, однако переход на пациент-ориентированную медицину не обозначен в концепции стратегического развития.

Трансформация медицины будет эффективна при использовании стратегического управления, благодаря которому формулируются и реализуются стратегии, предназначенные для достижения конкретных целей в рамках имеющихся ресурсов. Достигнуть успехов в поставленных целях возможно при понимании основ стратегического управления

и планирования. Если стратегическое планирование определяет желаемую цель, в нашем случае – переход на пациент-ориентированную медицину, то стратегическое управление – средства, с помощью которых достигается желаемый результат, это переход от стадии планирования к стадии реализации. Стратегическое управление способствует пониманию медицинским персоналом долгосрочных целей, позволяет медицинской организации эффективно взаимодействовать с другими участниками системы здравоохранения, выявляя проблемы, возникающие в процессе оказания медицинской помощи [25].

Можно утверждать, что стратегирование в области здравоохранения повлечет за собой изменения культуры медицинских организаций, что будет способствовать успешному внедрению пациент-ориентированного подхода в здравоохранении Кузбасса.

Заключение

Исследование подтвердило необходимость и целесообразность дальнейшей трансформации всей системы здравоохранения с опорой на методологию стратегирования академика В. Л. Квинта. При этом важно соблюдение согласованности стратегий как федерального, регионального и отраслевого, так и корпоративного и личного уровня. Это не исключает проявления инициативы на местах в рамках соответствующих приоритетов, поскольку определение стратегических задач региона, конкретной медицинской организации и ее сотрудников по трансформации здравоохранения неотделимо от общего вектора социально-экономического развития региона и страны в целом, а их воплощение призвано стать фактором обеспечения эффективности реализации стратегий на всех уровнях.

Анализ показателей, характеризующих состояние системы здравоохранения Кузбасса, СФО и России в динамике, свидетельствует, что для развития пациент-ориентированной медицины в Кузбассе имеется достаточный потенциал. В регионе намечены конкретные цели и обозначены стратегические приоритеты развития. Процесс перестройки медицины может стать основой развития социальных программ в Кемеровской области. Сравнение программных документов по стратегическому развитию здравоохранения на федеральном и на региональном уровне подтверждает, что стратегия развития Кузбасса плотно коррелирует со стратегией социально-экономического развития РФ, что дает весомые предпосылки для успешной трансформации отрасли здравоохранения, в т.ч. при внедрении пациент-ориентированного подхода.

Переход к пациент-ориентированной медицине возможен благодаря стратегическому управлению, которое позволяет определить желаемый результат и реализовать его в рамках имеющихся ресурсов. Стратегическое планирование позволяет определить цели, а стратегическое управление – средства и инструменты, необходимые для их достижения. Потребность в изменении культуры медицинских организаций является важным фактором для успешного внедрения пациент-ориентированного подхода в здравоохранении Кемеровской области – Кузбасса. Учитывая те перспективы, которые открываются перед медициной при использовании пациент-ориентированного подхода, стратегическое управление является ключевым фактором для достижения успехов в этой области.

Стратегический подход в области здравоохранения позволяет эффективно определять цели и использовать имеющиеся ресурсы для их достижения, а также поддерживать необходимые изменения в культуре медицинских организаций для успешного внедрения пациент-ориентированного подхода в здравоохранении Кузбасса. При реализации целей по внедрению пациент-ориентированной медицины в Кемеровской области целесообразно использовать методiku стратегирования В. Л. Квинта, которая анализирует и систематизирует глубинные ценности объекта, учитывает его сильные и слабые стороны, а также региональные особенности, содействует поиску потенциальных возможностей по внедрению пациент-ориентированного подхода.

Разработка и реализация стратегии развития пациент-ориентированной медицины с опорой на стратегию социально-экономического развития региона позволит решить ряд социально-значимых задач, повысить имидж Кузбасса, который сможет стать ориентиром для других субъектов РФ и будет способствовать достижению главной цели государства – повышению качества жизни населения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Шахабов И. В., Мельников Ю. Ю., Смышляев А. В. Ключевые аспекты пациент-ориентированной модели управления медицинской организацией. *Научное обозрение. Медицинские науки*. 2020. № 3. С. 34–38. [Shakhobov I. V., Melnikov Yu. Yu., Smyshlyaev A. V. Key aspects of a patient-oriented management model of a medical organization. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki*, 2020, (3): 34–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/srms.1112>
2. Зубарева Н. Н. Пациентоориентированность и клиентский сервис в маркетинге здравоохранения как основа формирования лояльности потребителей медицинских услуг. *Экономика устойчивого развития*. 2021. № 3. С. 81–86. [Zubareva N. N. Patient focus and customer service in healthcare marketing as the basis for the formation of loyalty of consumers of medical services. *Economics of Sustainable Development*, 2021, (3): 81–86. (In Russ.)] https://doi.org/10.37124/20799136_2021_3_47_81
3. Шерешева М. Ю., Костянян А. А. Клиентоориентированность персонала в государственных организациях здравоохранения России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2015. № 4. С. 74–114. [Sheresheva M. Yu., Kostanyan A. A. Client orientation of employees in Russian public health care organizations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2015, (4): 74–114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vheayx>
4. Харисов А. М., Селезнев П. С., Демина И. Д., Растеряев К. О., Бакирова Э. А. Концепция пациентоориентированного подхода как ключевой инструмент социально-экономического развития. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2019. Т. 27. № 4. С. 379–383. [Kharisov A. M., Seleznev P. S., Demina I. D., Rasteryaev K. O., Bakirova E. A. The concept of patient-oriented approach as a key tool of socio-economic development. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 2019, 27(4): 379–383. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-4-379-383>
5. Яковлев Г. И. Развитие клиентоориентированного менеджмента медицинских услуг в цифровой экономике. *Инновационная деятельность*. 2023. № 1. С. 137–146. [Yakovlev G. I. Development of client-oriented management of medical services in the digital economy. *Innovacionnaja dejatel'nost'*, 2023, (1): 137–146. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bhbfhq>
6. Чолоян С. Б., Екимов А. К., Байгазина Е. Н., Молодцов Н. С., Калинина Е. А., Поснов А. А. О возможности ЕГИСЗ решать задачи управления. *Менеджер здравоохранения*. 2022. № 1. С. 66–78. [Choloyan S. B., Ekimov A. K., Baygazina E. N., Molodtsov N. S., Kalinina E. A., Posnov A. A. About the ability of the uniform state health information system to solve management problems. *Manager Zdravookhraneniya*, 2022, (1): 66–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2022-1-66-78>
7. Кобякова О. С., Кадыров Ф. Н., Яковлев А. В. Информационные аспекты совершенствования нормативно-правовой базы обязательного медицинского страхования. *Национальное здравоохранение*. 2022. Т. 3. № 2. С. 5–12. [Kobyakova O. S., Kadyrov F. N., Iakovlev A. V. Informational aspects of improving the regulatory framework of compulsory medical insurance. *National Health Care (Russia)*, 2022, 3(2): 5–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2022.3.2.5-12>
8. Морозова Ю. А. Цифровая трансформация российского здравоохранения как фактор развития отрасли. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2020. № 2. С. 36–47. [Morozova Yu. A. Digital transformation of Russian health care as a factor in the development of the industry. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2020, (2): 36–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-2-36>
9. Морозова Ю. А. Стратегические приоритеты реализации программы модернизации первичного звена здравоохранения на региональном уровне. *Экономическое возрождение России*. 2022. № 3. С. 140–153. [Morozova Yu. A. Strategic priorities for the implementation of the primary health care modernization program at the regional level. *Economic Revival of Russia*, 2022, (3): 140–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-3-73-140-153>
10. Харисов А. М., Сухотерин А. Ф., Селезнев П. С., Качкова О. Е., Чаленко Н. Н. Трансформация здравоохранения к пациентоориентированной модели. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2019. № 3-4. С. 96–104. [Kharisov A. M., Sukhoterina A. F., Seleznev P. S., Kachkova O. E., Chalenko N. N. Health transformation to a patient-oriented model. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, 2019, (3-4): 96–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2019.03.011>
11. Двойников С. И., Архипова С. В. К проблеме повышения эффективности стратегического управления в здравоохранении. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2019. № 1. С. 50–55. [Dvoynikov S. I.,

- Arkhipova S. V. To the problem of increased efficiency in health care strategic management. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 2019, (1): 50–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.31556/2219-0678.2019.35.1.050-055>
12. Морозова Ю. А. Стратегические приоритеты регионального развития здравоохранения в контексте мировых и отраслевых трендов. *Стратегирование: теория и практика*. 2022. Т. 2. № 1. С. 147–162. [Morozova Yu. A. Strategic priorities for regional health development in the context of world and industry trends. *Strategizing: Theory and Practice*, 2022, 2(1): 147–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-1-147-162>
13. Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды. *Управленческое консультирование*. 2015. № 7. С. 6–11. [Kvint V. L. Development of strategy: scanning and forecasting of external and internal environments. *Administrative Consulting*, 2015, (7): 6–11. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ubhjlj>
14. Сасаев Н. И. Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции. *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 106–115. [Sasaev N. I. Fundamentals of industry strategizing: formation of the concept. *Administrative Consulting*, 2022, (9): 106–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-106-115>
15. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. Т. 1. 132 с. [Kvint V. L. *The concept of strategizing*. St. Petersburg: NWIM RANEPА, 2019, vol. 1. 132. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/vumjtw>
16. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020. Т. 2. 164 с. [Kvint V. L. *The concept of strategizing*. St. Petersburg: NWIM RANEPА, 2020, vol. 2, 164. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/cdmbhk>
17. Козырев А. А. Концептуальная схема исследований теории и методологии стратегии. *Экономическое возрождение России*. 2022. № 2. С. 110–122. [Kozyrev A. A. Conceptual scheme for research on the theory and methodology of strategy. *Economic Revival of Russia*, 2022, (2): 110–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-110-122>
18. Kozurev A. A. *Work and competition in the digital age*. St. Petersburg: Strata, 2019, 130. <https://www.elibrary.ru/tjrfml>
19. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2014, 84(3): 188–200. <https://doi.org/10.1134/S1019331614030058>
20. Герелишин Р. И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества. *Управленческое консультирование*. 2023. № 4. С. 93–107. [Gerelishin R. I. Applying the strategizing methodology at the regional level: opportunities and advantages. *Administrative Consulting*, 2023, (4): 93–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-4-93-107>
21. Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды. *Управленческое консультирование*. 2015. № 7. С. 6–11. [Kvint V. L. Development of strategy: scanning and forecasting of external and internal environments. *Administrative Consulting*, 2015, (7): 6–11. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ubhjlj>
22. Сасаев Н. И. Фундаментальная основа для формирования новой культуры стратегирования. *Экономика промышленности*. 2021. Т. 14. № 2. С. 153–163. [Sasaev N. I. Fundamental basis for the formation of a new strategizing culture. *Russian Journal of Industrial Economics*, 2021, 14(2): 153–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-2-153-163>
23. Табашникова О. Л., Бадло С. В. Обращения пациентов как индикатор необходимости развития пациент-ориентированного подхода в здравоохранении (Кемеровская Область – Кузбасс). *Практический маркетинг*. 2022. № 8. С. 18–26. [Tabashnikova O. L., Badlo S. V. Patient appeals as an indicator of the need to develop a patient-centered approach in healthcare (Kemerovo Region – Kuzbass). *Practical Marketing*, 2022, (8): 18–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2022-8305-18-26>
24. Бельчик Т. А. Стратегирование отрасли здравоохранения Кузбасса. *Теория и практика стратегирования: сб. избранных науч. ст. и мат-лов*. (Кемерово, 25–26 февраля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 3. С. 61–66. [Belchik T. A. Strategy of the healthcare industry of Kuzbass. *Theory and practice of strategizing: Selected Sci. Articles and Materials*, Kemerovo, 25–26 Feb 2021. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 3, 61–66. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/izjjif>
25. Мадиге Видана Ралалаге У. М. А. Стратегический менеджмент в сфере здравоохранения: поведенческие и когнитивные стратегические подходы и управление знаниями в сфере здравоохранения. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2021. № 1. С. 347–356. [Madige Vidana Ralalage U. M. A. Strategic management in healthcare industry: cognitive and behavioral strategic approaches and knowledge management in healthcare industry. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 2021, (1): 347–356. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/eljxbj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ceohtr>

Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии)

Лушникова Ольга Леонидовна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, Абакан

<http://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

oltolt@mail.ru

Аннотация: В условиях затяжной безработицы происходит изменение сферы труда и занятости в сельской местности: меняется рынок труда, распространяются неформальные практики, появляются новые формы занятости, растет число сельчан, не желающих или отвыкших работать и др. Фокус данной статьи направлен на выявление трудовых практик среди неработающего населения удаленных территорий (на примере Хакасии). Географическая удаленность играет роль дополнительного фактора, ограничивающего возможности трудового поведения сельского населения. Исследование проведено на материалах социологического опроса жителей удаленных территорий региона ($n = 404$). Сравниваются группы сельчан, не имеющих работу разное по продолжительности время: от нескольких месяцев до года; несколько лет; никогда не работавшие. Социально-демографический состав этих групп, как и стратегии их трудового поведения, различаются. Первую группу опрошенных можно отнести к фрикционно безработным. В основном это трудоспособное население, проживающее в больших селах с относительно высоким уровнем достатка и ориентированное на различные трудовые стратегии. Вторая группа достаточно разнообразна по своему составу, в ней представлены практически все слои сельского населения. Опрошенные этой группы занимаются личным подсобным хозяйством, которое рассматривается как альтернатива формальной занятости. Третью группу образуют никогда не работавшие женщины репродуктивного возраста, не нацеленные на поиск работы или других форм самозанятости, поскольку основной вид их деятельности связан с ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми. Распространены среди неработающего населения и случайные заработки (калым), и промысловая деятельность, однако доход от таких занятий невысокий и нестабильный. В целом трудовые практики неработающего населения удаленных территорий зависят от разных факторов, однако наибольшее влияние оказывает личная мотивация сельчан, определяющая стратегию их трудового поведения.

Ключевые слова: село, сельское население, безработица, занятость, самозанятость, случайные заработки, промысловая деятельность

Цитирование: Лушникова О. Л. Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 120–128. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128>

Поступила 20.12.2023. Принята после рецензирования 05.02.2024. Принята в печать 15.02.2024.

full article

Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the Example of Khakassia)

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russia, Abakan

<http://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

oltolt@mail.ru

Abstract: In conditions of prolonged unemployment, the sphere of labor and employment in rural areas is transforming. The labor market is changing, informal practices are spreading, new forms of employment are emerging, the number of villagers who do not want or are unaccustomed to work is growing, etc. The article aims at identifying labor practices among the unemployed population of remote territories using the example of Khakassia. Geographical

remoteness is an additional factor limiting the possibilities of rural population labor behavior. The study was conducted based on a sociological survey of region's remote areas residents ($n = 404$). The article compares the groups of villagers who are unemployed for different periods. The socio-demographic composition of these groups, as well as the strategies of their work behavior, differ. The first group of respondents, those who did not work for up to a year, can be considered frictionally unemployed. Most of them are able-bodied people living in large villages with a relatively high level of prosperity and focused on various labor strategies. The second group, people who did not work for several years, is quite diverse in its composition and represents almost all segments of the rural population. The respondents of this group are engaged in personal subsidiary farming, which serves as an alternative to formal employment. The third group consists of women of reproductive age who have never worked. They do not aim at finding work or other forms of self-employment, since their main activities are household management and childcare. Casual earnings (extra money made on the side) and fishing activities are common among the unemployed population, but the income from such activities is low and unstable. In general, the labor practices of the remote territories' unemployed population depend on various factors, but the personal motivation of the villagers, which determines the strategy of their labor behavior, has the greatest influence.

Keywords: village, rural population, unemployment, employment, self-employment, casual earnings, crafts

Citation: Lushnikova O. L. Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the example of Khakassia). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 120–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128>

Received 20 Dec 2023. Accepted after peer review 5 Feb 2024. Accepted for publication 15 Feb 2024.

Введение

Затяжная безработица меняет сферу трудовых отношений села [1]. Под ее влиянием трансформируется структура занятости сельского населения [2], распространяется неформальная занятость [3], в т.ч. теневая [4], появляются новые формы самозанятости [5], меняется социальный состав безработных [6] и стратегии их поведения [7] и др. Безработица, в особенности сельская, чаще затрагивает наиболее уязвимые категории населения. Например, доказано, что среди безработных, проживающих на селе, значительно меньше граждан, имеющих высшее профессиональное образование. Доля граждан, получивших начальное профессиональное образование и не имеющих среднего общего образования, наоборот, выше [8, с. 121].

Собственно *безработных* сельчан, т.е. трудоспособных, желающих найти работу, находящихся в поиске и готовых приступить к ней, на селе немного. Данный вид безработицы во многом носит вынужденный характер. По мнению некоторых исследователей, она связана не только с отсутствием рабочих мест на сельском рынке труда, но и с тяжелыми условиями труда, на которые жители сел не готовы соглашаться. К. В. Аверкиева приводит в своем исследовании сравнение: на лесозаготовках и на предприятиях глубокой переработки древесины более высокий уровень оплаты труда и меньше текучесть кадров, тогда как на пилорамах происходит «круговорот бездельников», куда «идут одни непутевые ребята» [9, с. 28].

Наряду с безработными на селе появляются сельчане, *не желающие* [10, с. 190] или *отвыкшие* работать [11, с. 27]. На селе их насчитывается около 20 % [9, с. 25]. Увеличение численности этой категории сельчан имеет не только экономические последствия, но и социальные, например, алкоголизация [12, с. 54]. Ряд исследователей также поднимают проблему иждивенчества, связывая ее не только с использованием ресурсов близких родственников, но и переложением на них решения своей судьбы [13, с. 57].

Социально-экономические условия сельских территорий способствуют росту популярности и распространению самозанятости среди сельского населения. В данном случае под *самозанятостью* мы понимаем форму трудовой занятости населения, при которой каждый занятый «самостоятельно выбирает устраивающий его вид деятельности, организует процесс труда, в результате которого получает определенный денежный и / или натуральный доход» [14, с. 37]. Некоторые исследователи считают, что самозанятость и другие формы нестандартной занятости в сельской местности слабо развиты [15, с. 46]. Вместе с тем часть сельского населения вместо занятости в формальном секторе экономики выбирает разные виды самозанятости. Наиболее распространенной альтернативой трудовой деятельности является занятость в *личном подсобном хозяйстве* (ЛПХ) [16, с. 61], часть сельчан занимается *промыслами* (собираТЕЛЬСТВОМ

дикоросов, охотой, рыболовством) [17, с. 49], практически все сельское население соглашается на *случайные заработки* или так называемый *калым* [9, с. 29], в т. ч. и нетрадиционный [18, с. 19].

В наиболее сложном положении находятся жители удаленных и особенно малых сел, экономическая деятельность которых во многом остается неформальной [19, с. 90]. На удаленных сельских территориях возможности нахождения заработка ограничены не только узким рынком труда и небольшим количеством рабочих мест, но и географической удаленностью, препятствующей, например, маятниковой трудовой миграции в близлежащие села. Можно предположить, что фактор удаленности оказывает влияние на выбор трудовых практик неработающего населения, проживающего в таких особых пространственных условиях.

Учитывая сложную экономическую обстановку сельских территорий, в исследовании важно не только выявить трудовые практики безработных, но и понять, кто образует неработающее население, какие группы сельчан не имеют работы и по каким причинам, поэтому в качестве объекта выступают все сельчане, не имеющие работу. Безусловно, исследуемую группу мы не можем отнести к собственно *безработным* (согласно классификации Международной организации труда (МОТ)), поскольку часть такого населения периодически имеет случайные заработки, занимается промышленной деятельностью, ведением ЛПХ, другими словами, вовлечена в те или иные формы трудовой занятости (самозанятости) или вообще не нацелена на поиск работы. Исходя из поставленных задач, в данном исследовании мы рассматриваем трудовые практики сельчан, не имеющих работу разное по продолжительности время, предполагая разность их трудового поведения и причин безработицы. Под *трудовым поведением* мы понимаем не только занятость по основному месту работы, но и ведение ЛПХ, занятия промыслами и другие практики.

Исследование проведено на примере жителей удаленных сел Хакасии. Материалами для исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в 2022 г. среди жителей удаленных сел Республики Хакасия ($n = 404$). В статье проанализированы данные только по респондентам, не имеющим работу. Опрос проводился в больших (население 500–1000 человек) и малых (менее 500 человек) селах. Выборка квотная: отбор осуществлялся по полу, возрасту. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 19. В исследовании использовался анализ корреляций по Спирмену.

Результаты и обсуждение

Социально-демографический портрет неработающего населения

По нашему предположению, трудовые практики неработающего населения во многом зависят от длительности отсутствия работы, поэтому в данном исследовании мы сравнили группы сельчан, находящихся без работы разное по продолжительности время.

Среди населения удаленных сел Хакасии преобладают сельчане, не имеющие занятости на протяжении нескольких лет (рис. 1). Примерно треть опрошенных находится без работы непродолжительное время – от нескольких месяцев до года. Также обнаружилась группа населения, которая никогда в своей жизни не работала – это каждый десятый житель удаленных сел.

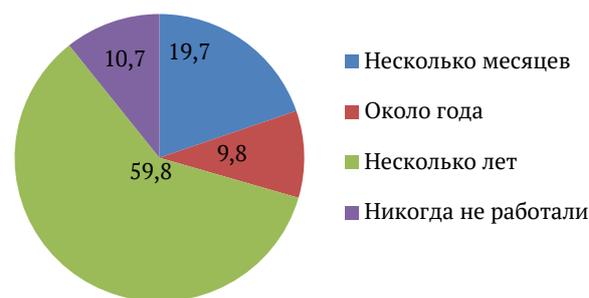

Рис. 1. Соотношение продолжительности отсутствия работы сельчан, % от опрошенных
 Fig. 1. Ratio of remote villages' population time, %

По социально-демографическим характеристикам эти группы тоже значительно различаются (табл.). Среди сельчан, находящихся без работы не более года, нет гендерного дисбаланса. В основной своей массе это люди в возрасте 35–54 лет, 50 % из которых состоит в браке, имеет двух и более детей. Сельчане, попавшие в эту группу, преимущественно проживают в больших селах. В более крупных населенных пунктах рынок труда более широкий и подвижный, поэтому часть сельчан ориентирована на поиск лучшей работы, и число не имеющих работу больше, чем в малых селах. Фрикционная безработица – вполне естественное явление, хотя в сельской местности ее удельный вес выше, чем в городской.

Группа сельчан, не имеющих работу несколько лет, разнообразна по своему составу. Среди них есть как мужчины, так и женщины, люди разных возрастов с разным семейным положением и количеством детей, проживающие в разных типах села (и больших, и малых). Эта группа неработающего населения самая многочисленная, поэтому в ней представлены практически все слои сельского населения.

Табл. Социально-демографические характеристики неработающих сельчан
Tab. Socio-demographic characteristics of the remote villages' non-working population

Характеристики	Значения	Продолжительность нахождения без работы, %		
		Не больше года	Несколько лет	Никогда не работали
Пол	Мужчины	44,4	57,5	15,4
	Женщины	55,6	42,5	84,6
Возраст	18–24	11,1	4,1	–
	25–34	–	8,2	84,6
	35–44	41,7	33,0	15,4
	45–54	47,2	34,2	–
	55 и старше	–	20,5	–
Семейное положение	Холостые / незамужние	11,1	17,8	38,5
	В браке	55,6	67,1	61,5
	Разведенные	33,3	11,0	–
	Вдовы	–	4,1	–
Дети	Не имеют детей	33,3	24,7	15,4
	Имеют одного ребенка	–	30,1	–
	Имеют двух детей	47,2	13,7	–
	Имеют трех и более детей	19,5	31,5	84,6
Размер села	Малое (меньше 500 человек)	22,2	43,8	38,5
	Большое (500–1000 человек)	77,8	56,2	61,5

Никогда не работавшие сельчане отличаются по своим социально-демографическим характеристикам от предыдущих групп. В основном это молодые (25–34 года) замужние женщины, имеющие трех и более детей. Основной род их деятельности связан с ведением домашнего хозяйства (домохозяйки). Согласно классификации МОТ, эта группа не относится к безработному населению.

Основные причины, по которым опрошенные лишились работы, связаны с закрытием предприятия или сокращением (50,8 %). Каждый десятый попал под увольнение (9,8 %), четверть опрошенных ушла с работы по собственному желанию (24,6 %), остальные опрошенные указали на другие причины (14,8 %). При этом официально зарегистрированных в качестве безработных и состоящих на учете в центре занятости немного (13,9 %), и в основном это сельчане, лишившиеся работы сравнительно недавно. Активность в поисках работы также связана с продолжительностью безработицы (коэффициент связи по Спирмену $r = -0,191$ при $p \leq 0,05$): чем меньше сельчане находятся без работы, тем более они активны в поисках работы, и наоборот (рис. 2).

Так, среди недавно потерявших работу, только 8,3 % ничего не делали, чтобы найти ее, среди не имеющих работу на протяжении нескольких лет – 37,0 %. Среди тех, кто никогда не работал, больше половины не проявляли никакой активности в поисках работы (53,8 %). В основном все

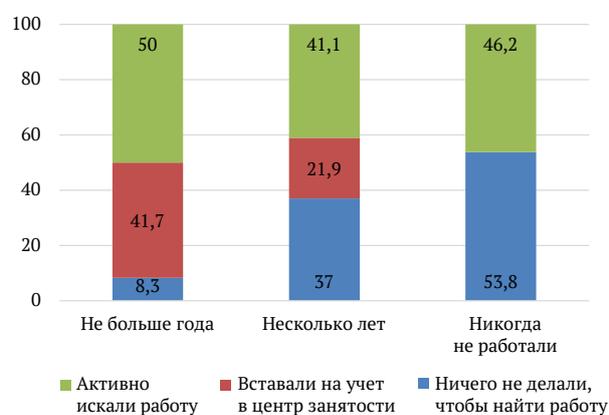

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы делали, чтобы найти работу?», % от опрошенных
Fig. 2. Responses to "What did you do to find a job?", %

неработающие сельчане живут на средства ближайших родственников (мужа, жены, родителей и т.п.). Исследователи отмечают, что постоянным компонентом бюджета их детей является пенсия [20, с. 90]. Ответы респондентов на вопрос «На какие средства Вы сейчас живете?» подтверждают, что весомым источником средств существования для неработающих являются социальные пособия (84,6 %), однако в основном это относится к тем сельчанам, которые никогда не работали. У не имеющих работу продолжительное время источником дохода чаще является ЛПХ (49,3 %). Половина сельчан, недавно оставшихся без работы, отвечают, что живут на что придется (55,6 %).

Трудовая активность неработающих сельчан

Ведение ЛПХ является привычной частью сельского образа жизни. Большинство неработающих жителей удаленных сел занимается разведением скота (69,7 %), однако степень их хозяйственной активности неодинакова (рис. 3).

Наиболее активными в разведении скота оказались сельчане, не имеющие работы на протяжении нескольких лет: большинство из них имеет на подворье несколько видов скота (61,6 %). По мнению П. П. Великого и В. Л. Шабанова, отсутствие работы у одного взрослого часто является результатом его личного выбора, в этом случае ЛПХ становится заменой официальной занятости [21, с. 110]. Действительно, две трети таких сельчан ушли с работы не вынужденно (из-за сокращения или увольнения), а по собственному желанию или другим причинам (67,1 %). Недавно оставшиеся без работы тоже достаточно активно занимаются скотоводческой деятельностью (52,8 %), однако среди них есть

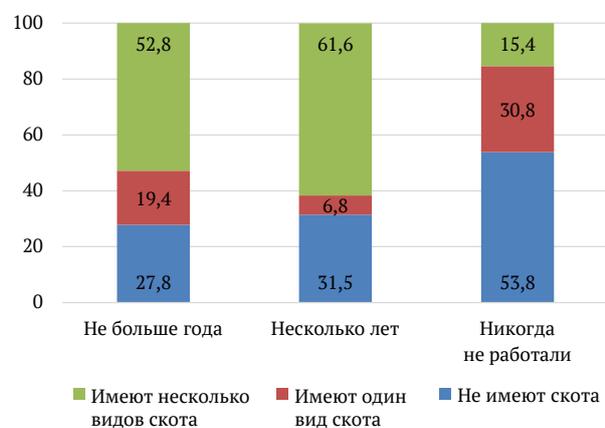

Рис. 3. Соотношение количества скота у неработающих сельчан, % от опрошенных

Fig. 3. Ratio of livestock number among remote villages' non-working population, %

и те, кто имеет на подворье всего один вид скота (19,4 %). Меньше всех вовлечены в деятельность по разведению скота никогда не работавшие сельчане, половина из которых не имеет на своем подворье никаких животных (53,8 %). Предположительно, низкую активность этой группы вряд ли можно расценивать как пассивную стратегию поведения, поскольку эту часть сельчан образуют домохозяйки.

Еще одной практикой трудового поведения среди не имеющих постоянную работу сельчан являются случайные заработки. По данным исследований, в отсутствие какой-либо работы примерно треть (34,16 %) жителей села вынуждены оказывать платные услуги более состоятельным сельчанам – белить, сажать, выкапывать картофель и т.д., т.е. подрабатывать на сезонной или разовой работе, калымить [22]. Согласно результатам нашего исследования, число неработающих жителей удаленных сел, вовлеченных в такую эпизодическую занятость, в два раза больше – 65,6 %. Ограниченный рынок труда вкупе с фактором удаленного проживания существенно снижает возможности нахождения постоянной работы, поэтому доля случайных заработков в общей структуре занятости в таких селах выше. Сельчане нанимаются на калымные работы (41,0 %), связанные с широким спектром видов деятельности: сельскохозяйственными работами (посадка, прополка, выпас скота, уход и т.п.), строительными (ремонт, отделка и т.п.) и др.

Распространенным среди неработающего населения источником дохода также считается промысловая деятельность, под которой понимается самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии, направленная на жизнеобеспечение семьи и достижение иных, как правило, социальных целей [23, с. 411]. К промыслам относятся собирательство, охота, рыболовство, бортничество и др. Однако результаты нашего исследования показали, что промысловой деятельностью занимается лишь каждый десятый опрошенный (11,5 %), что, вполне вероятно, связано с низкой прибыльностью этого источника дохода. Исследователи подтверждают, что указанные способы заработка имеют сезонный характер, зависят от погодных условий и других непредвиденных факторов, что делает получаемые доходы нестабильными [24, с. 60].

В целом, из-за отсутствия гарантий, а также низкого и нерегулярного заработка проблема неформальной занятости превращается в проблему бедности [25, с. 63]. Оказалось, что продолжительность отсутствия работы отрицательно коррелирует с уровнем материального положения неработающих сельских

жителей (коэффициент корреляции по Спирмену $r = -0,368$ при $p \leq 0,01$). Среди недавно лишившихся работы много *зажиточных* сельчан (47,2 %). Это те люди, которым хватает средств на удовлетворение основных потребностей (в еде, одежде, обуви, бытовой технике) (рис. 4). Большинство сельчан, не имеющих работу несколько лет, отнесли себя к *бедным*, которым денег едва хватает на питание (76,7 %), хотя *зажиточные* сельчане среди них тоже есть (12,3 %). Среди никогда не работавших *зажиточных* сельчан не оказалось.

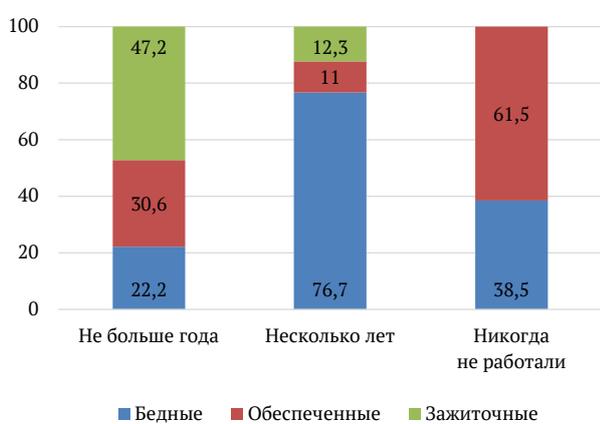

Рис. 4. Соотношение уровней достатка неработающих сельчан, % от опрошенных
Fig. 4. Ratio of remote villages' non-working population income levels, %

Вполне вероятно, что причины невысокого материального достатка неработающих сельчан связаны не только (а, может быть, и не столько) с длительностью безработицы, сколько с их мотивацией. Анализ мотивации опрошенных показал, что сельчане ориентированы на разные стратегии поведения. Сельчане, не работающие меньше года, готовы работать вахтовым методом (47,2 %). Не имеющие работу на протяжении нескольких лет, с одной стороны, выражают готовность взяться за любую работу (32,9 %), а с другой стороны, больше ориентируются на стратегии поведения, связанные с местом своего проживания. В частности, они заинтересованы в разведении скота и выращивании овощей (45,2 %). Никогда не работавшие сельчане ответили, что ничего не будут делать, чтобы найти работу (61,5 %).

Заключение

Застойная безработица приводит к стойким изменениям экономической конъюнктуры рынка труда и трансформации социальной структуры современного села. Среди жителей сельских территорий отчетливо выделяется несколько относительно устойчивых категорий неработающего населения.

Прежде всего, это безработные, лишившиеся работы по объективным обстоятельствам (чаще из-за ликвидации предприятия, закрытия производства, сокращения, увольнения и т. п.). Однако внутри эта категория сельчан неоднородна. Группы значительно отличаются друг от друга и по социально-демографическим характеристикам, и по степени активности, и по стратегиям трудового поведения.

Первая группа – достаточно молодое трудоспособное население, имеющее, как правило, несовершеннолетних детей, поэтому мотивированное на активную трудовую деятельность. Причем, чем меньше продолжительность времени нахождения без работы, тем более эти сельчане активны в ее поисках. Стратегии их трудового поведения тоже достаточно разнообразны и связаны не только с местом проживания: часть из них готовы работать и вахтовым методом.

Вторая группа – сельчане, находящиеся без работы на протяжении длительного времени (нескольких лет). Социально-демографический состав этой группы разнообразен, в ней представлены практически все слои населения, что является свидетельством затяжного характера безработицы, охватившей сельские территории. На первый взгляд, такие сельчане допускают вариативность стратегий поведения, готовы взяться за любую работу. Однако в действительности они ориентированы на трудовую деятельность преимущественно в месте своего проживания, прежде всего, на ведение ЛПХ. Низкая активность в поисках работы может объясняться, с одной стороны, отсутствием веры в реальную возможность трудоустройства, с другой – сформировавшимся на протяжении длительного времени привычным образом жизни, связанным с работой на домашнем подворье.

Наряду с вынужденной безработицей растет число добровольно не работающих сельчан. Среди них также можно выделить несколько групп. Первая группа – домохозяйки, т. е. женщины репродуктивного возраста, чаще многодетные, основной род деятельности которых связан с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Одним из весомых источников дохода этой части населения являются социальные пособия. В большинстве своем сельчанки не ориентированы на поиск работы, поэтому не относятся к безработному населению. Ко второй группе можно отнести сельчан, которые занимаются ведением личного подсобного хозяйства или промысловой деятельностью (по вынужденным причинам или добровольно), т. е. вовлечены в те или иные формы занятости (самозанятости). Данный способ заработка слабо распространен у сельских жителей.

Третья группа сельчан – те, кто не хочет работать. Источники доходов, род занятий и перспективы будущего этой группы не определены. Часть из них живет на случайные заработки, некоторые живут на социальные пособия, кто-то находится на иждивении родственников. Есть и те, кто живет на что придется. Увеличение численности этой категории населения грозит не только экономическими, но и социальными последствиями, например, распространением практик праздного образа жизни (алкоголизма, пьянства, наркомании).

В условиях непростой социально-экономической ситуации, сложившейся на сельских территориях, удаленность накладывает дополнительные ограничения на возможности трудоустройства населения и практики трудового поведения. В не крупных удаленных селах небольшой рынок труда, поэтому выбор сфер занятости (самозанятости) тоже достаточно ограничен. Более доступным для сельчан является занятие ЛПХ, хотя его ведение сопряжено с множеством проблем (ограниченностью ресурсов, возможностей содержания скота, сбыта продукции и др.). Чаще всего хозяйство сельчан носит натуральный, а не товарный характер; произведенной продукции хватает преимущественно на удовлетворение потребностей в питании. Лишь некоторым жителям удается сбывать сельскохозяйственную продукцию, но доход от этой деятельности очень низкий, поэтому говорить о масштабном развитии фермерства среди неработающего населения удаленных территорий пока рано.

Некоторые сельчане занимаются промыслами, но такой вид деятельности доступен только проживающим в соответствующих природно-климатических условиях (таежная местность). Доход от промыслов носит сезонный характер и не может в полной мере обеспечить потребности среднестатистической сельской семьи круглый год, полученные продукты чаще используются для личного пропитания. Высока вовлеченность неработающих жителей в эпизодическую занятость (случайные заработки, сезонные работы, калым), при этом оплачиваться такая работа может не только в денежной, но и в натуральной форме. Такой вид заработка отличается крайней нерегулярностью, поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве основного вида трудовой деятельности.

В целом, трудовые практики неработающего населения удаленных территорий зависят от разных факторов: конъюнктуры рынка труда, продолжительности безработицы, природно-климатических условий местности. Однако наибольшее влияние оказывает личная мотивация сельчан, определяющая стратегию их трудового поведения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Смирнова Т. А. Безработица в сельских поселениях России: состояние и возможности решения проблемы. *Эпоха науки*. 2019. № 19. С. 62–67. [Smirnova T. A. Unemployment in rural areas of Russia: the state and possibilities of solving the problem. *Epokha nauki*, 2019, (19): 62–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1918>
2. Соловченков С. А. Трансформация структуры занятости сельского населения Приамурья в современных российских условиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16. № 4. С. 184–188. [Solovchenkov S. A. The transformation of the employment structure of the Amur region rural population in modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 2013, 16(4): 184–188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rrrjdv>
3. Водопьянова А. И., Леонова Л. А. Исследование характера неформальной занятости. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015. № 6. С. 13–23. [Vodopyanova A. I., Leonova L. A. A study on the nature of informal employment. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2015, (6): 13–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/thjuyf>
4. Ахмедуев А. Ш. Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития. *Вопросы экономики*. 2015. № 9. С. 152–160. [Akhmeduev A. Sh. Shadow economy in Russia: system resource and a factor of braking social and economic development. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, (9) 152–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-9-152-160>
5. Сукнева С. А., Барашкова А. С., Неустроева А. Б. Предпосылки и особенности самозанятости сельского населения северного региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2017. Т. 15. № 7. С. 1251–1260. [Sukneva S. A., Barashkova A. S., Neustroeva A. B. Rural self-employment in the northern region: background

- and characteristics. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, 15(7): 1251–1260. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/wmmjwb>
6. Арсельгова М. А. Социальный портрет безработного: социологический анализ. *Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева*. 2020. № 1. С. 57–61. [Arselgova M. A. Social portrait of the unemployed: a sociological analysis. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva*, 2020, (1): 57–61. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yvmvxtw>
 7. Troshina T. I. Strategies and practices of collective self-preservation of population in northern villages: historical experience and modern realities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, (2): 94–113. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.6>
 8. Злобин Е. Ф., Студенникова Н. С., Полухина М. Г. Сельский рынок труда центральной России: состояние и проблемы. *Вестник аграрной науки*. 2017. № 6. С. 117–123. [Zlobin E. F., Studennikova N. S., Polukhina M. G. Rural labour market of the central Russia: state and problems. *Bulletin of agrarian science*, 2017, (6): 117–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15217/issn2587-666X.2017.6.117>
 9. Аверкиева К. В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2016. № 1. С. 25–37. [Averkiova K. V. Labor markets and role of "Otkhodnichestvo" in the employment of rural residents of Non-Chernozem Zone of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2016, (1): 25–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-1-25-37>
 10. Дилекова С. Д. Проблемы занятости сельского населения в республике Алтай. *Уровень жизни населения регионов России*. 2016. № 1. С. 185–193. [Dilekova S. D. Problems of employment of rural population in the Altay Republic. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2016, (1): 185–193. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wcobkf>
 11. Асланов Ш. С., Передерий В. А. Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий Краснодарского края (по материалам социологического исследования). *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 10. С. 24–29. [Aslanov Sh. S., Perederiy V. A. Actual problems of sustainable development of rural areas of Krasnodar Region (based on sociological research). *Theory and Practice of Social Development*, 2019, (10): 24–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.10.3>
 12. Белова Ю. Ю. Прекаризация и алкоголизация: созвучные понятия или связанные явления? *Общество. Среда. Развитие*. 2018. № 4. С. 52–55. [Belova Yu. Yu. Precarization and alcoholization: consonant concepts or related phenomena? *Society. Environment. Development*, 2018, (4): 52–55. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sgixut>
 13. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Иноземцева А. В. Незанятое население и самозанятость в Сибирском регионе. *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 52–60. [Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V., Inozemtseva A. V. Unemployed population and self-employment in Siberian region. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, (5): 52–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tuhqtz>
 14. Ахметов В. Я. Развитие различных форм самозанятости как эффективное направление решения проблем безработицы в Башкирском Зауралье. *Управление социально-экономическим развитием региона: III Всерос. науч.-практ. конф. (Сибай, 20 апреля 2012 г.)* Уфа: СИ БашГУ, 2012. С. 37–44. [Akhmetov V. Ya. Development of various forms of self-employment as an effective way to solve the problems of unemployment in the Bashkir Trans-Urals. *Management of socio-economic development of the region: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Sibay, 20 Apr 2012*. Ufa: SI BashGU, 2012, 37–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqyazb>
 15. Калинина И. В., Соловченков С. А. Нестандартная занятость в сельской местности Еврейской автономной области. *Региональные проблемы*. 2017. Т. 20. № 1. С. 46–54. [Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Non-standard rural employment in Jewish Autonomous Region. *Regional Problems*, 2017, 20(1): 46–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zokacd>
 16. Балакина Г. Ф. Проблемы безработицы и самозанятости в Туве. *Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 20-летию ТувИКОПР СО РАН (Кызыл, 14–15 октября 2015 г.)* Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2015. С. 59–65. [Balakina G. F. Problems of unemployment and self-employment in Tuva. *Regional Economy: technology, economics, ecology and infrastructure: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. dedicated to the 20th anniversary of TuvIENR SB RAS, Kyzyl, 14–15 Oct 2015*. Kyzyl: TuvIENR SB RAS, 2015, 59–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vuusqt>

17. Копылова Ю. В. Социальное предпринимательство как один из видов альтернативной занятости в сельской местности. *Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований*: III Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 24–25 августа 2020 г.) Пенза: Пензенский ГАУ, 2020. С. 47–52. [Kopylova Yu. V. Social entrepreneurship as a type of alternative employment in rural areas. *Development of the labor market at the present stage of socio-economic transformations*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 24–25 Aug 2020. Penza: Penza SAU, 2020, 47–52. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vqjzcc>
18. Лушникова О. Л. Неформальные трудовые практики сельского населения (на примере Хакасии). *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2023. Т. 48. № 1. С. 15–23. [Lushnikova O. L. Informal rural labor practices (on the example of Khakassia). *Journal of Wellbeing Technologies*, 2023, 48(1): 15–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/1/1490>
19. Субракова Л. К. Оценка неформальной экономики малых сел Республики Хакасия. *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. 2019. Т. 8. № 3. С. 90–100. [Subrakova L. K. Assessment of informal economy of small villages of the Republic of Khakassia. *Scientific Research and Development. Economics of the Firm*, 2019, 8(3): 90–100. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_5d7b46c5d4d2f4.32281713
20. Великий П. П., Бочарова Е. В. Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 1-2. С. 79–96. [Velikii P. P., Bocharova E. V. Creative potential of the older age group in the rural society. *Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatel'naya mysl'*, 2017, 9(1-2): 79–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-79-96>
21. Великий П. П., Шабанов В. Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2019. Т. 11. № 4. С. 105–121. [Velikii P. P., Shabanov V. L. Features of agrarian self-employment. Experience of sociological research of the independent economy of rural families. *Historical and Social-Pedagogical Studies*, 2019, 11(4): 105–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121>
22. Бильтрикова А. В. Проблема бедности сельского населения Республики Бурятия. *Современные исследования социальных проблем (электронный журнал)*. 2012. № 9. [Biltrikova A. V. The problem of poverty of the rural population of the Republic of Buryatia. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem (elektronnyi zhurnal)*, 2012, (9). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pflpwb>
23. Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. [Plusnin J. M. *Social structure of provincial society*. Moscow: Common Place; Fond sotsialnykh issledovaniy «Khamovniki», 2022, 448. (In Russ.)]
24. Татарова С. П., Затеева Н. А. Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 1. С. 58–65. [Tatarova S. P., Zateeva N. A. Problems of rural development: republics of Buryatia and Tyva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 58–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65>
25. Каримов А. Г., Фаткуллина Г. Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения. *Фундаментальные исследования*. 2021. № 1. С. 61–65. [Karimov A. G., Fatkullina G. R. Informal employment as a factor in poverty among the working population. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2021, (1): 61–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/fr.42950>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cwnude>

Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии

Московцева Лариса Владимировна

Липецкий филиал РАНХиГС, Россия, Липецк

<http://orcid.org/0000-0002-3161-6700>

mlvl80@mail.ru

Усанов Александр Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва

<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Корякина Татьяна Валерьевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал, Россия, Липецк

<http://orcid.org/0000-0001-8922-8973>

Аннотация: Пандемия создала дополнительные риски для достижения социально-экономических и экологических целей устойчивого развития стран и регионов, во многом трансформировала потребительское поведение и создала предпосылки для пересмотра экологической повестки. Цель исследования – выявить тенденции устойчивого развития в период пандемии, определить особенности их проявления в российских регионах, а также обосновать необходимость дальнейшего стимулирования практик ответственного потребления и производства на основе раскрытия потенциала экологических инноваций. Задачи исследования связаны с изучением тенденций в области устойчивого развития в мире и России в период пандемии, выявлением рисков для достижения социально-экономических и экологических целей, раскрытием специфики устойчивого развития регионов России в период пандемии, формированием рекомендаций, направленных на реализацию целей устойчивого развития регионов России. Определено, что период пандемии характеризуется замедлением поступательного экономического роста, повышением уровня социальной и экологической напряженности. Выявлен вектор трансформации паттернов потребительского поведения и изменений в деятельности организаций в период пандемии. Определены ключевые задачи в области обеспечения устойчивого развития российских регионов на этапе постковидного восстановления.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, потребительское поведение, ответственное потребление, экологические инновации, пандемия, бережливые технологии

Цитирование: Московцева Л. В., Головлева И. В., Усанов А. Ю., Корякина Т. В. Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 129–141. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-129-141>

Поступила 22.11.2023. Принята после рецензирования 29.01.2024. Принята в печать 15.02.2024.

full article

Sustainable Development of Russia and its Regions during the Pandemic

Larisa V. Moskovtseva

Lipetsk branch of the RANEPА, Russia, Lipetsk

<http://orcid.org/0000-0002-3161-6700>

mlvl80@mail.ru

Alexander Yu. Usanov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Tatiana V. Koryakina

Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk

<http://orcid.org/0000-0001-8922-8973>

Abstract: The pandemic has created additional risks for achieving the socio-economic and environmental goals of sustainable development, has largely transformed consumer behavior and created prerequisites for an environmental agenda revision. The purpose of the study is to identify trends in sustainable development during the pandemic, to identify the features of their manifestation in Russian regions, as well as to justify the need for

further stimulation of responsible consumption and production practices based on the environmental innovations' potential. The objectives of the article include the research of sustainable development trends in the world and Russia during the pandemic, identification of risks to achieving socio-economic and environmental goals, disclosure of the sustainable development specifics in Russian regions during the pandemic, and the formation of recommendations aimed at achieving the goals of Russian regions' sustainable development. It is determined that the pandemic period is characterized by a slowdown in economic growth and an increase of social and environmental tension, which creates risks for achieving sustainable development goals. Such trends are global in nature, and affect the Russian regions. The authors consider the vectors of consumer behavior patterns and organizations' activities transformation during the pandemic, identify the key tasks for ensuring the Russian regions' sustainable development at the stage of post-crisis recovery.

Keywords: sustainable development, region, consumer behavior, responsible consumption, environmental innovations, pandemic, lean technologies

Citation: Moskovtseva L. V., Golovleva I. V., Usanov A. Yu., Koryakina T. V. Sustainable Development of Russia and its Regions during the Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 129–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-129-141>

Received 22 Nov 2023. Accepted after peer review 29 Jan 2024. Accepted for publication 15 Feb 2024.

Введение

Пандемия трансформировала мироощущение человека, заставила пересмотреть ценностные установки, которые были присущи ему ранее, и изменила его потребительские предпочтения. Вопросы жизни, здоровья, семьи и личного благополучия стали наиболее актуальными. Проведенные опросы, научные исследования и анализ потребления населения доказывают, что в процессах потребления произошли сдвиги, на первый план вышли вопросы поддержания качества жизни и семейного благополучия [1; 2].

Тренд на бережное отношение к себе и своему здоровью сформировал новые аспекты взаимодействия человека и окружающей среды. Все чаще население внедряет режимы экономии, нивелируя чрезмерное потребление, и реализует модели повторного использования вещей, делает выбор в пользу товаров из переработанного сырья и старается делать акцент на эко-продукцию в своем ежедневном рационе, особое внимание уделяет вопросам сортировки отходов. В свою очередь, производители активно внедряют принципы рециклинга в своей деятельности, предпринимают шаги по снижению выбросов и используют инструменты сокращения нагрузки на окружающую среду, в т.ч. за счет реализации принципов бережливого производства [3–7].

Нельзя не учитывать и другой аспект экологической повестки. С одной стороны, произошло снижение нагрузки на окружающую среду в период локдаунов 2020 г., с другой – ее многократный рост из-за увеличения производства одноразовых средств индивидуальной защиты, медицинского оборудования и расходных материалов. По данным журнала *Environmental Science & Technology*, каждый

месяц выбрасываются 129 млрд масок и 65 млрд перчаток [8]. Этот побочный эффект пандемии стал вызовом для многих развитых стран и актуализировал задачу переработки пластика.

Таким образом, целью исследования является выявление тенденций устойчивого развития в период пандемии, определение особенностей их проявления в российских регионах, а также обоснование необходимости дальнейшего стимулирования практик ответственного потребления и производства на основе раскрытия потенциала экологических инноваций.

Задачами исследования являются:

- изучение тенденций в области устойчивого развития, проявившихся во время пандемии в мире и России;
- выявление рисков для достижения социально-экономических и экологических целей;
- раскрытие специфики устойчивого развития регионов России в период пандемии;
- определение вектора трансформации паттернов потребительского поведения и изменений в деятельности организаций;
- формирование рекомендаций, направленных на реализацию целей устойчивого развития регионов России на этапе постковидного восстановления.

Проблематика устойчивого развития наиболее полно раскрыта в работах С. Н. Бобылева и др., А. В. Абрамовой и др., в т.ч. в контексте исследования новых моделей экономики в рамках парадигмы устойчивого развития [9; 10], экологизации мировой экономики и зеленого финансирования [11].

Теоретические основы исследования также составляют труды J. Hojnik et al., J. Horbach et al., K. Govindan et al., М. Г. Треймана, И. А. Наталухи, В. Л. Семикова и др. [12–17], которые показывают, как нивелирование экологических проблем сказывается на хозяйственных системах различного уровня, описаны преимущества и существующие ограничения.

Экологические эффекты пандемии для хозяйственных систем различных стран и регионов оцениваются в работах таких исследователей, как Т. Rume и S. M. D.-U. Islam, P. M. Forster et al., Т. А. Aragaw и В. А. Mekonnen, М. Somani et al. [18–21].

Внимание к вопросам изменения потребительского поведения, формирования новых привычек населения и трансформации взглядов на проблему экологии в период пандемии уделяли И. А. Минаков и др. [22], Б. О. Хашир и др. [23], Е. К. Karpunina et al. [1], Н. А. Коровникова [24]. Исследователи подчеркивают, что пандемия сформировала условия для реактуализации вопросов ответственного потребления и производства.

Создание и использование экологических инноваций направлено на снижение рисков, связанных с экосистемой и минимизацию загрязнения окружающей среды вследствие производственной активности человека. Между тем, А. N. Sarkar [25], K. Rennings и T. Zwick [26] связывают экологические инновации с созданием конкурентных товаров, процессов и систем, удовлетворяющих потребительский спрос и не оказывающих дополнительную нагрузку на экосистему. Активность государства и регионов в части внедрения экологических инноваций оценивается в работах О. I. Averina et al. [27], С. Н. Митякова и др. [28].

А. Arundel, R. Kemp в своих работах приводят классификацию экологических инноваций в соответствии с целями внедрения новых технологий¹. Они выделяют технологии, направленные на защиту окружающей среды; организационные инновации для окружающей среды; инновационные продукты и услуги, использование которых приносит выгоду окружающей среде; инновации экосистем.

Изменение потребительского поведения в период пандемии стало стимулом для развития новых или экологически улучшенных продуктов, «зеленых» финансовых продуктов, а также услуг в сфере экологии, а цифровые технологии и государственная политика стали факторами, способствующими укреплению данной сферы деятельности [29].

Исследователи также утверждают, что сбалансированное сочетание этих факторов позволит создать новый экологичный потребительский рынок, а также преодолеть негативные последствия пандемии [30; 31].

Методы и материалы

Гипотеза исследования состоит в предположении, что пандемия COVID-19, с одной стороны, создала дополнительные риски для достижения социально-экономических и экологических целей устойчивого развития стран и регионов; с другой стороны, произошедшая трансформация потребительского поведения создала новые предпосылки для реализации принципов ответственного производства и потребления, ускоренного развития сферы экологических инноваций.

В рамках обоснования гипотезы применен метод наблюдения для формирования фактологической и статистической базы исследования. Постановка проблемы и определение вектора ее решения требовали провести анализ экономических данных за период пандемии и интерпретировать полученные выводы в виде графиков и таблиц. Далее авторами использован диалектический подход с целью оценки влияния пандемии на устойчивое развитие различных стран и регионов, в частности, его экологическую составляющую. Для выявления новых паттернов потребительского поведения в период пандемии использован метод контент-анализа.

Задачей второго этапа исследования является поиск эффективных путей решения проблемы, а также выбор соответствующих инструментов. Формирование авторских рекомендаций базируется на логическом и системном подходах. Информационную базу исследования представляют материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Всемирного банка, Statista.

Результаты

Тенденции устойчивого развития в мире и в России

Повестка устойчивого развития в экономической, социальной и экологической плоскостях ее реализации испытала влияние пандемии как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран и регионов. В 2020 г. существенные изменения произошли в динамике роста ВВП на душу населения.

¹ Arundel A., Kemp R. Measuring eco-innovation. MERIT Working Papers 2009-017. IDEAS. URL: <https://ideas.repec.org/p/unm/unumer/2009017.html> (accessed 13 Oct 2023).

В большинстве развитых стран наблюдалось значительное сокращение показателя, что свидетельствует о замедлении поступательного и устойчивого экономического роста (цель 8 устойчивого развития)². Например, сокращение показателя в США составило 3,7 % в сравнении с 2019 г. В Великобритании оно достигло 11,2 %, в Германии – 3,8 %, в Италии – 8,6 %, в Японии – 4,2 %, в Канаде – 6,3 %. Относительную стабильность продемонстрировала Россия, где сокращение ВВП на душу населения составило 2,5 %³.

Пандемия создала угрозу для полной и производительной занятости. В результате распространения инфекции и введения ограничительных мер обострились существующие структурные проблемы рынка труда, произошел рекордный рост безработицы. По данным Международной организации труда, по итогам 2020 г. уровень безработицы населения старше 15 лет в мире составил 6,5 %, превысив на 0,3 п. п. предыдущее пиковое значение показателя в 2002–2003 гг., когда произошел кризис на рынке нефти (6,2 %)⁴. В США уровень безработицы в 2020 г. вырос относительно 2019 г. на 4,4 п. п., в Канаде – на 3,8 п. п., в Германии – на 0,7 п. п. В России увеличение показателя за год составило 1,1 п. п. (5,6 %)⁵.

Нестабильность на рынке труда создала предпосылки для роста бедности. По данным Statista, в 2020 г. в США уровень бедности оценивался в 11,5 % (в 2019 г. – 10,5 %) в условиях высокого уровня поддержки со стороны государства (\$260 млрд – пособия; \$140 млрд – помощь по безработице)⁶. В Великобритании в 2020 г. количество лиц с относительно

низким доходом увеличилось относительно предшествующего года и составило 11,73 млн человек (в 2019 г. – 10,98 млн человек)⁸. В Германии в период пандемии число людей, подверженных риску бедности, увеличилось на 24,31 % по сравнению с доковидным периодом и достигло 17,7 млн человек⁹. Под влиянием снижения деловой активности и сокращения реальных денежных доходов в 2020 г. уровень бедности в России поднялся на 1 п. п. и составил 13,3 %¹⁰. Компенсационные меры государственной поддержки, которые были направлены на наиболее уязвимые слои населения, позволили сократить масштабы бедности в этих социальных группах. В результате действия этих мер в семьях с детьми 3–7 лет уровень бедности после учета выплат снизился на 25 % и приблизился к доковидному уровню¹¹.

Что касается экологической составляющей устойчивого развития стран в период пандемии, то здесь проявились две тенденции. В разгар первой волны пандемии антропогенное воздействие на окружающую среду было сокращено из-за глобального ограничения экономической активности. По оценкам экспертов, в марте – апреле 2020 г. ежедневные глобальные выбросы углекислого газа снизились в среднем на 17 % по сравнению с 2019 г.¹² Так, по данным World Air Quality Report 2020, пандемия стала «уникальным явлением в истории, когда произошло временное сокращение потребления ископаемого топлива, вызванное карантином, коррелирующее со значительным снижением загрязнения воздуха»¹³. В 2020 г. в 84 % стран наблюдалось

² SDG Indicators. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development. *United Nations*. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/> (accessed 13 Oct 2023).

³ GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?end=2018&start=1990> (accessed 13 Oct 2023).

⁴ Рынок труда в России: безработица и мероприятия по содействию занятости. *Центр стратегических разработок*. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/910/gu0jvroy1430pyl036j27lveh1dk5qpi.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).

⁵ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (accessed 16 Oct 2023).

⁶ Poverty rate in the United States from 1990 to 2022. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/200463/us-poverty-rate-since-1990/> (accessed 16 Oct 2023).

⁷ Количество нищих в России и США существенно различается. *Pravda-tv.ru*. URL: <https://www.pravda-tv.ru/2020/11/01/476290/kolichestvo-nishih-v-rossii-i-ssha-sushhestvenno-razlichaetsya> (дата обращения: 14.10.2023).

⁸ Number of individuals in relative low income in the United Kingdom from 1994 / 95 to 2021 / 22. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/282365/relative-poverty-figures-uk/> (accessed 16 Oct 2023).

⁹ Number of people at risk of poverty or social exclusion in Germany from 2010 to 2020. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/546558/people-at-risk-of-poverty-in-germany/> (accessed 20 Oct 2023).

¹⁰ Росстат зафиксировал рост бедности на пике пандемии. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1d59d1> (дата обращения: 14.10.2023).

¹¹ Овчарова Л. Н., Красильникова М. Д., Пишняк А. И. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: итоги 2020 г. М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://isp.hse.ru/data/2021/04/30/1381441227/Апрель_2021_Мониторинг_ВШЭ_для_размещения.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

¹² Локдаун сократил выбросы: коронавирусный кризис привел к очищению атмосферы от вредных веществ. *НИУ ВШЭ*. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/377998009.html> (дата обращения: 14.10.2023).

¹³ World Air Quality Report 2020. *IQAir*. URL: <https://www.iqair.com/world-most-polluted-cities/world-air-quality-report-2020-en.pdf> (accessed 20 Oct 2023).

значительное улучшение качества воздуха по сравнению с 2019 г. По мнению экспертов, улучшение качества воды, связанное с пандемией COVID-19, также носило локальный и краткосрочный характер [19]. Во многих странах введение ограничительных мер привело к сокращению потребления угля и нефти. Например, в Китае снижение потребления угля составило 26 %, а выбросы оксидов азота сократились на 50 % [18]. Однако снятие ограничений во время второй волны пандемии, а также восстановление производственной активности предприятий привело к возобновлению роста выбросов парниковых газов и появлению негативных тенденций воздействия на изменение климата [19]. Кроме того, пандемия способствовала росту образования пластиковых отходов вследствие увеличения количества медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты, медикаментов и др. [20]. За счет этого из-за процесса их переработки резко увеличились выбросы парниковых газов [21].

Что касается России, то в 2020 г. совокупные выбросы парниковых газов сократились на 3,5 % в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. Образование отходов производства и потребления снизилось на 10,3 %, выбросы загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками снизились на 2 %¹⁴. В целом рекомендации Роспотребнадзора в части использования одноразовой упаковки и одноразовых средств индивидуальной защиты в процессе обслуживания клиентов в период пандемии привели к росту количества отходов (в среднем 20–30 % в зависимости от региона).

Тенденции устойчивого развития регионов России

Для исследования влияния пандемии на устойчивое развитие регионов России следует проанализировать показатели социально-экономической динамики, а также показатели, отражающие изменение экологической нагрузки в соответствии с концепцией сбалансированной системы показателей [32; 33]. В представленном исследовании будут проанализированы показатели устойчивого развития регионов России, которые, по мнению авторов, оказались в наибольшей степени чувствительны к влиянию пандемии (табл.¹⁵).

Пандемия оказала влияние на экономику и социальную сферу регионов России. В 2020 г. появились признаки дестабилизации рынка труда, прежде всего, сокращение численности занятых во всех регионах России. Однако меры государственной поддержки занятости, реализованные как на федеральном, так и на региональном уровнях, позволили стабилизировать ситуацию на рынке труда к 2021 г. [1; 7]. Был пересмотрен порядок расчета пособия по временной нетрудоспособности (исходя из минимального размера оплаты труда, если при обычном расчете его размер меньше МРОТ); осуществлены специальные выплаты медикам, работающим с заболевшими COVID-19; организованы стимулирующие выплаты медработникам; введен дистанционный порядок постановки на биржу труда; повышена доступность социальной поддержки (в части ежемесячных выплат в связи с рождением ребенка, субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг, бесплатных социальных услуг, ежемесячных выплат на детей в возрасте 3–7 лет); увеличены пособия по безработице, а также установлен максимальный размер пособия по безработице гражданам, уволенным после 1 марта 2020 г. и признанным безработными¹⁶.

Динамика валового регионального продукта в регионах России в 2020 г. была отрицательной. Это связано с произошедшим в активной фазе пандемии сокращением объемов промышленного производства в регионах, увеличением износа основных фондов и ростом количества убыточных организаций. Следует обратить внимание на неравномерную региональную динамику инвестиций в основной капитал. Мобилизация внутренних ресурсов для инвестирования в высокоприбыльные инфраструктурные проекты была сдержана необходимостью финансировать борьбу с пандемией, падением бюджетных доходов вследствие низкой экономической активности, снижением туристической активности и сырьевых цен. В частности, в Северо-Западном, Южном, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах в 2020 г. наблюдалось сокращение значения показателя, в остальных регионах произошел его рост. В 2021 г. динамика показателя стала выравниваться, однако в Северо-Кавказском

¹⁴ Окружающая среда. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели 2019. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. 1204 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2023. 1126 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁶ Рынок труда в России...

Табл. Некоторые показатели устойчивого развития регионов России в период пандемии, % к предыдущему году
Tab. Indicators of Russian regions' sustainable development during the pandemic, % compared to the previous year

Период	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
<i>Индекс численности занятых в экономике</i>								
2020	98,1	98,4	98,8	95,8	97,6	97,7	97,1	98,6
2021	100,7	101,3	103,2	102,7	102,5	102,2	102,5	101,2
<i>Индекс физического объема валового регионального продукта в постоянных ценах</i>								
2020	99,2	98,0	98,5	99,8	97,0	95,2	96,6	98,1
2021	109,4	112,5	104,5	104,9	103,4	106,4	103,4	106,5
<i>Индекс физического объема инвестиций в основной капитал</i>								
2020	101,2	97,5	97,4	106,5	97,2	100,8	100,3	93,0
2021	113,4	100,9	100,3	97,8	104,4	99,0	108,9	110,6
<i>Индекс промышленного производства</i>								
2020	99,5	99,7	100,1	100,4	99,3	99,7	99,3	99,4
2021	123,6	105,2	105,7	109,2	107,9	104,7	103,2	103,6
<i>Индекс численности населения</i>								
2020	99,6	99,7	99,7	100,3	99,2	99,7	99,3	99,6
2021	99,5	99,7	100,1	100,4	99,3	99,7	99,3	99,4
<i>Ожидаемая продолжительность жизни</i>								
2020	97,3	97,7	97,8	97,3	97,1	97,6	97,9	98,5
2021	97,6	97,7	97,4	98,9	98,1	98,3	98,1	98,4
<i>Смертность населения (без показателя смертности от внешних причин)</i>								
2020	120,6	118,8	118,2	123,7	124,4	121,5	118,9	115,4
2021	116,8	118,0	119,7	108,4	113,9	113,7	115,3	113,8
<i>Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума</i>								
2020	87,4	97,7	97,7	99,4	96,5	96,7	97,2	97,2
2021	93,9	95,1	95,6	92,9	94,2	96,5	93,3	94,8
<i>Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников</i>								
2020	102,3	84,3	97,2	94,5	101,2	100,3	100,7	96,6
2021	104,5	96,1	95,8	50,8	98,8	102,3	97,2	94,7
<i>Индекс физического объема природоохранных расходов</i>								
2020	107,5	93,4	105,2	104,7	116,4	103,5	101,3	102,4
2021	109,2	88,4	121,6	98,3	90,1	148,2	104,0	102,9

и Уральском федеральных округах из-за недостатка оборотных средств, высоких ставок по кредитам и неопределенности в экономике значение показателя сократилось в сравнении с 2020 г.¹⁷

Неблагоприятная эпидемиологическая ситуация, а также снижение экономической активности вследствие пандемии COVID-19 напрямую отразились на динамике численности населения (в 2020 г. прослеживалась отрицательная динамика во всех регионах России, за исключением Северо-Кавказского федерального округа), ожидаемой продолжительности жизни (сократилась во всех федеральных округах). Пандемия создала предпосылки для ухудшения здоровья населения, стала косвенной причиной развития имеющихся заболеваний и возникновения новых, что способствовало росту смертности населения.

По данным ООН, в период пандемии создались угрозы для всех составляющих элементов человеческого развития, прежде всего, доходов¹⁸. В данном контексте регионы России во многом повторяют общемировую динамику роста бедности. Однако благодаря принятым в 2020 г. мерам социальной поддержки населения, увеличения удельного веса населения с доходами ниже прожиточного минимума удалось избежать во всех регионах страны.

Что касается экологической ситуации, то «Гринпис» полагает, что пандемия способствовала увеличению количества отходов в России и отодвинула на второй план экологическую повестку. Средства региональных бюджетов, финансирующие развитие экологических технологий, в период пандемии были перенаправлены на меры поддержки в области здравоохранения, помощи безработным и др.¹⁹ Однако реализация экологических целей в 2020 г. оставалась приоритетной задачей практически во всех регионах страны, несмотря на ухудшение финансово-экономической ситуации и рост социальной напряженности в связи

с ограничительными антиковидными мерами. В большинстве регионов страны индекс физического объема природоохранных расходов в 2020 г. увеличился, исключение составил Северо-Западный федеральный округ. В 2021 г. региональные власти Центрального, Южного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов начали реализацию политики наращивания расходов на природоохранные мероприятия. В Северо-Западном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах заметна динамика сокращения данной статьи региональных расходов. Значения показателя *доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников* имеют разнонаправленную динамику в разрезе федеральных округов и определяются, прежде всего, региональной спецификой принимаемых мер в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (на 2012–2020 гг.)²⁰, ослаблением некоторых природоохранных норм для снижения нагрузки на бизнес в период пандемии.

Отдельно следует отметить инновационную активность организаций в части осуществления экологических инноваций (рис.²¹). В пандемийном 2020 г. удельный вес организаций, осуществлявших инновации, направленные на улучшение экологии во всех регионах, вырос.

Кроме того, во многих регионах России именно в период пандемии получили широкое распространение инициативы в области сбора, разделения и переработки мусора, защиты и восстановления леса и водных ресурсов, бережливого потребления²². Это обусловлено трансформацией потребностей населения и способов их удовлетворения. Некоторые тренды, заложенные ранее, ускорили свое развитие, некоторые впервые сформировались в ковидный период.

¹⁷ Аналитики ЦБ назвали главные причины низких промышленных инвестиций. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/01/2020/5e2ed87d9a79473b704b1d0c> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁸ COVID-19 and human development: assessing the crisis, envisioning the recovery. *United Nations Development Programme*. URL: <https://hdr.undp.org/content/covid-19-and-human-development-assessing-crisis-envisioning-recovery> (accessed 24 Oct 2023).

¹⁹ Экология не в приоритете: как пандемия ударила по природе России. *Gazeta.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/03/19/13517900.shtml> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁰ О внесении изменений в государственную программу РФ «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.». Постановление Правительства РФ № 379 от 30.03.2018. URL: <http://static.government.ru/media/files/GfH9ow2hOEkN4zY11z0ANs1iiBqtgAk.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

²¹ Наука, инновации и технологии. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности (с 2010 г.). *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 15.10.2023).

²² Города будущего и банки еды: какие экопроекты реализуют регионы и бизнес. *РБК*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/633590189a7947802c28cb592f?from=copy>; Список бережных инициатив 2021 в деталях. *Теперь так*. URL: <https://tepertak.ru/spisok2021/analytics2021.html> (дата обращения: 17.10.2023).

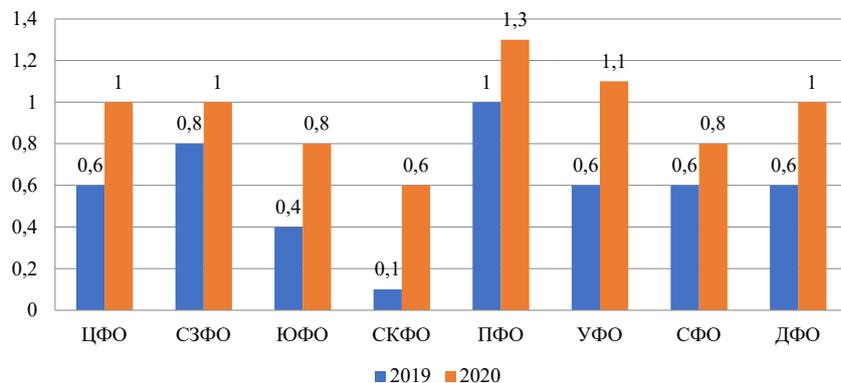

Рис. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, направленные на улучшение экологии в регионах России, % в общем числе обследованных организаций, 2019–2020 гг.

Fig. Share of organizations that implemented innovations aimed at improving Russian regions' environment, % of the surveyed organizations, 2019–2020

Во-первых, потребители стали внимательнее к соблюдению требований гигиены, безопасности и экологии, например, выбирать товары производителей, проявляющих внимание к гигиеническим нормам, включая наличие санитайзеров, использование масок и перчаток, оснащение очистителями воздуха и т.д.²³ Например, Н. А. Коровникова выделяет в качестве особенности потребления в период пандемии повышение популярности здорового образа жизни [24]. Т. Сысоев утверждает, что забота о здоровье теперь рассматривается не только в контексте самого индивида, но и разумного отношения к другим, чем объясняется тенденция тотальной медиализации во многих странах²⁴.

Во-вторых, приоритетными принципами потребления стали бережливость и предусмотрительность, т.е. внимательность в принятии решений о покупке товара, стремление сэкономить для поддержания благополучия из-за неопределенности в будущем [1; 23; 34].

В-третьих, обеспокоенность личным здоровьем привела к закреплению паттерна экологически осознанного и умеренного потребления, что соответствует одной из целей устойчивого развития, обеспечению ответственного потребления. Это произошло вследствие роста доли продовольственных товаров в общей структуре потребления населения в период пандемии, а также сдвига потребительских потребностей в сторону поддержания собственного здоровья и улучшения качества жизни [1; 27].

Данный паттерн может трактоваться в двух аспектах:

- внимание потребителей к натуральности и полезности самих продуктов;
- применяемые способы производства продуктов и наличие экологического следа²⁵.

В частности, своими повседневными действиями потребители стали более позитивно влиять на окружающую среду (к 2021 г. – 67 % населения России) путем более бережного отношения к еде, сокращения пищевых отходов, минимизации использования упаковки и ее повторного использования. Большое количество потребителей стремится покупать продукты, подвергшиеся минимальной обработке и исключающие химические добавки [7; 23].

Потребители стали направлять изменения деятельности производителей. Например, виртуализация потребительского поведения потребовала быстрой адаптации производителей через цифровизацию средств доставки и продвижения товаров и услуг²⁶, переориентацию производственных линий в соответствии с целями устойчивого развития и сохранения экосистемы [27]. Еще более широкое распространение получили практики бережливого производства в организации деятельности предприятий [35]. В силу развития ответственного потребления инвесторы также стали делать акцент на безопасность продуктов и их производства для окружающей среды, предпринимать меры по минимизации отходов производства и потребления, искать альтернативные способы их переработки [36]. В период пандемии в регионах были реализованы инновационные проекты с высоким уровнем экономичности и экологической безопасности для населения,

²³ Потребительские тренды после пандемии. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/watcom-potrebitelskie-trendy-posle-pandemii/> (дата обращения: 17.10.2023).

²⁴ Сысоев Т. 12 главных последствий COVID-19 для нашего общества. *РБК*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5fa195429a794721ab1f7d29> (дата обращения: 17.10.2023).

²⁵ Тренды потребления россиянами продуктов питания. Часть 1: Контекст. *Силд Эйр*. URL: <https://силдэйр.рф/blog/tpost/c6x8dczho1-trendi-potrebleniya-rossiyanami-produkto> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁶ Люди и пандемия: что определяет покупательское поведение в конце 2020 г. *ppc.world*. URL: <https://ppc.world/articles/lyudi-i-pandemiya-cto-opredelyaet-pokupatelskoe-povedenie-v-konce-2020-goda/> (дата обращения: 18.10.2023).

минимизирующие экологический след за счет использования малоотходных и безотходных технологий. Примерами подобных практик являются проекты по разработке и производству гибких энерго-сберегающих световых источников, биоразлагаемых средств для очистки оборудования, интеллектуальных энергосберегающих сетей [28]; создания экологичных магазинов *Green Farming* с рыбной и растительной фермами на крыше (Rewe)²⁷; перехода предприятий на потребление электроэнергии от возобновляемых источников («Леруа Мерлен»)²⁸.

Выявление паттернов ответственного потребления населения позволяет организациям культивировать экологические привычки и выстраивать цепочки лояльных клиентов, надежных партнеров, подрядчиков и поставщиков, реализуя различные типы экологических инноваций. Конкретными примерами реализации таких инноваций являются:

- сенсорные решения для определения реакций покупателей на дегустации (акселератор MGNTech), анализа состояния кожи как основы персонализированного подбора косметических средств («Магнит Косметик»);
- технологические направления для интеграции стартапов – обеспечение температурного режима и качества продуктов в сети магазинов «Пятерочка» и «Перекресток»²⁹;
- технологии продления свежести продуктов – инновационная упаковка для собственного производства, робот для позиционирования товаров (собственная торговая марка, или СТМ)³⁰;
- создание линейки органических и натуральных продуктов («ВкусВилл»).

Выявленные региональные тенденции, набравшие свою силу в период пандемии, вероятно, получат дальнейшее закрепление в российской среде, что, в свою очередь, может способствовать реализации целей в области устойчивого развития, в частности, обеспечения здорового образа жизни и содействия благополучию для всех в любом возрасте³¹.

По мнению авторов, ключевыми задачами в области обеспечения устойчивого развития российских регионов должны стать:

1) Создание условий для дальнейшей трансформации ценностных установок потребителей и экологизации их поведения, закрепление тренда ответственного потребления в российском обществе. Движение в сторону ответственного потребления возможно путем организации последовательного вовлечения населения за счет использования инструментов информационно-цифровой популяризации, включая онлайн-экскурсии, открытые лекции, тематические игры, квесты и др. Наибольшую эффективность данной меры может обеспечить работа с молодежью, в т.ч. через мероприятия, реализуемые в образовательных учреждениях. Желательно привлечение внимания и поддержки благотворительных фондов, некоммерческих организаций, лидеров цифрового сообщества (блогеров, кумиров молодежи, организаторов марафонов и т.д.) в части популяризации переработки и повторного использования вещей, развития «зеленых» навыков и мышления, популяризации образа жизни и диет, направленных на снижение нагрузки на окружающую среду.

2) Информационно-идеологическое, административное и экономическое стимулирование предприятий к осуществлению экологических инноваций. В данном аспекте уместно использование комбинации таких мер, как вовлечение предприятий регионов в акции экологического и просветительского характера, в т.ч. реализуемые с участием молодежи и инициативных групп; проведение исследований для идентификации потребности в экологических продуктах и стиле жизни потребителей как катализаторов создания и внедрения экологических инноваций; проведение мероприятий, повышающих информированность об экономических и социальных выгодах для предприятий различных секторов экономики от реализации экологических инноваций; консультационное сопровождение предприятий, включающее расчет и прогнозирование их деятельности в области экологических инноваций, а также информирование о предпочтениях налоговой и торговой политики; поиск заинтересованных партнеров среди предприятий региона для включения в совместные проекты по реализации экологических инноваций.

²⁷ Сеть супермаркетов Rewe открыла магазин с фермой на крыше. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/news/set-supermarketov-rewe-otkryla-magazin-s-ferмой-na-kryshe/> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁸ «Леруа Мерлен» переходит на возобновляемые источники энергии. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/news/lerua-merlen-perekhodit-na-vozobnovlyаемые-istochniki-energii-31-maya-2021-205571/> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁹ X5 Group и ФРИИ ищут стартапы в сфере безопасности. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/news/x5-group-i-frii-ishchut-startapy-v-sfere-bezopasnosti-23-avgusta-2021-208218/> (дата обращения: 18.10.2023).

³⁰ СТМ. *Retail.ru*. URL: <https://www.retail.ru/glossary/stm/> (дата обращения: 22.10.2023).

³¹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25.09.2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

3) Формирование и реализация маркетинговых стратегий территориального развития с акцентом на экологические инновации для обеспечения конкурентных преимуществ регионов. Подход может стать основой для ребрендинга и позиционирования регионов в национальном и международном пространстве как быстро осваивающих новые технологии и ценящих рациональность в потреблении.

Заключение

В статье исследованы мировые и российские тенденции устойчивого развития во время пандемии. Установлено, что период характеризуется замедлением поступательного и устойчивого экономического роста, ухудшением показателей состояния рынка труда и ростом социальной напряженности, что ставит под угрозу достижение целей устойчивого развития. Влияние пандемии на экологию, с одной стороны, является позитивным, поскольку в период ограничений экономической активности кратковременно снизилось антропогенное воздействие на окружающую среду. С другой стороны, после улучшения возобновился рост выбросов парниковых газов, появилось негативное воздействие на климат, сократились источники финансирования природоохранных мероприятий. Тенденции носят глобальный характер, однако частично дифференцированы в отношении различных стран.

Авторы выявили специфику устойчивого развития регионов России в период пандемии. Анализ показателей социально-экономической динамики и изменения экологической нагрузки в регионах позволил сделать вывод о схожести реагирования хозяйственной системы России на вызовы пандемии с общемировыми тенденциями. Установлен вектор трансформации потребительского поведения и изменений деятельности организаций в период пандемии. Новые тренды, связанные с ростом внимания к натуральности и полезности продуктов, улучшением способов производства и снижением экологического следа, будут развиваться и далее, способствуя достижению целей устойчивого развития.

Авторами обоснована необходимость дальнейшего стимулирования практик ответственного потребления и производства в регионах России на основе раскрытия потенциала экологических инноваций. Определено, что ключевыми задачами в области обеспечения устойчивого развития российских регионов должны стать:

- создание условий для дальнейшей трансформации ценностных установок потребителей и экологизации их поведения, закрепление тренда ответственного потребления в российском обществе;
- информационно-идеологическое, административное и экономическое стимулирование предприятий к осуществлению экологических инноваций;
- формирование и реализация маркетинговых стратегий территориального развития с акцентом на экологические инновации для обеспечения конкурентных преимуществ регионов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. В. Москвцева – разработка методики исследования и выбор методов для достижения целей исследования. И. В. Головлева – подбор статистической базы исследования, анализ данных. А. Ю. Усанов – проведение экономического анализа, визуализация результатов. Т. В. Корякина – формирование рекомендаций, подготовка выводов.

Contribution: L. V. Moskovtseva developed the research methodology and selected the methods to achieve research goals. I. V. Golovleva collected the statistical data and performed data analysis. A. Yu. Usanov conducted economic analysis, created the visualization of results. T. V. Koryakina proposed the recommendations and prepared the conclusions.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
2. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: intensification of development during the pandemic. *Imitation market modeling in digital economy: game theoretic approaches*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 29–30 Oct 2020. Cham: Springer, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40

3. Карпунина Е. К. Парадигма устойчивого развития в цифровой экономике. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2020. № 15-1. С. 25–34. [Karpunina E. K. Paradigm of sustainable development in the digital economy. *Rossia: tendentsii i perspektivy razvitiia*, 2020, (15-1): 25–34. (In Russ.)]
4. Karpunina E. K., Podmolodina I. M., Averina O. I., Kuznetsov I. A., Solonina S. V. Moving towards "digit": via the management of economic security to ensure sustainable development. *Digital future economic growth, social adaptation, and technological perspectives*, eds. Kolmykova T., Kharchenko E. Cham: Springer, 2020, 81–93. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_9
5. Плюснина О. В. Возможности цифровых технологий в восстановлении экономики в постковидной реальности. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2023. № 1. С. 15–25. [Plyusnina O. V. Digital technology potential of economic recovery in post-COVID reality. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2023, (1): 15–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.4.015-025>
6. Dubovitski A. A., Karpunina E. K., Klimentova E. A., Cheremisina N. V. Ecological and economic foundations of effective land use in agriculture: the implementation prospects of food security. *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association (IBIMA) Conference*, Granada, 10–11 Apr 2019. IBIMA, 2019, 2687–2693.
7. Пилипчук Н. В., Королюк Е. В., Фаррахова Ф. Ф., Галеев А. Ф. Особенности развития российских регионов в период пандемии и постковидного восстановления. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2023. Т. 17. № 2. С. 65–78. [Pilipchuk N. V., Korolyuk E. V., Farrakhova F. F., Galeev A. F. Specifics of development of Russian regions during the pandemic and post-pandemic recovery. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2023, 17(2): 65–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/em230205>
8. Prata J. C., Silva A. L., Walker T. R., Duarte A. C., Rocha-Santos T. COVID-19 pandemic repercussions on the use and management of plastics. *Environmental Science & Technology*, 2020, 54(13): 7760–7765. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c02178>
9. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития. *Экономическое возрождение России*. 2019. № 3. С. 23–29. [Bobylev S. N. New economic models and indicators of sustainable development. *Economic Revival of Russia*, 2019, (3): 23–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ldggke>
10. Абрамова А. В., Аверченков А. А., Бобылев С. Н., Данилов-Данильян В. И., Захаров В. М., Кокорин А. О., Никонорова Е. В., Перелет Р. А., Пискулова Н. А., Понизова О. А., Сафонов Г. В., Сик К. Т. Устойчивое развитие: новые вызовы. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с. [Abramova A. V., Averchenkov A. A., Bobylev S. N., Danilov-Daniliyan V. I., Zakharov V. M., Kokorin A. O., Nikonorova E. V., Perelet R. A., Piskulova N. A., Ponizova O. A., Safonov G. V., Sik K. T. *Sustainable development: new challenges*. Moscow: Aspekt Press, 2015, 336. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbgoyx>
11. Бобылев С. Н., Кирюшин П. А., Кошкина Н. Р. Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование. *Экономическое возрождение России*. 2021. № 1. С. 152–166. [Bobylev S. N., Kiryushin P. A., Koshkina N. R. New priorities for the economy and green finance. *Economic Revival of Russia*, 2021, (1): 152–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-152-166>
12. Hojnik J., Ruzzier M., Manolova T. Eco-innovation and firm efficiency: empirical evidence from Slovenia. *Foresight and STI Governance*, 2017, 11(3): 103–111. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.3.103.111>
13. Horbach J., Oltra V., Belin J. Determinants and specificities of eco-innovations compared to other innovations – an econometric analysis for the French and German industry based on the community innovation survey. *Industry and Innovation*, 20(6): 523–543. <https://doi.org/10.1080/13662716.2013.833375>
14. Govindan K., Diabat A., Madan Shankar K. Analyzing the drivers of green manufacturing with fuzzy approach. *Journal of Cleaner Production*, 2014, 96: 182–193. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.02.054>
15. Трейман М. Г. Использование экологических инноваций на промышленных предприятиях как перспективное направление развития российской экономики. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2019. № 2. С. 110–120. [Treyman M. G. The use of environmental innovation in industrial enterprises as a promising direction of Russian economy development. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2019, (2): 110–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-2-110-120>
16. Наталуха И. А. Моделирование экономических инструментов стимулирования инвестиций в экологические инновации (модель разработки экологических инноваций). *Экономический анализ: теория и практика*.

2006. № 24. С. 29–32. [Natalukha I. A. Modeling of economic instruments to stimulate investment in environmental innovations (a model for the development of environmental innovations). *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2006, (24): 29–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hvicxn>
17. Семиков В. Л., Наместникова О. В., Ломаев Е. Н., Ушаков В. Д. Экологические инновации и безопасность. *Технологии техносферной безопасности*. 2015. № 5. С. 228–234. [Semikov V. L., Namestnikova O. V., Lomaev E. N., Ushakov V. D. Environmental innovations and safety. *Tekhnologii tekhnosfernoi bezopasnosti*, 2015, (5): 228–234. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wclcon>
18. Rume T., Islam S. M. D.-U. Environmental effects of COVID-19 pandemic and potential strategies of sustainability. *Heliyon*, 2020, 6(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04965>
19. Forster P. M., Forster H. I., Evans M. J., Gidden M. J., Jones C. D., Keller C. A., Lamboll R. D., Quéré C. L., Rogelj J., Rosen D., Schleussner C.-F., Richardson T. B., Smith C. J., Turnock S. T. Current and future global climate impacts resulting from COVID-19. *Nature Climate Change*, 2020, 10: 913–919. <https://doi.org/10.1038/s41558-020-0883-0>
20. Aragaw T. A., Mekonnen B. A. Current plastics pollution threats due to COVID-19 and its possible mitigation techniques: a waste-to-energy conversion via Pyrolysis. *Environmental Systems Research*, 2021, 10. <https://doi.org/10.1186/s40068-020-00217-x>
21. Somani M., Srivastava A. N., Gummadivalli S. K., Sharma A. Indirect implications of COVID-19 towards sustainable environment: an investigation in Indian context. *Bioresource Technology Reports*, 2020, (11). <https://doi.org/10.1016/j.biteb.2020.100491>
22. Минаков И. А., Дубовицкий А. А., Климентова Э. А., Касторнов Н. П., Ермаков И. Л., Азжеурова М. В., Соколов О. В., Куликов Н. И., Куликов А. Н., Ланцев В. Ю., Смыков Р. А., Жидков С. А., Солопов В. А., Смагин Б. И., Карпунина Е. К., Корнева Г. В., Кувшинов В. А., Неуймин Д. С. Развитие отраслей АПК в современной России. Мичуринск: Мичуринский ГАУ, 2023. 239 с. [Minakov I. A., Dubovitski A. A., Klimentova E. A., Kastornov N. P., Ermakov I. L., Azzheurova M. V., Sokolov O. V., Kulikov N. I., Kulikov A. N., Lantsev V. Y., Smykov R. A., Zhidkov S. A., Solopov V. A., Smagin B. I., Karpunina E. K., Korneva G. V., Kuvshinov V. A., Neuymin D. S. *Development of agricultural industries in modern Russia*. Michurinsk: Michurinsk SAU, 2023, 239. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cipwvtv>
23. Хашир Б. О., Яковлева Е. А., Лубова Т. Н., Адлина Т. В. Социально-экономическое благополучие человека в условиях воздействия экологических угроз. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 3. С. 82–95. [Khashir B. O., Yakovleva E. A., Lubova T. N., Adlina T. V. Social and economic human well-being under the influence of environmental threats. *Surgut State University Journal*, 2023, 11(3): 82–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-3-82-95>
24. Коровникова Н. А. Изменение потребления в контексте пандемии COVID-19. *Социальные новации и социальные науки*. 2021. № 3. С. 42–53. [Korovnikova N. A. Consumption changes in pandemic COVID-19 context. *Social Novelties and Social Sciences*, 2021, (3): 42–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.03.03>
25. Sarkar A. N. Promoting eco-innovations to leverage sustainable development of eco-industry and green growth. *European Journal of Sustainable Development*, 2013, 2(1). <https://doi.org/10.14207/ejsd.2013.v2n1p171>
26. Rennings K., Zwick T. *Employment impacts of cleaner production*. Heidelberg, N.Y.: Physica, 2002, 322. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-57418-4>
27. Averina O. I., Gridnev Yu. V., Lavrikova N. I., Smirnova E. V., Karpunina E. K. Sustainable development during the COVID-19 pandemic: opportunities for ecological innovation in Russian regions. *Innovation management and information technology impact on global economy in the era of pandemic*: Proc. 37th Intern. Business Information Management Association Conf., Cordoba, 1–2 Apr 2021. Cordoba: IBIMA, 2021, 1118–1129.
28. Митяков С. Н., Митякова О. И., Митяков Е. С., Аленкова И. В. Инновационное развитие регионов России: экологические инновации. *Инновации*. 2018. № 3. С. 72–78. [Mityakov S. N., Mityakova O. I., Mityakov E. S., Alenkova I. V. Innovative development of the regions of Russia: environmental innovations. *Innovation*, 2018, (3): 72–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vacehn>
29. Sheth J. Impact of COVID-19 on consumer behavior: will the old habits return or die? *Journal of Business Research*, 2020, (117): 280–283. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.059>
30. Di Crosta A., Ceccato I., Marchetti D., La Malva P., Maiella R., Cannito L., Cipi M., Mammarella N., Palumbo R., Verrocchio M. C., Palumbo R., Di Domenico A. Psychological factors and consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *PLoS ONE*, 2021, 16(8). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0256095>
31. Yang Y., Li O., Peng X., Wang L. Consumption trends during the COVID-19 crisis: how awe, coping, and social norms drive utilitarian purchases. *Frontiers in Psychology*, 2020, (11): 1–10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.588580>

32. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Олимп-Бизнес, 2004. 320 с. [Kaplan R. S., Norton D. P. *The balanced scorecard. Translating strategy into action*. 2nd ed. Moscow: Olimp-Biznes, 2004, 320. (In Russ.)]
33. Максимов Ю. М., Митяков С. Н., Митяков Е. С. Система показателей устойчивого развития региона. *Экономика региона*. 2011. № 2. С. 227–231. [Maksimov Yu. M., Mityakov S. N., Mityakov E. S. The system of indicators of sustainable development in the region. *Economy of Regions*, 2011, (2): 227–231. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nuqzuz>
34. Mejokh Z. P., Korolyuk E. V., Sozaeva D. A., Pilipchuk N. V., Karpunina E. K. Economic security of Russian regions: risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. *Proc. 36th Intern. Business Information Management Association Conf.*, Granada, 4–5 Nov 2020. IBIMA, 2020, 8197–8205. <https://www.elibrary.ru/ijnevm>
35. Братченко С. А. Бережливое производство в России в теории и на практике. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2018. № 3. С. 146–158. [Bratchenko S. A. Lean production in Russia: theory and practice. *Lomonosov Economics Journal*, 2018, (3): 146–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ovqxev>
36. Demirbas D., Holleville L., Bennett D. Evaluation and comparison of lean manufacturing practices in Britain and France: a case study of a printing solutions organization. *Journal of Economy Culture and Society*, 2018, (57): 93–150. <http://dx.doi.org/10.26650/JECS422720>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/aeozio>

Проблемы регионального развития Кыргызстана в условиях новых вызовов

Сатывалдиева Бактыгуль Абдураимовна

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Кыргызстан, Бишкек

<https://orcid.org/0000-0002-4561-2276>bsatyvaldieva@gmail.com

Аннотация: Современное положение в мире отражает особенности взаимодействия американской демократии с окружающими странами. При этом всем участникам мировой экономики необходимо определиться с собственной позицией относительно происходящих в мире событий и нарастающей конфронтации. В этих условиях прослеживается серьезный перепад в социально-экономической сфере Кыргызстана, что обуславливает актуальность изучения темы. Показаны условия и тенденции социально-экономического развития регионов в Кыргызстане, рассмотрены особенности социально-экономического развития за период 2010–2023 гг. Затронуты вопросы неравномерности регионального развития, в частности, определены проблемы в области региональной экономической политики в контексте современных вызовов, таких как геополитическая обстановка, процессы цифровизации, а также особенности становления торговых отношений. Цель – выявить ключевые проблемы регионального развития Кыргызстана. С помощью методов анализа, синтеза и индукции проведено исследование статистического материала, публикаций отечественных и зарубежных исследователей. Предложены мероприятия по стабилизации положения региона и направления экономической политики в новых условиях мирохозяйствования. Центральным вопросом авторы считают сосредоточение усилий для повышения привлечения инвестиций в ключевые отрасли экономики. Рассмотрены перспективы и возможности правительства Кыргызстана в преодолении ключевых региональных проблем.

Ключевые слова: регионы, региональное развитие, экономика региона, региональная дифференциация, региональная политика, инвестиции

Цитирование: Сатывалдиева Б. А. Проблемы регионального развития Кыргызстана в условиях новых вызовов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 142–152. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-142-152>

Поступила 30.06.2023. Принята после рецензирования 24.11.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

The Kyrgyz Republic's Regional Development Problems in the Conditions of New Challenges

Baktygul A. Satyvaldieva

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Kyrgyzstan, Bishkek

<https://orcid.org/0000-0002-4561-2276>bsatyvaldieva@gmail.com

Abstract: The current situation in the world reflects the peculiarities of the interaction between American democracy and surrounding countries. All global economy participants need to determine their own position regarding the events taking place in the world and the growing confrontation. Under these conditions, there is a serious drop in the socio-economic sphere of the Kyrgyz Republic, which determines the relevance of studying the topic. The article shows the conditions and trends of socio-economic development of the Kyrgyz Republic's regions and the features of its socio-economic development for 2010–2023. The issues of uneven regional development are discussed, in particular, the problems of regional economic policy in the context of modern challenges such as the geopolitical situation and digitalization processes, as well as the peculiarities of the trade relations formation are identified. The aim is to identify the key problems of regional development in the Kyrgyz Republic. The author conducts research

of statistical material and publications of domestic and foreign scientists using the methods of analysis, synthesis, and induction. The study proposes measures to stabilize the situation in the region and the direction of economic policy in the new conditions of world economy. The most important measure is effort to increase the investments attraction in key sectors of the economy. The prospects and opportunities of the Kyrgyz Republic Government in overcoming key regional problems are considered.

Keywords: regions, regional development, regional economy, regional differentiation, regional policy, investments

Citation: Satyvaldieva B. A. The Kyrgyz Republic's Regional Development Problems in the Conditions of New Challenges. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 142–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-142-152>

Received 30 Jun 2023. Accepted after peer review 24 Nov 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

Новые вызовы цифровых трансформаций и социально-экономической конфронтации трендов вынуждают экономики стран, находящихся на пути нахождения своего места в новом экономическом пространстве, адекватно реагировать на происходящие изменения. Кроме того, в связи с тем, что Кыргызстан унаследовал свое административно-территориальное деление от советской эпохи, на сегодняшний день в основе его регионализации лежит система, сложившаяся в условиях особых социально-экономических отношений, что заставляет правительство рассматривать самые различные варианты дальнейшего развития и выбирать наиболее эффективные пути повышения страновой конкурентоспособности. Такое положение в первую очередь касается стран, которые находятся на этапе создания факторов экономического роста. В их число входит и Кыргызстан, определяющий собственный вектор экономической политики, в т.ч. региональной, и обладающий незначительной долей экономического веса на международном рынке.

Важно подчеркнуть, что географическое положение Кыргызстана способствует развитию не только внутренней, но и внешней политики, а последняя оказывает существенное влияние на развитие регионов. При этом в настоящее время административно-территориальное устройство Кыргызстана включает в себя 7 областей, 40 районов и 2 города республиканского значения. В стране насчитывается 31 город и 453 айылных аймака¹. Более 30 % населения страны живут в городах, остальные – в сельской местности [1].

На протяжении всего периода постсоветского развития Кыргызстан так и не смог решить ключевые проблемы регионов:

- недостаточная эффективность регионального управления;
- деградация инфраструктуры;
- неэффективность государственного управления;
- проблемы местного самоуправления;
- недостатки инвестиционной политики;
- слабое развитие малого и среднего бизнеса, партнерства между государственными и частными структурами;
- неспособность эффективно реагировать на чрезвычайные ситуации [2].

Диспропорция регионов прослеживается как по плотности населения, так и по результатам экономической деятельности (табл.²). Это вызывает активный интерес со стороны исследователей, политиков и общественных деятелей, которые стремятся предложить различные варианты стабилизации и оптимизации социально-экономического уровня жизни регионов.

В то же время важнейшим следствием рыночных реформ в Кыргызстане стало значительное изменение пространственной структуры экономики страны не в пользу регионов. Необходимо отметить, что реформы обострили ряд фундаментальных проблем, связанных со значительной технологической отсталостью производства, деградацией инфраструктуры, дефицитом квалифицированных кадров и ростом внешней миграции трудовых ресурсов.

Все это напрямую сказалось на уровне экономического развития страны и ее регионов. В последние годы производство валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в Кыргызстане остается одним из самых низких в мире. В 2022 г. ВВП на душу населения (в постоянных ценах США на 2015 г.) составил \$1182,9, что характерно для стран

¹ Айылный аймак – основная единица административно-территориального деления Киргизии третьего уровня, муниципальное образование, состоящее из одного или более сельских населенных пунктов и прилегающих территорий.

² Почему регионы Кыргызстана не развиваются? *CABAR.asia*. URL: <https://longreads.cabar.asia/regions> (дата обращения: 02.05.2023).

Табл. Диспропорция регионов Кыргызстана, 2017 г.

Tab. Disparity of the Kyrgyz Republic's regions, 2017

Район	Население	Площадь, км ²	Специализация	ВРП на душу населения, тыс. сом
Чуйская обл.	1068700	20200	Строительство	90,4
г. Ош	1460400	29200	Образование	115,9
Джала-Абадская обл.	962200	33700	Нефтехимическая отрасль	59,2
Иссык-Кульская обл.	450700	43100	Туризм	142,1
Нарынская обл.	269700	45200	Животноводческая отрасль	51,5
Айылные аймаки в отдалении от городов	Всего 370 тыс., от 1 до 45 тыс.	11400	Сельское хозяйство	80,0

со слабой экономикой³. К этому можно прибавить рост миграционных потоков, диспропорцию разделения районов и плотности населения, разобщенность местных органов управления и центральных властей, а также неэффективность принимаемых правительством решений, что напрямую указывает на необходимость пересмотра существующей политики и обеспечения реализации властных полномочий с позиции вертикали власти.

С другой стороны, правительство стремится к реализации всех мировых тенденций, что выражается в цифровизации, модернизации производств и автоматизации различных отраслей. Внедряются и продвигаются инновационные технологии. Все это позволяет говорить о положительной динамике в социально-экономической сфере и наличии перспектив дальнейшего развития.

Однако, если рассматривать периоды 1999–2019 гг. и 2020–2023 гг., то можно сказать, что первый отрезок отличался умеренно повышающимися показателями роста физического объема – 103,8 % [3]. На фоне относительно высокого роста ВВП рост валового регионального продукта (ВРП) также был высоким во всех регионах. Второй период отличался своеобразными перепадами, вызванными различными причинами, среди которых можно отметить пандемию, при этом в целом для всего периода свойственен курс на развитие. В то же время экономические тренды развития регионов показали, что одной из проблем регионального развития остается проблема неравномерности экономического распределения и взаимодействия между центром и окраинами.

Безусловно, оба периода несут в себе кризисные элементы. Начало XXI в. для Кыргызстана ознаменовалось «цветной революцией», а современность

оказалась сложным периодом для всех стран мира, что связано с пандемией и ее последствиями, а также нарастанием международной напряженности. Как показывает анализ уровня жизни регионов, не только международные процессы стали причиной возрастающей дифференциации, но и политические просчеты правительства [4].

И отечественные, и зарубежные исследователи отмечают, что непоследовательность в реализации региональной политики – проблема не только областей и центров развития, но и отсутствия учета их взаимозависимости, а также особенностей экономического развития, социальной политики и безопасности. Однако главный недостаток, по мнению специалистов, носит финансовый характер, причем этот аспект региональных реформ особенно несовершенен [5].

Безусловно, существует и другое мнение. Считается, что причина сохранения региональных проблем кроется в совокупности факторов, таких как деградация унаследованной инфраструктуры, коррупция, местничество, отсутствие рабочих мест в регионах и т.д. Все это работает против общерегионального комплексного развития страны, хотя ключевым фактором является отсутствие рабочих мест в регионах, что приводит к массовой миграции [6].

Эмиграция и сокращение рабочей силы также представляют собой серьезную проблему, которая на данном этапе не решена. Кроме того, лидеры Кыргызстана отдавали предпочтение представителям своей национальности после обретения независимости, рекрутируя на основе лояльности и клановости. Это подавило появление сильных региональных лидеров и элит. В результате региональные проблемы остаются нерешенными, а регионы не находят сочувствия к своим нуждам в центре [7].

³ GDP per capita (constant 2015 US\$) – Kyrgyz Republic. *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=KG&most_recent_value_desc=true (accessed 2 May 2023).

Потому, рассматривая ключевые проблемы, накопившиеся в региональной политике Кыргызстана, крайне редко учитывается внешний фактор, несмотря на то, что он оказывает определенное влияние на возможности регионов и центра.

В статье рассмотрены особенности региональной политики в периоды до пандемии и после нее с учетом внешнеполитического фактора. Новизна работы заключается в проведенном анализе данных развития регионов Кыргызстана и предложенных путей решения выявленных проблем.

Методы и материалы

Рассматривая материал, изложенный в работах различных исследователей, можно отметить, что для выявления причинно-следственных связей развития региональных проблем используется метод исторического анализа, который позволяет определить возможные перспективы и найти решение ключевых просчетов во внутренней политике.

Анализ научной, нормативной и публицистической литературы выявил ключевые проблемы и позволил систематизировать материал по принятым в данной области решениям. Так, можно выделить проблемы диспропорции в социально-экономическом уровне развития регионов. Исследователями изучаются реформы, проекты и вложения, которые реализуются правительством Кыргызстана как на уровне указов, так и в рамках нормотворчества. Помимо изучения научной и нормативной литературы, уделено внимание статистическим данным, поскольку анализ современных трендов экономического развития регионов может в некоторой степени показать особенности реализации концепции региональной политики.

Метод индукции позволяет рассмотреть и описать результаты изучения статистических данных, провести их анализ, что дает возможность сравнить прогнозируемые и реальные цифры регионального развития Кыргызстана, а также выдвинуть предложения по оптимизации государственной политики в отношении регионов в целом. Однако в рамках нарастающей международной напряженности и изменяющейся обстановки, которая оказывает непосредственное влияние на экономику всех стран, необходимо отметить, что выводы и предложения, изложенные в работе, носят рекомендательный характер и требуют дальнейшей проработки.

Результаты

Рассматривая макроэкономические показатели за период с 2010 г., можно увидеть, что номинальный ВВП сильно превышает темпы экономического роста в стране (по сравнению с реальным ВВП). Так, если в 2014 г. темп роста номинального ВВП на душу населения по отношению к предыдущему году снизился лишь до 1,7 %, то темп роста реального ВВП снизился на 6,9 %. Однако период пандемии сильно ударил по экономике страны и только внешнеполитическая поддержка, а также резервы страны позволили быстрыми темпами выйти из кризисного положения, помочь как гражданам, так и регионам в целом [8]. Уже в 2021 г. отмечается активный рост ВВП, который продолжается и сегодня. Существует мнение, что это связано с активной внешней политикой страны или переходом на инновационные технологии, который стал стимулом для общего экономического подъема. В то же время за весь анализируемый период среднегодовой темп роста номинального ВВП составляет 11,7 %, тогда как среднегодовой темп роста реального ВВП составил 3,6 % (рис. 1⁴).

Важно отметить, что по данным Концепции региональной политики⁵, в республике отсутствует эффективный консолидированный и комплексный подход к развитию регионов, на местах неэффективно решаются задачи развития и улучшения социальной жизни населения [9]. Однако, опираясь на опыт России, которая с 2014 г. под влиянием санкций взяла курс на развитие отечественного производства, правительство Кыргызстана выбрало своим ориентиром

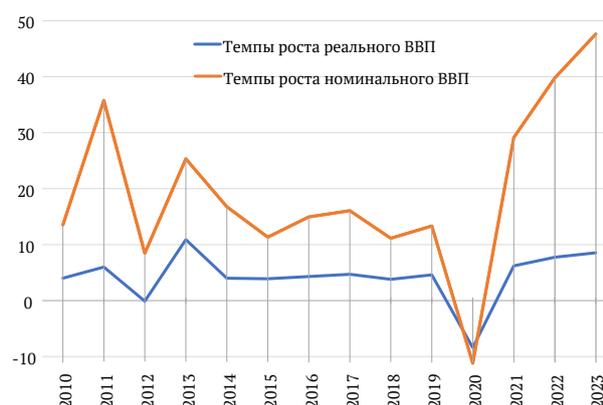

Рис. 1. Сравнение темпов роста номинального и реального ВВП Кыргызской Республики по отношению к предыдущему году
Fig. 1. Comparison of the nominal and real gross domestic product growth rates of the Kyrgyz Republic relative to the previous year

⁴ Кыргызстан в цифрах. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-kyrgyzstan-v-cifrah/> (дата обращения: 02.05.2023).

⁵ Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 гг. Кабинет Министров Кыргызской Республики URL: https://www.gov.kg/storage/2020/01/files/program/7/kontseptsiya_regionalnoy_politiki_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2018_2022_godov.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

создание отечественного производства, помощь бизнесу и поддержание социальной сферы [10]. С этими целями по регионам распределены инвестиции и государственные субсидии (рис. 2⁶).

Необходимо отметить, что инвестиционная политика страны нацелена на привлечение иностранного капитала. На сегодняшний день иностранные партнеры продолжают инвестировать в наиболее перспективные регионы, в число которых входят Баткенская, Джалал-Абадская, а также Чуйская области, ориентированные на перспективные отрасли в экономике и потому вызывающие интерес отечественных и зарубежных инвесторов.

Безусловно, правительство стремилось решить многие накопившиеся проблемы, т.к. не все регионы могут самостоятельно с ними справиться. Поэтому необходимо проиллюстрировать роль каждого региона в агрегированном росте, что позволит раскрыть значимость каждого региона в общенациональной экономике. К примеру, доля Иссык-Кульской области, где находится золотодобывающее предприятие «Кумтор Голд Компани», после 2010 г. постепенно снижалась с 16 % до 10,8 % в 2021 г. и 8,9 % на начало 2023 г. Вместе с тем, существуют регионы, которые можно назвать самодостаточными и способными обеспечить страну необходимыми капиталами. Так, самостоятельное развитие города Бишкек и Чуйской области позволяет им вместе создавать более половины ВВП страны. Доля Баткенской, Джалал-Абадской и Ошской областей, характеризующихся высокой концентрацией предприятий по добыче полезных ископаемых, в совокупности составила 21 % (рис. 3⁷).

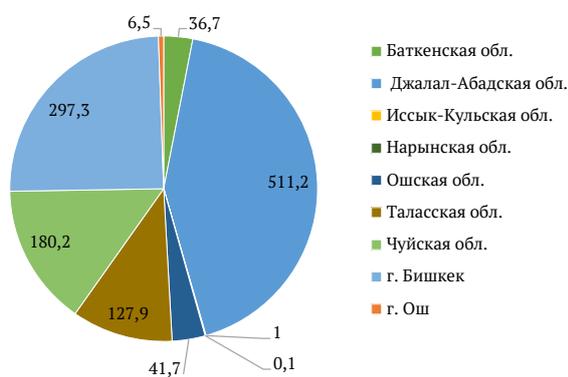

Рис. 2. Поступление прямых иностранных инвестиций по регионам Кыргызской Республики за 2022 г., \$ млн
 Fig. 2. Direct foreign investment received by regions of the Kyrgyz Republic, 2022, dollars million

Заметим, что экономический рост регионов, входящих в первую группу, обеспечил стране экономически благополучные условия развития (обладание уникальными природными ресурсами либо специализация на самых выгодных видах деятельности, прежде всего – финансовой деятельности и оптовой торговле). В то же время в группе депрессивных регионов остается значительное число территорий, отставание которых обусловлено особыми природно-климатическими условиями, недостаточным уровнем использования промышленного потенциала, затрудненным доступом к ресурсам, в т.ч. финансовым, инвестиционным и др.

В связи со спецификой современной экономики Кыргызстана – добывающая и производящая промышленность постепенно теряют свои позиции – регионы, специализирующиеся на данных отраслях, если не убыточны, то имеют низкую долю в совокупном ВВП. Если правительство рассмотрит возможность организации территорий опережающего развития в данных регионах, то положение изменится, однако данный вопрос требует тщательной проработки как в политико-правовом, так и в социально-экономическом аспектах [11].

Несмотря на рост занятости, практически по всем регионам за анализируемый период вклад регионов в экономику на протяжении последних 10 лет остается примерно на одном уровне. Такая динамика, возможно, была бы положительной при прочих равных условиях, однако наблюдается слабая активизация участия регионов в страновом экономическом развитии.

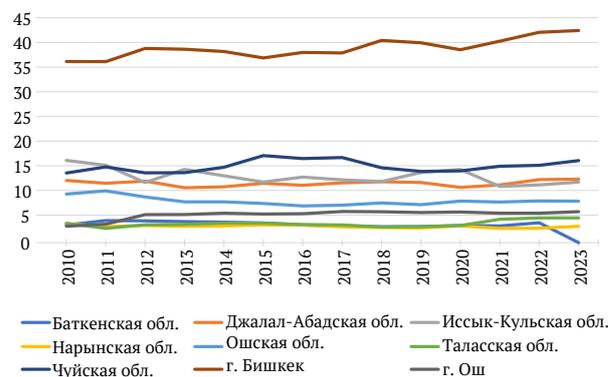

Рис. 3. Динамика территориальной структуры ВВП Кыргызской Республики
 Fig. 3. Dynamics of the Kyrgyz Republic's gross domestic product territorial structure

⁶ Кыргызстан в цифрах 2023. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-kyrgyzstan-v-cifrah/> (дата обращения: 02.05.2023).

⁷ Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2018–2022. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 02.05.2023).

Следует отметить, что высокие значения ВРП в расчете на душу населения не означают достаточного социально-экономического благополучия. Например, в ряде регионов Кыргызстана прослеживается негативная тенденция трудовой миграции населения, которая приводит к тому, что общее количество жителей стремительно падает, при этом экономические показатели сохраняются за счет развития перспективных отраслей экономики, а не уровня жизни народонаселения [12, с. 52–55]. Так, из официальных источников известно, что около 276 тыс. кыргызстанцев мигрируют за рубеж в поисках работы, 50 тыс. из них уезжают на длительный срок. При этом основными странами в плане выбора нового постоянного или долгосрочного места жительства эмигрантов из Кыргызстана остаются Российская Федерация и Республика Казахстан. Из 36,0 тыс. человек, выбывших из Кыргызстана в 2018–2022 гг., 11,5 тыс. человек, или 31,9 % составили эмигранты-кыргызы⁸. За пределами республики трудоустроилось 10,88 % занятых, при этом лишь 27 % из них имеют профессиональное образование, у 73 % – общее образование⁹.

В то же время за 2021–2023 гг. рост инфляции не останавливается, что приводит к очевидным мерам со стороны правительства, таким как ежегодный подъем минимального уровня жизни, заработной платы и др.

Годовой уровень инфляции в Кыргызстане вырос до 9,7 % в 2020 г., при этом основной рост пришелся на 2022 г., когда инфляция составила 14,7 %. Произошло повышение цен на рынке продовольственных товаров, в особенности продуктов питания и товаров длительного пользования, в т.ч. импортируемых, а также услуг. В марте 2023 г. темп роста потребительских цен в годовом выражении замедлился и составил 12,7 %. Было принято решение о повышении уровня заработной платы¹⁰. Минимальная заработная плата выросла с 1854 сомов в месяц

Рис. 4. Зависимость роста заработных плат, индекса потребительских цен и инфляции

Fig. 4. Dependence of wage growth, consumer price index and inflation

в 2021 г. до 2200 сомов в месяц в 2022 г. (рис. 4¹¹). На данном этапе правительство предпринимает попытку стабилизировать положение в стране, уровень инфляции падает. Согласно прогнозам, в среднесрочной перспективе уровень инфляции в Кыргызстане составит 5–7 % к началу 2025 г.¹²

На сегодняшний день власти стремятся реализовать мероприятия, которые позволяют стабилизировать экономику. Однако, рассматривая региональную политику, становится очевидно, что для ряда регионов такая система не подходит, поскольку они оказываются вне зоны интересов внешних и внутренних инвесторов, что говорит о необходимости правительственного вмешательства.

Вместе с тем, само правительство ориентировано на развитие внешних отношений, что связано с неблагоприятными условиями, которые сложились в мире за последние годы. Важно отметить, что последствия событий 2022 г. оказали крайне негативное влияние на все составляющие экономики страны в целом и отдельных регионов. Однако в целом за последние годы торговый баланс Кыргызстана пошатнулся и нуждается в дальнейшей стабилизации (рис. 5¹³).

⁸ Демографический ежегодник Кыргызской Республики. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁹ Джайлобаева Г. Ж. Миграция в Кыргызской Республике. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: https://unesco.org/sites/default/files/2022-10/A12_Presentation_Dzhailobaeva_Kyrgyzstan_RUS.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁰ Доклад о факторах роста потребительских цен в Кыргызской Республике в 2022 г. М., 2023. С. 13. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8a4/Doklad_KR_2022.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

¹¹ Цены в Кыргызской Республике 2018–2022. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2023. 263. URL: <https://www.stat.kg/media/publicationarchive/61e7ac9f-0b8a-4379-b9a2-f4445ad593b8.pdf>; Труд и заработная плата. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/labor_market.aspx (дата обращения: 10.05.2023).

¹² Kyrgyzstan Inflation Rate MoM. *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/inflation-rate-mom> (accessed 10 May 2023); Отчет о денежно-кредитной политике. III квартал 2023 г. Бишкек: Национальный банк Кыргызской Республики, 2023. URL: <https://www.nbkr.kg/DOC/06122023/00000000061587.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

¹³ Kyrgyzstan Balance of Trade. *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/balance-of-trade#calendar-table> (accessed 10 May 2023).

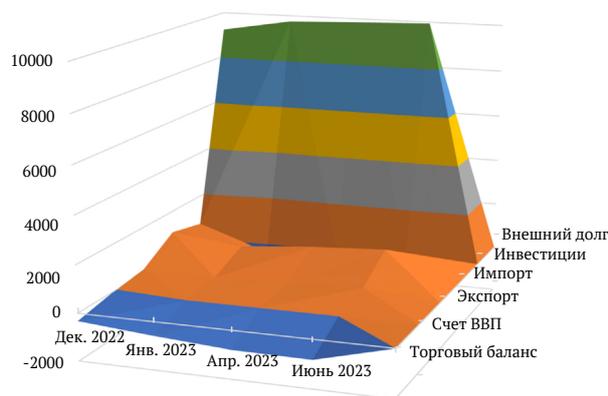

Рис. 5. Данные об экономических изменениях, связанных с внешним торговым оборотом Кыргызской Республики за 2022–2023

Fig. 5. Economic changes related to the Kyrgyz Republic's foreign trade turnover in 2022–2023

Это позволяет говорить о том, что в ближайшей перспективе правительству будет необходимо разработать стратегию по привлечению иностранного и отечественного капитала в непопулярные отрасли и регионы.

Однако проблема развития депрессивных регионов Кыргызстана по-прежнему остается актуальной. На наш взгляд, развитие депрессивных регионов Кыргызстана сталкивается с рядом препятствий, которые могут сдерживать его развитие:

- депрессивные регионы Кыргызстана обычно непривлекательны для инвесторов, что может приводить к низкому уровню инвестиций, малому количеству рабочих мест и низкому уровню экономического развития;
- недостаточно развитая транспортная, энергетическая и коммунальная инфраструктура может создавать препятствия для развития бизнеса и инвестиций в депрессивных регионах;
- низкий уровень квалификации и образования населения может затруднять развитие высокотехнологичных отраслей и инновационной экономики;
- отсутствие доступа к финансовым ресурсам. Кредитные ресурсы и другие формы финансовой поддержки часто отсутствуют, что может затруднять развитие малого и среднего бизнеса [13].

Выявленные отличия регионов, а также общий дисбаланс в стране указывают на негативные тенденции, в т.ч. высокий уровень дифференциации регионов и крайнюю неоднородность региональных экономик, что может негативно влиять на экономику страны в целом. В связи с этим необходимо найти направления улучшения ситуации, при этом, по нашему мнению, значимая роль принадлежит инвестициям. Необходимо отметить, что во внутренней

экономике страны нехватка инвестиций усугубляется общими низкими экономическими параметрами экономики. Из-за этого роль государства в решении данных вопросов растет, и государственная инвестиционная политика, по нашему мнению, должна стимулировать внутренние инвестиции, а в случае их нехватки обеспечить условия привлечения внешних источников инвестиций.

Правительство рассматривает различные подходы и предложения по усовершенствованию жизни регионов. Ежегодно в работе находится более 400 предложений, все из которых необходимо согласовать и включить в общереспубликанскую стратегию либо отложить на будущее в связи с отсутствием необходимых ресурсов для их реализации.

Однако управленческая пирамида слаба: районный и областной уровни не несут прямой ответственности за исполнение бюджетов, а их функции сведены к передаточному звену. Этот процесс, вероятно, будет усугубляться и дальше, поскольку местные администрации выполняют директивы из центра буквально, не учитывая мнений и интересов регионов. Следовательно, необходимо провести реформу самой системы управления и начать именно с данного преобразования, т.к. при реализации многочисленных реформ правительство постоянно сталкивается с препятствиями, которые связаны именно со слабостью местного самоуправления. Кроме того, республиканские и районные органы власти не могут вмешиваться в работу органов местного самоуправления в городах, деревнях и других поселениях. Им также не хватает финансовых ресурсов для выполнения возложенных на них задач, причем многие из этих задач, даже исходящие от законодательных органов, невозможно выполнить на местах [14, с. 86–91].

Безусловно, существуют небольшие проекты на уровне сельской местности и масштабные общенациональные проекты, такие как трасса Север – Юг, при этом регионы в значительной степени игнорируются. Из-за этого в стране отсутствует опыт решения региональных проблем, а бюрократический аппарат был приспособлен продумывать проблемы на уровне сельской территории. Отчеты и планы исходят от сельских администраций, а не от региональных структур. Это говорит о том, что государство работает над укреплением связей между муниципалитетами, а не между регионами [15]. Отсутствие опыта инициатив и проектов на региональном уровне означает, что регионы не могут самостоятельно решать проблемы на местах. Особенно ясно это проявилось во время карантина и последующей изоляции.

Если рассматривать периоды до пандемии и после поэтапно, то можно отметить несколько уровней развития региональной политики: политический, социально-экономический и культурный. На политическом уровне к началу 2010-х гг. одним из основных достижений Кыргызстана в области развития стало создание институционализированного и плюралистического политического пространства, неподконтрольного государству. Это явление включало:

- разработку необходимой правовой базы, устанавливающей правовые основы создания и эффективного функционирования общественных организаций;
- создание легитимных и дееспособных институтов представительства [16].

Как результат, в 2010–2019 гг. в Кыргызстане было зарегистрировано более 200 партий, существующих и сегодня. Создание партий по национальному и конфессиональному признаку было запрещено законодательством государства, что привело к определенной нормализации межобщинных отношений и появлению новых институциональных возможностей для политического диалога.

Как следствие, на сегодняшний день прослеживается тенденция партийного регулирования на местах. От активности ряда партий зависит лояльность населения к правительственным инициативам, а также возможность реализовывать те или иные проекты. При этом особый упор делается на молодежь, которая оказалась более мобильной и гибкой к переменам, т.к. именно эта прослойка населения видит необходимость в коренных преобразованиях в стране [17].

Таким образом, очевидной проблемой является дефицит бюджета, которого не хватает не только для реализации региональной политики и стабилизации социально-экономического уровня жизни, но и для создания привлекательных зон для вложения иностранных капиталов. Очевидно, что отдельные меры по стимулированию инвестиционной политики могут оказаться неэффективными. Требуется совместная государственная политика и центральное направление в регуляторном воздействии и принятии комплексных решений в области инвестиционной политики государства. Созданные условия инвестиционной политики требуют дальнейшего изучения, доработки и совершенствования.

Можно выдвинуть следующие предложения направлений экономической политики и улучшения положения региона:

- организовать рабочую группу по разработке плана стабилизации положения в республике, основанного на коренной реформе государственной системы управления;
- рассмотреть позиции региональных представителей, заинтересованных в совершенствовании системы связей между территориями республики;
- рассмотреть все положительные и отрицательные результаты существующей инвестиционной политики государства и провести соответствующие корректировки.

Важно подчеркнуть, что для стабилизации экономического фона в республике государственное вмешательство необходимо. При этом в современных условиях, когда страны Запада создают препятствия для стабильного финансового потока и экономического роста, проблемы дифференциации регионов и недостатка ресурсов стоят довольно остро.

Следовательно, политический и социально-экономический факторы развития регионов тесно связаны между собой, однако даже при условии обеспечения равных условий нет гарантий выравнивания развития регионов.

Можно сказать, что правительством проделана большая работа по решению региональных вопросов. Однако в связи с тем, что так и не была создана сильная структура власти, в регионе сохраняются серьезные проблемы и дифференциация субъектов государства.

Замкнутый круг кризисов в экономике Кыргызстана, многие из которых не могут быть преодолены без активного и ответственного участия государства, затрудняет нормализацию экономических отношений. Без такой нормализации невозможно обеспечить полноценную интеграцию страны в единое экономическое пространство Евразийского экономического союза (ЕАЭС)¹⁴. Однако в связи с последними событиями можно говорить о том, что ЕАЭС не может акцентировать внимание на все процессы, происходящие в Кыргызстане. При этом на сегодняшний день вступление в ЕАЭС для самого Кыргызстана – это ликвидация государственных препятствия для взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества, создание условий для честной конкуренции, в т.ч. равноправие хозяйствующих субъектов данных стран [18–23]. В перспективе на основе совместно разработанных экономических, а также социальных ценностей сформируется единое экономическое пространство на базе координации, выбора оптимального количества, размеров и видов

¹⁴ Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. М., 2018. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/043/Doklad-KR-14.05.2018.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

изделий, услуг и процессов, предназначенных для удовлетворения основных потребностей, т.е. унификации и гармонизации бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политики [24]. Кроме того, ЕАЭС предоставляет возможность обойти последствия санкций, чем сегодня активно пользуется Россия и союзные ей государства.

Поэтому необходимо учитывать, что экономика Кыргызстана тесно взаимосвязана с внутренней и внешней политикой, общественным благосостоянием, нравственным и физиологическим здоровьем граждан, абсолютно всеми условиями, которые гарантируют независимость и индивидуальные права личности, надежность сообщества. Другими словами, интеграция неминуемо обретает и другие виды: общественный, общественно-политический и оборонный [25].

Это особенно важно в условиях сегодняшней цифровой повестки, которая может стать необходимым условием создания системы усиления работы государства в области инвестиционной политики. Необходимо понимать, что цифровизация актуальна на региональном уровне, и решения, которые принимаются органами государственной власти и местного самоуправления, затрагивают и основные цифровые направления. В рамках ЕАЭС дальнейшая цифровизация становится не только перспективным, но и реальным направлением развития связи между центром и регионами, а также стимулом модернизации самих регионов [26].

Следовательно, несмотря на то, что государство преодолевает многочисленные проблемы, в т.ч. связанные с внешним влиянием, проблемы развития регионов остаются нерешенными. Для преодоления ряда экономических и социальных проблем необходимо привлечение третьих лиц, таких как инвесторы или ЕАЭС.

Заключение

Кыргызстан нуждается в ряде коренных преобразований, которые затронут фундаментальные основы общества. Несмотря на то, что страны Запада видят в Кыргызстане партнера России и ограничивают сотрудничество, реализовать внутренние преобразования возможно. Предполагается следующий алгоритм действий:

1. Реформа государственного управления с целью создания вертикали власти – сильного правительства с четко прописанными функциями и обязанностями, а также широкими полномочиями и системой их реализации.

2. Реформа местного самоуправления, которая предполагает, что региональные власти расширят свой функционал и получат возможность регулировать не только мелкие проблемные вопросы, но и обеспечивать надежное развитие всех структур региона.

3. Разработка нормативной базы для создания территорий опережающего экономического развития, в перечень которых будут включены наиболее отстающие, но стратегически значимые регионы.

4. Выработка стратегии совершенствования экономического потенциала дотационных и отстающих регионов.

5. Законодательное закрепление нормы по сохранению окружающей среды, что возможно в рамках реализации политики рационального потребления и устойчивого развития.

Предполагается, что данный алгоритм позволит поднять уровень жизни населения и расширит систему взаимосвязей между регионами, что снизит уровень диспропорции в их развитии, а также закрепит государственный контроль во всех территориальных единицах.

Выполнение предлагаемых этапов может потребовать времени, но без их осуществления вышеперечисленные проблемы останутся нерешенными, отношения страны с соседями будут ухудшаться, а само государство вступит в период новых кризисов, не только экономических, но и политических. Безусловно, выдвинутые предложения носят рекомендательный характер, но их дальнейшее изучение может показать необходимость и практичность реализации описанного алгоритма действий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Kulueva C. R., Ubaidullayev M. B., Ismanaliev K. I., Kuznetsov V. P., Romanovskaya E. V. Digitalization of Kyrgyz society: challenges and prospects. *The 21st Century from the positions of modern science: intellectual, digital and innovative aspects*: Proc. Institute of Scientific Communications Conf., Nizhny Novgorod, 23–24 May 2019. Cham: Springer, 2020, 26–37. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32015-7_26

2. Ганчарик Л. П. Система открытого образования в подготовке управленческих кадров в сфере цифровой экономики. *Открытое образование*. 2019. Т. 23. № 2. С. 23–30. [Gancharik L. P. Open education system in management training in the digital economy. *Otkrytoye obrazovaniye*, 2019, 23(2): 23–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2019-2-23-30>
3. Эргешбаев У. Ж., Ешенова С. Е., Муратова Ч. К. Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2016. № 1. С. 38–47. [Ergeshbaev U. Zh., Eshenova S. E., Muratova Ch. K. Contemporary external labour migration of the population of Kyrgyzstan. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2016, (1): 38–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzszmn>
4. Токторов К. К., Батыр У. А., Маметова Г. А. Опыт зарубежных стран по инновационной активности субъектов сельского хозяйства. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2020. № 3. С. 116–125. [Toktorov K. K., Batur U. A., Mametova G. A. Experience of foreign countries on the innovative activity of agriculture subjects. *Topical Issues of the Modern Economy*, 2020, (3): 116–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.37.77.004>
5. Сыроежкин К. Л. Особенности государственного строительства в странах ЦА (на примере Казахстана и Кыргызстана). *Трансформации и конфликты в центральной Азии и на Кавказе*, отв. ред. А. Аликберов, И. Звягельская. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2013. С. 140–167. [Syroezhkin K. L. Specifics of state-building in Central Asian Countries (Kazakhstan and Kyrgyzstan). *Transformations and Conflicts in Central Asia and the Caucasus*, eds. Alikberov A., Zviagelskaia I. Moscow: IV RAN, TSSPI, 2013, 140–167. (In Russ.)]
6. Кулуева Ч. Р., Суранчиев Б. Т. Кыргызстандын аймактарындагы жаштар эмгек ресурстарынын көйгөйлөрү жана келечеги. *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2020. № 4. С. 165–171. [Kulueva C. R., Suranchyev B. T. Problems and prospects of youth labor resources of the regions of Kyrgyzstan. *Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan*, 2020, (4): 165–171. (In Kyrg.)] <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2019.45.557>
7. Ташыбаева А. К., Кыдырмышева Б. Т. Законодательство и государственные инициативы в сфере противодействия торговле людьми в Кыргызской Республике. *Modern Science*. 2021. № 4-1. С. 339–345. [Tashybaeva A. K., Kydyrmysheva B. T. Legislation and state initiatives in the field of combating human trafficking in the Kyrgyz Republic. *Modern Science*, 2021, (4–1): 339–345. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqpuxt>
8. Daneykin Y., Andreevsky E., Rogozhin M., Sernetsky O. Threats and challenges to the regional security in Central Asian Region (the example of the Republic of Kyrgyzstan). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2021, 166: 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.488>
9. Саякбаева А. А., Акылбекова Н. И., Нурмукамбетова Ж. К. Влияние иностранных инвестиций на развитие предприятий Кыргызской Республики. *Евразийское Научное Объединение*. 2019. № 10-4. С. 334–338. [Sayakbaeva A. A., Akylbekova N. I., Nurmukambetova J. K. The impact of foreign investment on the development of enterprises of the Kyrgyz Republic. *Eurasian Scientific Association*, 2019, (10–4): 334–338. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lxtxaw>
10. Омаров Н. М. Кыргызская Республика: исходные условия трансформации. *Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы*, отв. ред. И. Звягельская. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2011. С. 204–234. [Omarov N. M. The Kyrgyz republic: starting conditions for transformation. *Political process in Central Asia: results, problems, prospects*, ed. Zviagelskaia I. Moscow: IOS RAS; TSSPI, 2011, 204–234. (In Russ.)]
11. Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Кыргызстане. *Население Кыргызстана*, ред. З. Кудабаяев, М. Гийо, М. Денисенко. Бишкек, 2004. 374 с. [Khaug V. Demographic trends, formation of nations and interethnic relations in Kyrgyzstan. *Population of Kyrgyzstan*, eds. Kudabaev Z., Giio M., Denisenko M. Bishkek, 2004, 374. (In Russ.)]
12. Князев А. А. Векторы и парадигмы киргизской независимости. Бишкек, 2012. 420 с. [Knyazev A. A. *Vectors and paradigms of Kyrgyz independence*. Bishkek, 2012, 420. (In Russ.)]
13. Садовая Е. С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 6–20. [Sadovaya E. S. People in a digital society: dynamics of social and labor relations. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2018, 19(3): 6–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uyjfrb>
14. Константиноиди Х. А. Стратегирование развития региональной экономической системы в условиях ускорения постиндустриальных преобразований. 2-е изд. М.: Спутник+, 2021. 369 с. [Konstantinidi Ch. A. *Strategizing the regional economic system development in the context of accelerating post-industrial transformations*. Moscow: Sputnik+, 2021, 369. (In Russ.)]

15. Komendantova N., Sizov S., Chekirbaev U., Rovenskaya E., Strelkovskii N., Karabashov N., Atakanov N., Zheenaliev Z., Sedighi E., Stepanova A., Ekenberg L., Rodriguez F. S. *Industrial Development of Kyrgyzstan: Investment and Financing*. IIASA Working paper WP-18-013. Laxenburg, 2018, 23.
16. Блохина А. О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 6. С. 102–115. [Blokhina A. O. Institutional changes and political stability in the Kyrgyz Republic. *MGIMO Review of International Relations*, 2017, (6): 102–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115>
17. Зенков А. Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: проблемы высшего образования*. 2020. № 1. С. 52–55. [Zenkov A. R. Digitalization of education: directions, opportunities, risks. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2020, (1): 52–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hizjib>
18. Молчанова Е. В. О плюсах и минусах цифровизации современного образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 64-4. С. 133–135. [Molchanova E. V. On the pros and cons of the digitalization of modern education. *Problems modern pedagogical education*, 2019, (64-4): 133–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhvfwy>
19. Лукьянов Г. В. Политическая система современного Казахстана: основные акторы и факторы стабильности. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. *Центральная Азия: новые вызовы*, отв. ред. Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, А. В. Коротаев. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 243–281. [Lukyanov G. V. Political system of modern Kazakhstan: main actors and stability elements. Systematic monitoring of global and regional risks. *Central Asia: new challenges*, eds. Isaev L. M., Shishkina A. R., Korotaev A. V. Moscow: LENAND, 2013, 243–281.
20. Kulueva C. R., Temirova B. T., Marzabayeva B. T., Ibraimova S. S., Amatova U. O. The role of digitalization of education in the sustainable development of the regions of Kyrgyzstan. *Smart green innovations in Industry 4.0 for climate change risk management. Environmental footprints and eco-design of products and processes*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 28–37 https://doi.org/10.1007/978-3-031-28457-1_37
21. Поляков К. И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2014. 136 с. [Poliakov K. I. *Islamic extremism in Central Asia*. Moscow: IOS RAS, 2014, 136. (In Russ.)]
22. Dergacheva E. A., Baksanskij O. E., Popkova N. V., Petrukhina N. V., Shlemina I. V. Information society and challenges of the digital economy. *Artificial intelligence: anthropogenic nature vs. social origin*: Proc. 13th Intern. Sci.-Prac. Conf. "Advances in Intelligent Systems and Computing", Volgograd, 19–20 March 2020. Cham: Springer, 2020, 228–236. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_27
23. Малышева Д. В. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 3. С. 36–52. [Malysheva D. V. Political processes in the Republics of post-soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018, 11(3): 36–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52>
24. Глазова Е. С. Киргизия: институциональные изменения как выход из «ловушек развития». *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 4. С. 49–62. [Glazova E. S. Kyrgyzstan: institutional transformations as a way to overcome the "traps of development". *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2019, 20(4): 49–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-49-62>
25. Джаилова А. Д. Стратегическое управление региональным развитием Кыргызской Республики в условиях интеграции. *Международная конференция по экономике Евразии 2018*. (Ташкент, 18–20 июня 2018 г.) ЕАЭС; ТГЭУ, 2018. С. 502–508. [Dzhailova C. A. Strategic management of regional development of Kyrgyz Republic in conditions of integration. *International conference on Eurasian economies*, Tashkent, 18–20 Jun 2018. EAEU; TSUE, 2018, 502–508. (In Russ.)]
26. Аманалиева М. О. Развитие цифровой экономики в регионах Кыргызстана. *Бюллетень науки и практики*. 2020. Т. 6. № 2. С. 219–225. [Amanalieva M. O. Development of digital economy in regions of Kyrgyzstan. *Bulletin of Science and Practice*, 2020, 6(2), 219–225. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/22>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xskwwq>

Концепция финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в современных экономических условиях

Выжитович Александр Михайлович

Сибирский институт управления – Филиал РАНХиГС,
Россия, НовосибирскНовосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск<https://orcid.org/0000-0003-0139-1317>

vam_70@mail.ru

Тахтобина Маргарита Алексеевна

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск

Аннотация: В статье представлен обзор институциональных аспектов регулирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, позволивший выделить ключевые недостатки в их функционировании. Определены ключевые проблемы контрольно-надзорной деятельности в отношении данных участников финансового рынка, характеризующие недостаточную эффективность мер контроля. Цель – разработать концепцию финансового контроля с учетом выявленных проблемных факторов, обеспечивающих возможность совершенствования системы финансового контроля в контексте участия профессиональных лиц, представляющих субъективную сторону финансового рынка. Методическая оригинальность авторского подхода заключается в алгоритме исследования. Он включает представление понятия *государственный финансовый контроль деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг* на основе анализа научной литературы, определение характерных проблем в функционировании исследованного сегмента государственного финансового контроля, раскрытие структуры концепции его совершенствования путем создания индикаторов для контроля и формулирования предложений по мониторингу реализации рекомендованных мер. Процедура финансового контроля характеризуется выявлением правомерности действий, исполнением действующих нормативно-правовых основ ведения операций с финансовыми средствами, открытостью и доступностью механизмов выполнения финансовых операций. В настоящее время существует ряд организационных и нормативно-правовых пробелов, прямо влияющих на процедуру финансового контроля, что обусловлено в том числе цифровыми решениями, введением цифрового рубля и рядом других преобразований. Результатом исследования является авторская концепция, направленная на совершенствование системы финансового контроля в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг, целью которой является достижение единого, удобного в использовании и эффективного механизма контроля. В рамках предлагаемой концепции выделены шесть основных элементов, которые должны быть учтены в процессе разработки основополагающего документа, направленного на улучшение системы финансового контроля и обеспечение прозрачности, удобства и единства подхода к проведению контроля за профессиональными участниками рынка ценных бумаг. Детальная проработка концепции позволит достичь высокого уровня защиты финансовой системы России и минимизировать число неправомερных действий профессиональных участников рынка ценных бумаг при использовании финансовых ресурсов.

Ключевые слова: финансовый рынок, информационные технологии, блокчейн, профессиональные участники рынка ценных бумаг, финансовый контроль, цифровые технологии, цифровой рубль

Цитирование: Выжитович А. М., Тахтобина М. А. Концепция финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в современных экономических условиях. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 1. С. 153–162. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-153-162>

Поступила 13.12.2023. Принята после рецензирования 07.03.2024. Принята в печать 11.03.2024.

full article

Improving the Financial Control System of Securities Market Professional Participants' Activities

Alexandr M. Vyzhitovich

Siberian Institute of Management – branch of the RANEP, Russia, Novosibirsk

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0003-0139-1317>

vam_70@mail.ru

Margarita A. Takhtobina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

Abstract: The article provides an overview of the institutional aspects of regulating the securities market professional participants' activities, allowing to identify key shortcomings in their functioning and reveal the insufficient effectiveness of control measures. The aim is to develop a concept of financial control taking into account the identified problematic factors and ensure the possibility of improving the financial control system in the context of professional participants representing the subjective side of the financial market. The methodological novelty of the author's approach lies in the research algorithm. It includes creating the state financial control concept for the securities market professional participants' activities based on the analysis of scientific literature, the definition of characteristic problems in the state financial control, the disclosure of the structure of its improvement concept by creating indicators for monitoring and formulating proposals for implementing the recommended measures. The financial control procedure ensures the activities' legality, the implementation of the current regulatory framework for conducting transactions of financial resources, the openness and accessibility of financial transaction mechanisms. Currently, there are organizational and regulatory gaps that directly affect the financial control procedure, caused by, among other things, digital solutions, the introduction of the digital ruble and a number of other transformations. The result of the research is the author's concept aimed at improving the financial control system of securities market professional participants' activities.

Keywords: financial market, information technology, blockchain, professional financial market participants, financial control, digital technologies, digital ruble

Citation: Vyzhitovich A. M., Takhtobina M. A. Improving the Financial Control System of Securities Market Professional Participants' Activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 153–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-153-162>

Received 13 Dec 2023. Accepted after peer review 7 Mar 2024. Accepted for publication 11 Mar 2024.

Введение

Для эффективного развития экономики в стране необходимо иметь развивающуюся и стабильно работающую систему государственного финансового контроля. Ее основная задача состоит в обнаружении и устранении финансовых проблем, возникших у профессиональных участников рынка ценных бумаг. Наличие рисков в существующей финансовой системе из-за изменчивости экономической ситуации в стране могут привести к экономическому кризису. Поэтому необходимо предпринимать действенные меры по устранению имеющихся проблем в системе финансового контроля [1, с. 81]. Таким образом, на сегодняшний день совершенствование системы государственного финансового контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг является актуальной задачей.

Финансовый контроль как функция государственных органов свойственна различным сферам и областям хозяйствования. Само понятие финансового контроля является достаточно емким. В интерпретации исследователя Д. С. Вагабовой оно характеризуется как деятельность, осуществляемая надзорными финансовыми органами, обладающими полномочиями на проведение такой проверки, обследования и ревизии, целью которой является выявление незаконного и нецелесообразного распределения и использования бюджетных денежных средств [2]. Е. А. Ахунова указывает, что финансовый контроль представляет собой систему мер и механизмов, устанавливаемых государством для надзора и контроля за использованием государственных финансов, включая доходы и расходы государства, бюджетное

планирование, а также контроль за формированием и исполнением бюджета [3]. По мнению Б. М. Хамхоева, финансовый контроль можно рассматривать как процесс проверки и анализа финансовой деятельности государственных органов, учреждений и иных организаций, финансируемых за счет государственного бюджета, с целью обеспечения эффективного использования государственных ресурсов, предотвращения коррупции и мошенничества, а также соблюдения законодательства о государственных финансах [4, с. 122].

Приведенные определения различных исследователей позволяют говорить о том, что государственный финансовый контроль является деятельностью уполномоченных государственных органов, направленной на выявление и пресечение существующих нарушений и недостатков при совершении операций с денежными средствами и имуществом в соответствующей финансовой сфере деятельности. Данное понятие отличается от понятия *государственный (муниципальный) финансовый контроль*, используемого в Бюджетном кодексе РФ тем, что оно является более широким по степени охвата проверяемых вопросов. Государственный (муниципальный) финансовый контроль осуществляется в целях обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, правовых актов, обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также соблюдения условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета¹.

Государственный финансовый контроль деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг рассматривается авторами как контроль, осуществляемый уполномоченными государственными органами (Банком России, Минфином России, Росфинмониторингом) в целях обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих профессиональную деятельность на финансовых рынках, направленный на выявление и пресечение существующих нарушений и недостатков при совершении операций с денежными средствами,

финансовыми инструментами и иным имуществом с учетом действующих ограничений. Данный термин предложено использовать в рамках формирования авторской концепции создания действенного механизма финансового контроля в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг, под которым понимается последовательность процедур его проведения в совокупности с используемыми методами: выездные документальные и камеральные проверки, ревизия, анализ финансового положения, наблюдение (мониторинг).

Методы и материалы

В исследовании применялись методы анализа и синтеза информации, используемые в целях актуализации научных данных о понятии и сущности финансового контроля. Также использовался метод статистической обработки данных, методы обобщения и конкретизации для представления текущих проблем в области финансового контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг и разработки единой концепции такого контроля по отношению к выделенным субъектам финансового рынка.

Информационной базой исследования послужила отчетная документация Центрального банка Российской Федерации, нормативно-правовые источники, а именно положения ФЗ № 161-ФЗ от 27.06.2011 «О национальной платежной системе»², ФЗ № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг»³, а также общедоступная информация о фактически проводимом финансовом контроле подведомственных министерств и ведомств.

Методическая оригинальность авторского подхода заключается в разработанном алгоритме исследования. Он включает представление понятия государственный финансовый контроль деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг на основе анализа литературы, определение проблем в функционировании исследованного сегмента государственного финансового контроля, раскрытие структуры концепции его совершенствования путем создания индикаторов для контроля и формулирования предложений по мониторингу реализации рекомендованных мер.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 26.02.2024). Ст. 265. Основы государственного (муниципального) финансового контроля. СПС КонсультантПлюс.

² О национальной платежной системе. ФЗ № 161-ФЗ от 27.06.2011 (ред. от 21.10.2023). СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002011027000&page=1&sort=position&limit=50&nd=14&vo lid=1002011027000> (дата обращения: 02.12.2023).

³ О рынке ценных бумаг. ФЗ № 39-ФЗ от 22.04.1996 (ред. от 01.01.2024). СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001996017000&page=1&sort=position&limit=50&nd=5561&valid=1001996017000> (дата обращения: 02.12.2023).

Результаты

Проблематика финансового контроля в современных условиях хозяйствования

Из-за изменений, обусловленных геополитической обстановкой, актуальной задачей является своевременное выявление недостатков и реализация мер по повышению эффективности системы государственного финансового контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Финансовый контроль – это деятельность надзорных финансовых органов, уполномоченных осуществлять проверки, обследования и ревизии, направленные на контроль и выявление незаконного и нецелесообразного распределения, а также использования бюджетных денежных средств и государственной собственности участниками финансового рынка [5]. Основными элементами финансового контроля являются объект, предмет, цель, задачи, принципы, методы, техника и технология, процесс [1; 6].

В мировой практике применяются две модели финансового контроля. Особенностью первой из них, *англосаксонской*, является участие контролирующих финансовых органов лишь в вопросах проведения контроля. В рамках второй модели, *французской*, отдельным контрольным органам предоставлены полномочия по определению виновности в нарушениях и требованию возмещения ущерба. В России присутствуют черты обеих моделей контроля, единой модели фактически не утверждено. Основным недостатком для участников финансового рынка являются двойные контрольные мероприятия, которые затягивают процесс и требуют дополнительного согласования между аудиторами [7, с. 43].

Табл. 1. Субъекты с признаками нелегальной деятельности, 2020–2022 гг.

Table 1. Subjects with signs of illegal activity, 2020–2022

Субъекты	2020	2021	2022	Темп роста, 2020–2022, %
Нелегальные кредиторы	821	948	1722	209,7
Финансовые пирамиды	222	871	2017	908,6
Нелегальные профессиональные участники рынка ценных бумаг	395	860	1201	304,1

Деятельность контрольных органов в области финансового контроля в России

В период 2020–2022 гг. осуществлялась деятельность государственного контрольно-надзорного органа в области противодействия незаконному отмыванию денег, характерному для банковского сектора, а именно Банка России. При этом выявлялись субъекты, обладающие признаками нелегальной деятельности, включая кредиторов, финансовые пирамиды, нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг и др. Число субъектов, выявленных в указанный период, представлено в таблице 1⁴.

Для 2022 г. характерно значительное увеличение числа субъектов с признаками нелегальной деятельности, в особенности финансовых пирамид и нелегальных кредиторов.

В период 2020–2022 гг. деятельность Банка России была направлена на проведение надзорной деятельности. В частности, Банк России осуществлял как дистанционный, так и контактный надзор, контроль за деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг, оценку кредитного риска учреждений, а также проводил консультативный надзор и участвовал в принятии решений об отзыве лицензий российских банков.

Институциональное регулирование деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг

Характерной чертой финансового рынка является наличие различных субъектов, которые ведут свою деятельность в пределах рынка и являются неотъемлемой частью его формирования [8]. В первую очередь необходимо отметить, что *финансовый рынок* в общем значении характеризуется как рынок, в пределах которого осуществляется торговля ценными бумагами, например фондовый рынок, рынок облигаций, рынок деривативов и пр. Для каждого из этих рынков выделяются различные субъекты: на фондовом рынке это розничные и институциональные инвесторы и трейдеры, маркет-мейкеры, брокеры; на рынке ценных бумаг – эмитенты, инвесторы, агенты; на рынке деривативов – хеджеры, арбитражеры, спекулянты [9].

Осуществление деятельности указанных выше субъектов в пределах финансового рынка осуществляется посредством правового регулирования нормативно-правовыми источниками. В частности, деятельность профессиональных участников

⁴ Годовой отчет Банка России за 2022 г. *Центральный банк Российской Федерации*, 2023. С. 383. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43872/ar_2022.pdf (дата обращения: 02.12.2023).

рынка ценных бумаг регламентируется положениями ФЗ № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг». Глава 2 данного нормативного документа регламентирует основные вопросы профессиональной деятельности в пределах рынка ценных бумаг. Устанавливаются такие области регулирования, как брокерская деятельность (ст. 3, 3.1), дилерская деятельность (ст. 4, 4.1), деятельность по управлению ценными бумагами (ст. 5) и пр. Широкое содержание законодательных основ для ведения деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, с одной стороны, в условиях вносимых изменений, становится более конкретизированным, с другой стороны, имеет ряд пробелов, которые не позволяют осуществлять качественную регламентацию и выстраивать единый порядок формирования и ведения деятельности таких участников рынка [10, с. 355].

Следует подчеркнуть, что происходящие в данный момент изменения в правовой основе деятельности профессиональных участников рынка связаны с ужесточением мер контроля со стороны уполномоченных государственных органов (в настоящее время Банка России). Несмотря на это, проблемные аспекты регулирования деятельности профессиональных участников финансового рынка все же существуют. Например, в настоящее время в области регулирования их деятельности присутствуют конфликты интересов, которые требуют пристального внимания со стороны органов государственного регулирования. Данные проблемные аспекты могут быть решены посредством введения эффективных инструментов защиты имущественных интересов инвесторов [11, с. 77].

Важной является и проблема, связанная с недостаточной эффективностью действующих мер страхования рисков. В частности, в России сегодня реализуется только механизм предоставления мер страхования брокерам и дилерам, для которых риски ведения деятельности достаточно высоки. Решить данную проблему может развитие и совершенствование компенсационных схем страхования, предусматривающих комплекс долгосрочных мероприятий [12].

Нельзя не отметить, что законодательство, действующее в области регулирования финансовых рынков, постоянно совершенствуется. При этом требования, которые вводятся регулирующими органами, должны быть направлены на рост стабильности деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и защиту интересов клиента, повышая уровень доверия к финансовому рынку в целом.

Актуальные проблемы контрольно-надзорной деятельности в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг

В первую очередь можно отметить отсутствие нормативно-правового закрепления понятия финансового контроля в отношении данной группы участников рынка, что приводит к различию трактовок и понятий, относящихся к финансовой сфере в целом и финансовому контролю в частности. Выделены и проблемы, касающиеся увеличения числа субъектов, осуществляющих нелегальную деятельность, а также рост сомнительных операций по обналичиванию денежной массы [13].

В настоящее время существует и другая проблема, связанная с методологическим аппаратом ведения контрольно-надзорной деятельности. В частности, Банк России проводит достаточно широкий перечень проверок финансовых организаций: ведет расчет операционного риска, проводит надзорное стресс-тестирование, контроль видов рисков. Последняя из процедур играет существенную роль. В частности, контроль видов рисков является предупредительным средством выявления и пресечения вероятных нарушений со стороны профессиональных участников финансового рынка.

Для ведения финансового контроля и надзора формируются проблемные аспекты и имеют высокую степень значимости факторы, напрямую касающиеся организационных вопросов и технического обеспечения, оснащенности контрольно-надзорной деятельности. Как отмечается в отчете Банка России за 2022 г., были осуществлены меры по обеспечению информационной безопасности, проведению учений в киберпространстве и др., в т.ч. на фоне возрастающей напряженности в сотрудничестве с западными странами. Однако они не были достаточно эффективны. Какой бы ни была действующая система защиты информации, со стороны недобросовестных лиц и организаций предпринимаются меры по получению доступа к конфиденциальным данным, что обуславливает потребность в постоянном контроле за уровнем информационной безопасности [14].

Совокупность выявленных проблемных сторон на законодательном, организационном, технологическом и методологическом уровне предполагает высокую потребность в поиске способов совершенствования и улучшения системы финансового контроля в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг. Законодательные аспекты могут быть устранены посредством внедрения единого нормативного документа, объединяющего различные подходы к мерам проведения финансового

контроля и их особенностям для профессиональных участников рынка ценных бумаг. Методологические и тем более технические проблемы удастся решить только при систематизации и постоянстве работы, связанной с оценкой методологического аппарата и его рациональностью, упрощением. С точки зрения технологического обеспечения также необходимо учитывать возрастающую роль цифровых технологий и их внедрения в различные сферы жизни общества.

Преимущества использования цифрового рубля в области финансового контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг

Цифровизация общества в современном мире вынуждает Правительство РФ и Банк России разрабатывать национальную цифровую валюту, которая будет способна увеличить скорость и надежность платежей и переводов, а также снизить транзакционные издержки. В России такой цифровой валютой, эмитированной Банком России, является цифровой рубль, который в скором времени будет дополнять уже существующие наличные и безналичные денежные средства [15].

Цифровой рубль представляет собой цифровую форму российской национальной валюты, которая имеет уникальный цифровой код, хранящийся на специальном электронном кошельке. Данная система должна быть протестирована и полноценно запущена уже к 2030 г. В апреле 2021 г. Банком России была представлена концепция цифрового рубля, в которой были выработаны сроки для тестирования и запуска валюты в обращение. В августе 2023 г. был предложен логотип цифрового рубля, а также уточнена схема его двухуровневой модели, согласно которой клиент (юридическое или физическое лицо) передает банкам наличные и безналичные средства, в свою очередь, профессиональные участники рынка ведут расчеты на платформе цифрового рубля [16].

Введение цифрового рубля с точки зрения государственных органов характеризуется такими актуальными преимуществами, как:

- контроль за движением цифровой денежной массы;
- повышение прослеживаемости цифровой валюты с момента передачи от клиента банку и при дальнейшем использовании;
- сокращение объемов вывода денежной массы незаконным путем;
- сокращение числа субъектов нелегальной финансовой деятельности и некоммерческих организаций.

Вместе с тем, отсутствие практического опыта контроля операций с цифровым рублем формирует представление о возможных проблемах неопределенности результатов государственного контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Обсуждение

Российская экономика и финансовый рынок столкнулись с широким спектром вызовов в условиях беспрецедентного санкционного давления. Оперативно принятые Банком России и Правительством Российской Федерации антикризисные меры стабилизировали ситуацию. Теперь на повестке дня стоят задачи восстановления и дальнейшего развития российской экономики и финансового рынка в новых реалиях [17]. Учитывая, что экстраординарное изменение обстоятельств, по всей видимости, будет иметь долгосрочный эффект и повлечет за собой структурные последствия, требуется выработка системных решений в отношении развития российской экономики и финансового рынка.

Изменения и структурные преобразования в области реализации мер финансового контроля как одной из функций управления предопределяет необходимость совершенствования существующей системы, что обусловлено в т.ч. повсеместным внедрением цифровых технологий, уходом от привычных моделей и форм управления, переориентацией на новые, соответствующие текущей ситуации управленческие решения [18].

В современной системе управления с позиции финансового контроля постепенно внедряются изменения, затрагивающие решения наиболее значимых вопросов, включая результативность контроля, защиту информации и пр. Однако по-прежнему присутствуют проблемные стороны, которые включают вопросы нормативной основы, наличия достаточно проработанной методологической базы, содержания технологического аппарата и его функционирования [19; 20].

Учитывая приведенные выше аспекты, а также результаты, полученные в ходе исследования, нами предлагается авторская концепция системы финансового контроля в отношении деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. В частности, предложена структура концепции контроля, включающая такие значимые элементы, как общие положения, терминологический аппарат, индикаторы, методики оценки эффективности деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, меры по развитию системы контроля, а также предложения в области мониторинга (табл. 2).

Табл. 2. Структура концепции финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг
Tab. 2. Structure of the financial control concept for the activities of securities market professional participants

Условное название раздела	Комментарий
Общие положения	<p>Определяет само понятие концепции и что определяется с ее помощью, на что в целом направлен документ. Раскрывает перечень разработчиков и мероприятий со стороны органов государственного финансового контроля (ГФК).</p> <p>Концепция представляет собой единый подход к реализации мер проведения ГФК, включая использование цифровых информационных технологий для сбора и обработки данных.</p> <p>Разработка мероприятий осуществляется Министерством финансов Российской Федерации совместно с Банком России с учетом вовлечения других министерств и ведомств при установлении эффективного механизма межведомственной коммуникации</p>
Термины, применяемые в документе	<p>К числу терминов, используемых в рамках разрабатываемой концепции, относятся:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ГФК. 2. Механизм финансового контроля в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг. 3. Методы ГФК. 4. Профессиональные участники финансового рынка. 5. Финансовые цифровые технологии. 6. Индикаторы оценки деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг
Индикаторы	<p>Раздел представляет перечень, расчет, пороговые значения определенного количества индикаторов, применяемых для пропорционального регулирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. Согласно отчетности Банка России, среди критериев-индикаторов можно выделить, например, следующие:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Объем сделок профессиональных участников рынка ценных бумаг, заключенных при осуществлении брокерской деятельности и по доверительному управлению. 2. Количество клиентов по договорам на брокерское обслуживание и доверительное управление. 3. Стоимость ценных бумаг, учитываемых на счетах, открытых в депозитарии. 4. Количество лиц, которым в регистраторе открыты лицевые счета, где учитываются ценные бумаги. <p>Данные индикаторы позволяют разграничивать деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг по объему деятельности, а также принимать обоснованные решения для использования пропорционального регулирования их деятельности</p>
Методика оценки эффективности деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг	<p>Описание алгоритмов расчетов, необходимых для интегральной оценки эффективности деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, в частности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Расчет показателей эффективности, которые позволяют оценить результативность деятельности участников рынка. Проводится анализ финансовых показателей, таких как доходность, рентабельность, ликвидность и др. 2. Анализ оценки финансового риска, связанного с деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг с помощью различных методов, таких как анализ волатильности, корреляционный анализ. Определяются возможные уровни риска и их влияние на финансовую деятельность. 3. Оценка соответствия требованиям и стандартам, которая позволяет оценить, насколько профессиональные участники рынка ценных бумаг соответствуют установленным требованиям и стандартам финансового контроля. В ходе оценки проводится анализ документации, учетных записей и других финансовых данных, чтобы убедиться в соответствии требованиям законодательства и нормативным актам

Условное название раздела	Комментарий
Меры по развитию системы контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг	Содержит мероприятия, которые необходимо проводить, чтобы улучшить экономические показатели, например: <ol style="list-style-type: none"> 1. Актуализировать правила и требования к лицензированию и регулированию профессиональных участников рынка ценных бумаг, что поможет исключить некомпетентных или мошеннических участников рынка, а также усилить контроль над их деятельностью. 2. Совершенствование риск-ориентированного подхода для проведения контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг. Данное мероприятие позволит выявить новые, скрытые нарушения и несоответствия финансовым стандартам, а также предотвратить сложные для выявления мошеннические действия и финансовые преступления. 3. В рамках планов по цифровизации доработать систему обмена информацией между профессиональными участниками рынка ценных бумаг и государственными органами для автоматизации построения типологий незаконных финансовых операций, чтобы обеспечить прозрачность и отслеживаемость всех финансовых операций. Данный аспект поможет предотвратить уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и другие незаконные действия. 4. Внедрить меры административной и уголовной ответственности за ненадлежащую организацию системы внутреннего контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг
Мониторинг реализации мер	Раскрывает информацию о реализации мер. Предоставление отчетов с периодичностью, например, один раз в квартал, осуществляется центральным аппаратом Банка России от его территориальных учреждений для реализации последующих мер по согласованию действий и повышению эффективности финансового контроля

В рамках предлагаемой концепции выделены шесть основных элементов, которые должны быть учтены в процессе разработки основополагающего документа, направленного на улучшение системы финансового контроля и обеспечение прозрачности, удобства и единства подхода к проведению контроля за профессиональными участниками рынка ценных бумаг. Концепция способствует сокращению объемов негативного влияния незаконных действий на финансовую систему России и достижению высокого уровня защиты государства.

Заключение

В современных условиях в связи с внедрением цифровых и информационных технологий система контроля за профессиональными участниками рынка ценных бумаг претерпела значительные изменения. Однако до сих пор актуальными остаются проблемы, касающиеся нормативного регулирования, методологического и технологического обеспечения, а также функционирования. Их решение должно осуществляться в ближайшей перспективе для создания прозрачного, удобного и доступного механизма финансового контроля профессиональных участников рынка ценных бумаг.

По результатам выполненного анализа предложена авторская концепция финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, целью которой является достижение единого, удобного в использовании и эффективного механизма контроля. Детальная проработка концепции позволит достичь высокого уровня защиты финансовой системы России и минимизировать число правонарушений профессиональных участников рынка ценных бумаг при использовании финансовых ресурсов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Барыкин С. А. Новые возможности и вызовы для системы регулирования финансового сектора в результате развития мирового рынка финансовых технологий. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2020. Т. 12. № 1. С. 79–92. [Barykin S. A. New opportunities and challenges for the financial sector regulatory system as a result of the world fintech market development. *Ars Administrandi*, 2020, 12(1): 79–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-1-79-92>
2. Вагабова Д. С. Финансовый контроль. Махачкала: ДГУНХ, 2019. 164 с. [Vagabova D. S. *Financial control*. Makhachkala: DSUNE, 2019, 164. (In Russ.)]
3. Akhunova Ye. A. Financial control as an element of management of finance and state financial regulation. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2019, (5-2): 6–8. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10610>
4. Хамхоев Б. М. Сущность финансового контроля. *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4. С. 122–124. [Khamkhoev B. M. The essence of financial control. *Law and state: theory and practice*, 2023, (4): 122–124. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_122
5. Миронова Е. А. Государственное регулирование системы блокчейн-технологий и криптовалютных операций. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2023. Т. 14. № 1. С. 99–107. [Mironova E. A. State regulation of the system of blockchain technologies and cryptocurrency operations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2023, 14(1): 99–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-1-99-107>
6. Бакулина А. А., Попова В. В. Влияние финтеха на безопасность банковского сектора. *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11. № 2. С. 84–89. [Bakulina A. A., Popova V. V. The influence of fintech on the banking sector security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2018, 11(2): 84–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2018-11-2-84-89>
7. Исаев Э. А. Подходы к формированию модели государственного финансового контроля в Российской Федерации. *Журнал Бюджет*. 2018. № 9. С. 42–45. [Isaev E. A. Approaches to the formation of a state financial control model in the Russian Federation. *Zhurnal Biudzheta*, 2018, (9): 42–45. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtfpgo>
8. Меляева А., Паджаев Х. Понятие финансовых рынков и их особенности. *Вестник науки*. 2023. Т. 2. № 3. С. 28–32. [Meliaeveva A., Padzhaev Kh. The concept of financial markets and their features. *Vestnik nauki*, 2023, 2(3): 28–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uvbflq>
9. Чарыев Ш., Дурдылыева С. Характеристика участников мирового финансового рынка. *Всемирный ученый*. 2023. № 13. С. 450–454. [Charyev Sh., Durdylyeva S. Characteristics of participants in the global financial market. *World Scientist*, 2023, (13): 450–454. (In Russ.)]
10. Архипов А. А. Правовое регулирования финансового рынка на современном этапе. *Вестник науки*. 2023. Т. 4. № 5. С. 354–363. [Arkhipov A. A. Legal regulation of financial the market at the present stage. *Vestnik nauki*, 2023, 4(5): 354–363. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cfvjvh>
11. Лбов А. А. Проблемы государственного регулирования профессиональных участников рынка ценных бумаг. *Вестник науки*. 2018. Т. 5. № 9. С. 76–79. [Lbov A. A. Problems of state regulation of professional participants in the securities market. *Vestnik nauki*, 2018, 5(9): 76–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrsgeX>
12. Влащенко Д. А. Участники российского фондового рынка: цели деятельности, функции, проблемы развития. *Вестник евразийской науки*. 2022. Т. 14. № 1. [Vlaschenko D. A. Participants of the Russian stock market: goals of activity, functions, problems of development. *The Eurasian Scientific Journal*, 2022, 14(1). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzrsot>
13. Котельникова Л. С. Теоретические проблемы института финансового контроля в России. *Экономика и социум*. 2022. № 12-1. С. 666–670. [Kotelnikova L. S. Theoretical problems of the financial control in Russia. *Ekonomika i sotsium*, 2022, (12-1): 666–670. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vnplbz>
14. Казанцева С. Ю., Казанцев Д. А. Практика применения и перспективы развития технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере финансового контроля. *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 553–564. [Kazantseva S. Yu., Kazantsev D. A. The practice of applying and prospects for the development of artificial intelligence and robotics technologies in financial control. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2021, 11(2): 553–564. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112073>
15. Порхачев С. К. Цифровой рубль: проблемы и перспективы внедрения. *Весенние дни науки: Междунар. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.)* Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 548–552. [Porkhachev S. K. Digital ruble: problems and prospects of implementation. *Spring Days of Science: Proc. Intern.*

- Conf. of Students and Young Scientists, Yekaterinburg, 21–23 Apr 2022. Yekaterinburg: UrFU, 2022, 548–552. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/fjceip>
16. Морозов А. Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 7. С. 22–26. [Morozov A. E. Modification of the financial control model in the conditions of digital transformation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, (7): 22–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.59.7.022-026>
17. Быковская Ю. В. Проблемы финансового контроля в современной России и пути их решения. *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 202–209. [Bykovskaya Yu. V. Problems of financial control in modern Russia and solutions. *Vestnik of Economic Security*, 2019, (1): 202–209. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10042>
18. Davidson S., De Filippi P., Potts J. Disrupting governance: the new institutional economics of distributed ledger technology. *SSRN Electronic Journal*, 2016. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2811995>
19. Котляров И. Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции. *Управленец*. 2020. Т. 11. № 3. С. 72–81. [Kotliarov I. D. Digital transformation of the financial industry: the substance and trends. *Upravlenets*, 2020, 11(3): 72–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-3-6>
20. Федулова С. Ф. Дискуссионные вопросы и практические аспекты осуществления финансового контроля. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021. Т. 31. № 3. С. 403–408. [Fedulova S. F. Debatable issues and practical aspects of financial control. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2021, 31(3): 403–408. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-3-403-408>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Над выпуском работали:
Литературный редактор, литературный редактор
(английский язык), корректор –
Максимлюк Ирина Алексеевна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:
Literary editor, Literary editor (Eng.), Proof-readers –
Irina A. Maksimlyuk.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Максимлюк Ирина Алексеевна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Irina A. Maksimlyuk, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписано к печати 14.03.2024.
Дата выхода в свет __.03.2024.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 19,3. Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ ____
Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

